

Культовый роман Чака Паланика «Бойцовский клуб», впервые издающийся на русском языке, уже получил громкую известность в России благодаря не менее культовому одноименному фильму Дэвида Финчера и сценарию Джима Улса, опубликованному в журнале «Киносценарии». И вот наконец читатель может познакомиться с романом, положившим начало созданию аналогичных «бойцовских клубов» по всему миру, в том числе и у нас, в России. Так что же такое «Бойцовский клуб»? Но — тсс! Первое правило бойцовского клуба гласит: «Никогда не говори о бойцовском клубе». Лучше читай! Тем более что роман Ч. Паланика еще глубже высвечивает философские проблемы, поставленные в экранизации Д. Финчера, проблемы «поколения X», «столкнувшегося с переизбытком рациональной информации при полном пересыхании ручейка эмоциональной жизни».

Посвящается Кэрол Мэдер, которая терпела все мои заскоки. Чак Поланик

Отмазка

ЭТОТ ПЕРЕВОД ВЫПОЛНЕН И РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ В порядке протеста против откровенно халтурного выполнения своих профессиональных обязанностей официальным переводчиком романа И. Кормильцевым и редактором русского издания («АСТ») Е. Пучковой.

Перевод книги «Бойцовский клуб» Ильей Кормильцевым выполнен настолько непрофессионально и небрежно, что, по сути, является проявлением неуважения и просто хамством как по отношению к читателям, так и по отношению к автору книги.

Настоящим приношу свои извинения лично Чаку Поланику и прошу не принимать этот перевод как попытку подорвать его благосостояние.

Использование этого перевода в любых целях, кроме ознакомительных, является нарушением авторских и смежных прав автора и переводчика.

Вашу мать, имейте совесть!

Предисловие переводчика

СЛУШАЙТЕ, МУЖИКИ (НУ И, КОНЕЧНО, ДЕВЧОНКИ). Я ХОЧУ, чтобы вы сразу кое-что поняли. Это не инструкция по терроризму в домашних условиях. Это не справочник по самодельной взрывчатке.

И дело даже не в том, что, если ты будешь следовать советам книги, то будешь последним идиотом. Возможно, мёртвым идиотом: в романе есть ошибки в рецептах, и, вероятно, я внес ещё парочку. (:

Дело в том, что это — произведение искусства. Это Хемингуэй, Ремарк, Сартр, Экзюпери — нужно подчеркнуть — девяностых. Ещё один реалист-экзистенциалист, которому не досталось войны, так что он наконец-то написал про нас с тобой, а не про каких-то солдат хрен-знает-где.

Это — произведение искусства. Не нужно читать его, чтобы сделать нитроглицерин — это описано в романе Жюль Верна «Таинственный остров». Не нужно читать его, чтобы научиться портить телефонные автоматы — это описано у Пауэлла в «Поваренной книге анархиста». Не нужно бегать в лыжных масках и стрелять в людей. Пожалуйста.

И в суп, если можно, не надо писать. Ну очень не хотелось бы... чтобы в суп...

Заранее благодарен.

Посвящается Кэрол Мэдер, которая терпела все мои заскоки.

Чак Поланик

Посвящается моей любовнице, которая терпит не меньше.

Завгородний

Благодарность

Я БЫ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ «СПАСИБО» ЗА ЛЮБОВЬ И ПОДДЕРЖКУ в преодолении, ну, вы знаете, всех тех ужасных вещей, которые иногда происходят, следующим людям:

Ина Хеберт, Джефф Плит, Майк Киф, Майкл Верн Смит, Сьюзи Вителло, Том Спенбауэр, Джеральд Говард, Эдвард Гибберт, Гордон Гроуден, Деннис Стовал, Линии Стовал, Кен Фостер, Моника Дрейк, Фред Поланик.

Глава 1

ТАЙЛЕР УСТРАИВАЕТ МЕНЯ НА РАБОТУ ОФИЦИАНТОМ, а потом Тайлер засовывает пистолет мне в рот и говорит, что первый шаг к вечной жизни — это умереть. А ведь довольно долго мы с Тайлером были лучшими друзьями. Люди часто спрашивают, знаю ли я Тайлера Дёрдена.

Ствол пистолета прижат к моей глотке.

На самом деле, мы не умрём, говорит Тайлер.

Языком я ощущаю отверстия глушителя^[1], просверленные нами в стволе пистолета. Звук выстрела производится шумом расширяющихся газов — плюс хлопок, издаваемый пулей, летящей быстрее звука. Чтобы сделать глушитель, ты просверливаешь отверстия в стволе оружия, много отверстий. Это позволяет газам выходить постепенно, и скорость полета пули уменьшается и становится меньше скорости звука.

Ты просверливаешь отверстия неправильно — и пистолет отрывает тебе руку.

На самом деле, это — не смерть, говорит Тайлер. Мы станем легендой. Мы не постареем.

Я подвигаю языком ствол к щеке и говорю: Тайлер, ты говоришь о вампирах.

Все примечания и выделения — переводчика.

Здания, на котором мы сейчас стоим, не будет здесь через десять минут. Ты берёшь 98-процентную дымящую азотную кислоту и добавляешь втрое больше серной кислоты. Ты делаешь это на ледяной бане. Потом добавляешь пипеткой глицерин^[2] — каплю за каплей. Ты получаешь — нитроглицерин^[3].

Я знаю это, потому что Тайлер это знает.

Ты смешиваешь нитроглицерин с опилками и получаешь отличную пластиковую взрывчатку. Многие пропитывают нитроглицерином вату, и добавляют английскую соль^[4] в качестве

сульфата. Это тоже работает. Некоторые используют парафин^[5]. Парафин у меня никогда, никогда не работал.

Мы с Тайлером стоим на крыше небоскрёба «Parker— Morris». Пистолет в моём рту. Мы слышим, как разбивается стекло. Загляни за край. Сегодня облачно, даже здесь, наверху. Это — самое высокое здание в мире, и здесь, наверху, ветер всегда холодный.

Здесь, наверху, так тихо, что ты чувствуешь себя одной из тех мартышек, запущенных в космос. Ты делаешь свою маленькую работу, который ты обучен. Тянешь за рычаг. Нажимаешь на кнопку. Ты не понимаешь ничего из этого. А потом ты просто умираешь.

На высоте ста девяносто одного этажа ты заглядываешь за край крыши и видишь на улице внизу пёстрый ковёр людей, стоящих и смотрящих вверх. Разбилось стекло в окне под нами. Вылетает окно, а затем вываливается конторский шкаф, как большой чёрный холодильник. Прямо под нами конторский шкаф на шесть ящиков летит параллельно фасаду здания. Он медленно поворачивается в полёте, постепенно уменьшается. Потом он падает в толпу и исчезает из вида.

Ста девяносто одним этажом ниже космические мартышки из Комитета по беспорядкам Проекта «Увечье» сорвались с цепи и уничтожают саму историю.

Как это говорится — убиваешь того, кого любишь... ну, работает и наоборот.

Когда у тебя во рту пистолет, и ствол торчит между зубами, ты можешь только мычать.

Нам осталось десять минут.

Ещё одно окно разбивается, и осколки стекла мелькают в воздухе как крылья стаи голубей. Потом дюйм^[6] за дюймом из окна показывается чёрный деревянный стол, который выталкивают члены Комитета по беспорядкам. Наконец, стол наклоняется, скользит и падает, вращаясь в полёте, и в конце исчезает в толпе.

Здания «Parker-Morris» не будет здесь через девять минут. Ты берёшь нужное количество взрывчатки и минируешь несущие сваи чего угодно. Ты можешь обрушить любое здание в мире. Ты должен как следует уплотнить взрывчатку мешками с песком, чтобы взрывная волна была направлена в сваю, а не в подземный гараж вокруг.

Этого не прочитаешь в учебнике истории.

Три способа сделать напалм^[7]. Первый: смешать поровну бензин и замороженный концентрат апельсинового сока. Второй: смешать поровну бензин и диетическую колу. Третий: растворять наполнитель для кошачьего туалета в бензине, пока не загустеет.

Спроси меня, как сделать нервно-паралитический газ^[8]. Или — как заминировать автомобиль.

Девять минут.

Здание «Parker-Morris», сто девяносто один этаж, рухнет медленно, как падающее в лесу дерево. Ты можешь обрушить всё, что угодно. Странно думать, что место, где мы сейчас стоим, будет просто точкой в небе.

Мы с Тайлером на краю крыши. Пистолет в моём рту. Я удивляюсь тому, каким чистым оказался ствол.

Мы совершенно забыли обо всей убийственно-суицидальной затее Тайлера. Мы смотрим, как ещё один шкаф выскальзывает с края здания. В полёте ящики открываются, и восходящие потоки и ветер подхватывают и разносят стопки белой бумаги.

Восемь минут.

Потом — дым. Дым появляется из разбитых окон.

Команда по уничтожению взорвет детонаторы^[9] примерно через восемь минут. Детонаторы взорвут основной заряд, сваи будут раздроблены, и серии фотографий небоскреба «Parker-Morris» войдут во все учебники по истории.

Пять последовательных фотографий. Вот здание стоит. Второй кадр — здание под углом восемьдесят градусов. Потом — семьдесят градусов. На четвертом кадре — здание под углом в сорок пять градусов. Здесь скелет здания подаётся, и здание немного изгибается. Последний кадр — сто девяносто один этаж обрушивается на Национальный музей. Настоящую цель Тайлера.

Это наш мир, теперь — наш, говорит Тайлер. Все эти древние люди уже мертвы.

Если б я знал, как всё выйдет, я был бы более чем счастлив сам быть сейчас мёртвым, на Небесах.

Семь минут.

На крыше небоскрёба «Parker-Morris» с пистолетом Тайлера во рту. Столы и шкафы и компьютеры летят в толпу вокруг здания. Дым валит из разбитых окон. В трёх кварталах вниз по улице команда подрывников смотрит на часы. И я знаю, что всё это — пистолет, анархия, взрыв — на самом деле происходит изза Марлы Сингер^[10].

Шесть минут.

У нас тут что-то вроде треугольника. Мне нужен Тайлер. Тайлеру нужна Марла. А Марле нужен я.

Мне не нужна Марла. А Тайлеру не нужен я. Больше не нужен.

Речь идет не о любви и заботе. Речь идет о собственности и владении.

Без Марлы у Тайлера не было бы ничего.

Пять минут.

Может быть, мы станем легендой, может — нет.

Нет, говорю я, постой.

Где бы был Христос, если бы никто не написал Евангелий?

Четыре минуты.

Я подвигаю языком ствол к щеке и говорю: ты хочешь быть легендой? Тайлер, друг, я сделаю тебя легендой.

Я был здесь с самого начала.

Я помню всё.

Три минуты.

Глава 2

БОЛЬШИЕ РУКИ БОБА СОМКНУЛИСЬ И ЗАКЛЮЧИЛИ МЕНЯ В объятия. Я в темноте. Я прижат к огромным потным сиськам Боба, огромным как сам Бог.

Мы встречаемся в подвале церкви по вечерам. Это Арт, это Пол, это Боб.

Плечи Боба сейчас для меня как горизонт.

Жирные светлые волосы Боба дают представление о том, что такое крем для волос, который называет себя муссом для укладки. Жирные, и светлые, и очень прямые.

Его руки сомкнулись вокруг меня, ладонь прижимает мою голову к сиськам, выросшим на его могучей груди.

Всё будет хорошо, говорит Боб. Теперь ты плачь.

Всем телом от коленей до макушки я чувствую, как химические реакции внутри Боба сжигают пищу и кислород.

Может быть, они рано это выявили, говорит Боб. Может быть, это просто семинома^[11]. При семиноме вероятность выживания — почти сто процентов.

Плечи Боба поднимаются в глубоком вздохе, а затем опускаются-опускаются-опускаются в коротких всхлипах. Поднимаются. Опускаются-опускаются-опускаются.

Я прихожу сюда каждую неделю вот уже два года. И каждую неделю Боб обнимает меня, и я плачу.

Плачь, говорит Боб, вздыхает и всхлип-всхлип-всхлипывает. Давай, поплачь.

Его большое мокрое лицо опускается на мою голову — и я потерян внутри. Вот, когда я плачу. Легко плакать в душной темноте, спрятавшись в ком-нибудь, когда ты понимаешь, что всё, чего ты можешь добиться, в конце превратится в мусор. Всё, чем ты гордишься, будет отброшено прочь.

Я потерян внутри.

Сейчас я ближе ко сну, чем когда-либо за последнюю неделю.

Так я встретил Марлу Сингер.

Боб плачет потому, что шесть месяцев назад ему удалили яички. Потом — гормональная терапия. У Боба выросли груди потому, что уровень тестостерона^[12] был слишком высок. Если поднять уровень тестостерона, то тело уравнивает его выработкой эстрогенов^[13].

Вот, когда я плачу. Потому что моя жизнь закончится ничем. Меньше, чем ничем. Забвением.

Слишком много эстрогена и у тебя вырастут сиськи.

Легко плакать, когда ты понимаешь, что все, кого ты любишь, покинут тебя или умрут.

На достаточном отрезке времени вероятность выживания каждого падает до нуля.

Боб любит меня, потому что думает, что мои яички тоже удалены.

Вокруг нас, в подвале Епископальной церкви Пресвятой Троицы, среди накрытых пледами диванов из комиссионных магазинов, — около двадцати мужчин и единственная женщина. Все разбиты по парам, большинство плачет. Некоторые пары наклонились друг к другу, щека к щеке, как борцы в захвате. Мужчина в паре с единственной женщиной положил локти ей на плечи, по локтю по обе стороны головы. Её голова — между его рук, его плачущее лицо у её шеи. Женщина скашивает рот, и её рука подносит к нему сигарету.

Я подглядываю подмышкой у Большого Боба.

Вся моя жизнь, плачет Боб. Зачем я делаю что-нибудь, я не знаю.

Единственная женщина в группе поддержки больных раком яичек «Остаёмся мужчинами вместе» курит сигарету под плач незнакомца. Её взгляд встречается с моим.

Обманщица.

Обманщица.

Обманщица.

Короткие тусклые чёрные волосы. Большие глаза, как в японских мультках. Бледная тонкая кожа, затянутая в платье с обойным рисунком тёмных роз. Эта женщина была в моей группе поддержки больных туберкулёзом в пятницу вечером. Она была за круглым столом меланомы^[14] вечером в среду. Вечером в понедельник она была в группе лейкемии^[15] «Вера крепка».

Посреди её головы белой молнией сверкает пробор.

Все эти группы поддержки носят неопределённые возвышенные названия. Моя группа больных паразитами крови в четверг вечером называется «Свободны и чисты». Группа паразитов мозга называется «Вперёд и вверх».

И в воскресенье, в подвале церкви Пресвятой Троицы, в «Остаёмся мужчинами вместе», эта женщина здесь, опять.

Даже хуже. Я не могу плакать, когда она смотрит.

Это мой любимый момент — в объятьях Боба, плакать вместе с ним, без всякой надежды. Мы все так много и так тяжело работаем. Это — единственное место, где я могу расслабиться.

Это мой отпуск.

Я пришёл в свою первую группу поддержки два года назад, после того, как сходил к своему врачу по поводу бессонницы^[16]. Опять.

Я не спал три недели. Три недели без сна — и всё превращается во внетелесный опыт, как при клинической смерти.

Врач сказал, что бессонница — это только симптом чего-то большего. Найди, что на самом деле не так. Прислушайся к своему телу.

Но я просто хотел спать. Я хотел маленькие голубые капсулы амитала натрия по двести миллиграмм. Я хотел красно-синие пульты «Tuinal»^[17]. Ярко-алый как губная помада «Seconal»^[18].

Доктор велел мне жевать корень валерианы и посоветовал физические упражнения. В конце концов, я засну. Нельзя умереть от бессонницы.

Моё лицо скривилось и сморщилось как печёное яблоко. Можно было подумать, что я уже умер.

Но я же страдаю.

Доктор сказал, что если я хочу увидеть, что такое настоящее страдание, то должен заглянуть в церковь Первого Причастия во вторник вечером. Посмотреть на людей с паразитами мозга. Посмотреть на страдающих дегенерацией [\[19\]](#) костной ткани. Больных органическими дисфункциями [\[20\]](#) мозга. Больных раком.

И я пошёл.

В первой группе, в которой я был, мы познакомились. Это Алиса, это Бренда, это Довер. Все улыбаются, с невидимыми пистолетами у висков.

Я никогда не называю своё настоящее имя в группах поддержки.

Маленький скелет женщины по имени Хлоя. Её джинсы грустно обвисли там, где раньше были её ягодицы. Хлоя говорит, что самое ужасное в её болезни — это то, что никто не хочет заниматься с ней сексом. Она так близка к смерти, что страховая компания выплатила ей семьдесят пять тысяч долларов страховки. Всё, чего хочет Хлоя — это как следует трахнуться напоследок. Никакой романтики, один секс.

И что говорит парень? Вот что бы ты сказал, а?

Хлоя начала умирать с того, что постоянно чувствовала себя уставшей. А теперь Хлоя не может даже ходить на процедуры.

Порнофильмы, у нее дома есть порнофильмы.

Во время Французской революции, говорит Хлоя, женщины в тюрьмах — графини, баронессы, маркизы, кто угодно — изнасиловали бы любого, кто смог бы к ним забраться. Хлоя дышит мне в щеку. Любого. Просто изнасиловали бы, понимаешь? Секс помогал скоротать время.

La petite mort [\[21\]](#), как говорят французы.

У Хлои есть порнофильмы, если мне интересно. Амилнитрат. Гели и смазки.

В другой ситуации у меня бы уже была эрекция. Но наша Хлоя похожа на скелет, обмазанный жёлтым воском.

Хлоя выглядит как выглядит, я что... я ничего... даже меньше, чем ничего. Но её плечо колет моё, когда мы садимся в круг на шерстяном ковре.

Мы закрываем глаза. В этот раз — очередь Хлои вести нас в направленной медитации [\[22\]](#), и она ведёт нас в Сад Безмятежности. Хлоя ведёт нас к дворцу семи дверей на вершине холма. Внутри дворца семь дверей — зелёная дверь, жёлтая дверь, оранжевая. Хлоя предлагает нам открыть каждую из них — голубую дверь, красную, белую — и узнать, что за ней.

С закрытыми глазами мы представляем свою боль шаром белого исцеляющего света, летающего у наших ног и поднимающегося к нашим коленям, пояснице, груди. Наши чакры [\[23\]](#) открываются. Сердечная чакра. Головная чакра.

Хлоя ведёт нас в пещеры, где мы встречаемся с животными, олицетворяющими нашу силу. Моим оказался пингвин. Лёд покрывает пол пещеры. Пингвин говорит мне: скользи. Без всяких усилий мы скользим сквозь туннели и галереи.

Потом — время объятий.

Откройте глаза.

Это — терапевтический физический контакт, сказала Хлоя. Мы все должны выбрать себе партнера.

Хлоя бросилась мне на шею и заплакала. У неё дома есть бюстгалтеры без бретелек. И она плакала. У неё есть наручники и ароматические масла. И она плакала. А я следил за секундной стрелкой на часах, и она одиннадцать раз проделала свой путь.

Я не плакал в своей первой группе поддержки два года назад. Я не плакал во второй и в третьей группе. Я не плакал среди больных паразитами крови, или раком кишечника, или органическими дисфункциями мозга.

Так бывает при бессоннице. Всё очень далеко от тебя. Всё это — копия копии копии... Бессонница отдаляет тебя от всего вокруг. Ты не можешь дотронуться ни до чего, и ничто не трогает тебя.

А потом был Боб. Это был первый раз, когда я пришёл в группу рака яичек «Остаёмся мужчинами вместе». И Боб, здоровенный такой жлоб, надвинулся на меня и заревел.

Когда наступило время объятий, этот здоровяк прошёл через всю комнату. Руки по бокам, плечи опущены, подбородок прижат к груди. У него в глазах уже стояли слёзы.

Колени вместе, маленькие неуклюжие шажки. Боб просеменил через комнату и навис надо мной.

Боб придвинулся ко мне. Его огромные руки сомкнулись вокруг меня.

Большой Боб сказал, что он был качком. Молодость на «Dianabol»[\[24\]](#), а потом на «Wistrol»[\[25\]](#) — это стероид для скаковых лошадей. Его спортзал — у Большого Боба был собственный атлетический спортзал. Он был женат трижды. Он рекламировал продукты. А может быть, я видел его по телевизору? Вся эта программа по расширению грудной клетки была практически его изобретением.

Я не знаю, куда себя девать, когда незнакомые люди ведут себя так откровенно.

Боб не знал. Может быть, одно из его huevos и могло когда-нибудь сдать, но он знал, что это — фактор риска.

Боб рассказал мне про постоперационную гормональную терапию.

Многие качки, использующие слишком много тестостерона, обнаруживают, что у них растёт грудь.

Я спросил у Боба, что такое «huevos».

Huevos, сказал Боб. Гонады[\[26\]](#). Яйца. Balls. Тестикулы[\[27\]](#). В Мексике, где ты покупаешь стероиды, их называют «huevos».

Развод, развод, развод, сказал Боб и показал мне свою фотографию в бумажнике. Огромный, почти голый, в демонстрационной позе на каком-то соревновании.

Дурацкая жизнь, сказал Боб. Ты — на сцене. Накачанный. Выбритый. Количество жиров в теле снижено до двух процентов. Диуретики[\[28\]](#) делают тебя холодным и твёрдым на ощупь как бетон. Ты слепнешь от прожекторов и глохнешь от заводящихся и воющих динамиков, пока судья командует: протяни правую руку... согни в локте... напряги мышцы... замри... Протяни левую руку... напряги бицепс... замри...

Но это лучше, чем настоящая жизнь.

А потом — рак. Он — банкрот. У него двое взрослых детей, и они не принимают его звонки, и никогда не перезванивают.

Чтобы избавить Боба от сисек, врач должен будет сделать надрез под соском и откачать жидкость.

Это всё, что я помню. Боб обнял меня со всех сторон, и его голова накрыла мою. И вдруг — я потерян внутри, растворился в тёмном тихом полном забвении. И когда я, наконец, отодвинулся от его мягкой груди, на майке Боба остался мокрый отпечаток плачущего меня.

Это было два года назад, в мой первый вечер в «Остаёмся мужчинами вместе».

Почти каждую встречу после этого Большой Боб заставлял меня плакать.

Я никогда больше не ходил к врачу. Я никогда не жевал корень валерианы.

Это была свобода. Потерять всякую надежду было свободой.

Я ничего не говорил, так что люди в группах предполагали худшее. Они плакали сильнее. Я плакал сильнее.

Взгляд на звезды — и тебя уже нет.

Возвращаясь домой из группы поддержки, я чувствовал себя более живым, чем когда-либо. У меня не было рака, не было паразитов крови. Я был просто маленьким теплым центром жизни во вселенной.

И я спал.

Дети не спят так, как спал я.

Каждый вечер я умирал. И каждый вечер я рождался вновь.

Воскрешённый.

До сегодня. Два года успеха до сегодня. Потому что я не могу плакать, когда эта женщина смотрит на меня. Я не могу достичь самого дна отчаяния, так что я не могу быть спасён.

Мой язык во рту как кусок картона. Я кусаю его, но не чувствую боли.

Я не спал четыре дня.

Когда она смотрит на меня, я — лжец.

Оно обманщица. Онолгунья.

Сегодня мы познакомились, называли свои имена. Я Боб, я Пол, я Терри, я Дэвид.

Я никогда не называю свое настоящее имя.

Это рак, да? — сказала она.

А потом она сказала: ну, привет. Я — Марла Сингер.

Никто не сказал Марле, что это за рак. Мы были слишком заняты утешением своего внутреннего ребёнка.

Мужчина все ещё плачет у её щеки. Марла затягивается сигаретой. Я подглядываю за ней из-за вздрагивающих сисек Боба.

Для Марлы я — обманщик. С тех пор, как я увидел её во второй раз, я не могу спать.

Конечно, я стал обманщиком первым. Если, конечно, все эти люди не притворяются, с их язвами, кашлем и опухолями. Даже Боб. Большой Боб. Здоровяк. Только посмотри на его волосы.

Марла затягивается и закатывает глаза.

В это мгновение её ложь отражает мою ложь. И всё, что я вижу — это бесконечная вереница лжи. В глубине правды каждого из них — ложь.

Каждый решает, рискует поделиться своим самым ужасным страхом — что смерть смотрит ему в глаза, мчится навстречу лоб-в-лоб, прижимает ствол пистолета к глотке. Марла курит и закатывает глаза. Я закутан в плачущее одеяло. И внезапно даже болезни и смерть становятся чем-то незначительным и ненастоящим, как пластмассовые цветы в поддельной кинохронике.

Боб, говорю я, ты меня раздавишь. Я пытаюсь шептать, но повышаю голос. Боб. Я почти кричу. Боб, мне нужно отлить.

Над раковиной в туалете висит зеркало. Если так будет продолжаться, я увижу Марлу в группе «Вперёд и вверх», группе паразитов мозга. Марла будет там. Конечно, Марла будет там. И вот что я сделаю: я сяду рядом с ней. И после знакомства... после направленной медитации... когда мы откроем семь дверей дворца... после шара исцеляющего света... когда мы откроем наши чакры... когда придёт время объятий — я схвачу эту сучку!

Я прижму ей руки к бокам, и прошепчу ей на ухо: Марла, скажу я, ты лгуня, убирайся вон.

Это — самое главное в моей жизни, а ты всё портишь.

Ты, туристочка!

Следующий раз, когда мы встретимся, я скажу ей: Марла, я не могу спать, когда ты здесь.

Мне нужно это!

Убирайся!

Глава 3

ТЫ ПРОСЫПАЕШЬСЯ В АЭРОПОРТУ МИННЕАПОЛИСА. При каждом взлёте и посадке, когда самолёт наклоняется слишком резко, я молюсь о катастрофе. Это мгновение превращает мою бессонницу в нарколепсию^[29], когда мы все можем беспомощно погибнуть, сгореть перемолотым табаком человеческих тел в сигарете фюзеляжа.

Так я встретил Тайлера Дёрдена.

Ты просыпаешься в аэропорту Чикаго.

Ты просыпаешься в Нью-Йорке.

Просыпаешься в Бостоне.

Часть времени Тайлер работал киномехаником. По своей натуре Тайлер мог работать только по ночам. Если киномеханик заболел, профсоюз вызывал Тайлера.

Некоторые люди — «совы», а некоторые — «жаворонки». Некоторые живут ночью, а некоторые — днём. Я вот могу работать только днём.

Просыпаешься в Вашингтоне.

Сумма страховки увеличивается втрое, если ты умираешь в деловой поездке.

Я молюсь о штормовом порыве бокового ветра. Я молюсь о пеликанах, попадающих в турбины. Молюсь о ослабленных креплениях и обледеневших крыльях. Когда самолёт мчится по взлётной полосе и поднимает закрылки. Когда сиденья приведены в вертикальное положение и столики убраны. Когда все личные вещи находятся в багажных отделениях над головой. Когда потушены сигареты и пристёгнуты ремни. При каждом взлёте и посадке я молюсь о катастрофе.

Ты просыпаешься в Далласе.

Если кинотеатр был достаточно старый, в проекционной Тайлер делал «переключения». При «переключении» используется два кинопроектора, один из которых работает.

Я знаю это, потому что Тайлер это знает.

Второй проектор заряжен следующей катушкой фильма. Большинство фильмов идет на шести или семи небольших катушках, прокручиваемых в определённом порядке. В новых кинотеатрах склеивают все катушки вместе в одну большую пятифутовую катушку. Таким образом, тебе не нужно использовать два проектора и делать переключения. Включать то один, то другой. Катушка один. Щёлк. Катушка два на втором проекторе. Щёлк. Катушка три на первом проекторе.

Щёлк.

Ты просыпаешься в аэропорту Сиэтла.

Я изучаю людей, изображённых на ламинированной инструкции в кармане кресла самолета. Женщина плавает в океане, её каштановые волосы растрёпаны, она прижимает к груди подушку сиденья. Глаза широко открыты, но она не улыбается и не испугана. На другой картинке люди, спокойные как индусские священные коровы, тянутся со своих мест к кислородным маскам, опустившимся с потолка.

Наверное, это авария.

Ой.

Мы теряем давление в салоне.

Ты просыпаешься и ты в аэропорту Детройта.

Старый кинотеатр, новый кинотеатр. Чтобы перевезти фильм в следующий кинотеатр, Тайлеру приходилось снова разрезать его на исходные шесть или семь катушек. Маленькие катушки упаковываются в два стальных шестиугольных чемоданчика. У каждого чемоданчика сверху ручка. Ты поднимаешь один — и вывихиваешь плечо. Они столько весят.

Тайлер работал официантом, обслуживающим банкеты в отеле в центре города. И Тайлер работал киномехаником, в профсоюзе киномехаников.

Я даже не знаю, сколько ночей Тайлер работал в то время, пока я не мог спать.

В старых кинотеатрах, которые используют два проектора, киномеханик должен стоять рядом с ними и сменить проектор в нужную секунду, чтобы никто в зале не заметил разрыва между концом одной катушки и началом другой. Для этого ты ждёшь белых точек в правом верхнем углу экрана. Это предупреждение. Когда ты смотришь фильм, ты можешь увидеть эти две точки в конце каждой катушки.

Профессионалы называют их «звёздочки» или «сигаретные ожоги».

Первая точка — это двухминутное предупреждение. Ты готовишь второй проектор, чтобы включить его вовремя.

Вторая точка — это пятисекундное предупреждение. Волнение. Ты стоишь между двумя проекторами. Проекторы пышат жаром от ксеноновых [\[30\]](#) ламп, таких ярких, что посмотришь на них — и ты ослепнешь.

Первая точка мелькает на экране.

Звук в кинотеатре идет из большого динамика за экраном. Проекционная звуконепроницаема, потому что внутри неё зубчатые колесики с пулеметным грохотом протягивают киноленту перед линзами объектива со скоростью шесть футов [\[31\]](#) в секунду, десять кадров на фут, шестьдесят кадров в секунду.

Два проектора работают, ты стоишь между ними и сжимаешь в руках ручки заслонок.

На очень старых проекторах есть ещё сигнальный звонок на подающей катушке.

Даже когда фильмы показывают по телевизору — даже там остаются предупреждающие точки. Даже когда фильмы показывают в самолетах.

Чем больше ленты сматывается на принимающую катушку, тем быстрее вращается подающая. Когда лента подходит к концу, подающая катушка вращается так быстро, что начинает звенеть звонок. Пора готовиться к переключению.

Ты — в душной темноте, горячей от ламп внутри проекторов. Звонок разрывается. Стоишь между проекторами с рычагами в руках и смотришь в правый верхний угол экрана. Мелькает вторая точка. Сосчитай до пяти. Закрываешь одно окошко и в тот же момент открываешь второе.

Переключение.

Фильм продолжается.

И никто в зале ничего не замечает.

На подающей катушке есть сигнальный звонок. Так что киномеханик может вздремнуть. Киномеханик вообще может делать много вещей, которые он не должен бы делать.

Не у всех проекторов есть звонки. Дома ты иногда просыпаешься в тёмной постели, в ужасе, что заснул в проекционной и пропустил переключение. Зрители обвинят тебя. Их киносон разрушен. Менеджер позвонит в профсоюз.

Просыпаешься в Сан-Диего.

Очарование поездок. Где бы я ни был — всюду та же маленькая жизнь.

Я отправляюсь в отель. Маленький кусочек мыла, одноразовый пакетик шампуня. Одна порция масла, одноразовая зубная щётка, одноразовый флакон эликсира для рта.

Втискиваешься в стандартное кресло самолёта. Ты — великан. Все дело в том, что твои плечи слишком широки. Твои ноги — как у Алисы в Стране Чудес — протянулись на мили и упираются в ноги сидящего впереди.

Подают обед. Куриный cordon bleu [\[32\]](#) «Сделай сам» из микроволновки — как конструктор, чтобы занять тебя на время.

Пилот зажёл табло «пристегнуть ремни» и мы просим вас не покидать свои места.

Просыпаешься в Чикаго.

Иногда Тайлер просыпается в темноте в ужасе, что он проспал переключение. Или что лента порвалась. Или сдвинулась в проекторе так, что зубчатые колесики дырявят звуковую дорожку. После того, как это произойдет, лампа будет просвечивать через отверстия от зубцов, и вместо музыки и разговоров ты услышишь только оглушающий вертолётный рокот — хоп-хоп-хоп — когда свет будет проходить сквозь цепочку дырок.

Чего ещё не должен бы делать киномеханик. Тайлер вырезает удачные кадры из фильмов и делает из них слайды.

Первым фильмом с полным обнажением на экране, который мы все помним, был фильм с актрисой Angie Dickinson. К тому времени, как копии фильма добрались из кинотеатров западного берега в кинотеатры восточного, сцена обнажения исчезла. Один киномеханик вырезал кадр. Второй киномеханик вырезал кадр. Каждый хотел обзавестись слайдом обнажённой Angie Dickinson.

В этих кинотеатрах теперь бывает и порно. Некоторые парни собирают огромные коллекции вырезанных кадров.

Просыпаешься в Сиэтле.

Ты просыпаешься в Лос-Анджелесе.

Сегодня у нас почти пустой салон, так что вы можете поднять подлокотники и вытянуться. Ты вытягиваешься зигзагом, колени согнуты, спина согнута, локти согнуты, через три или четыре кресла.

Я перевожу часы на два часа назад или на три часа вперёд. Тихоокеанское, Горное, Центральное, Восточное время. Теряешь час, нагоняешь час. Это — твоя жизнь, и она заканчивается с каждой минутой.

Ты просыпаешься в Кливленде.

Просыпаешься в Сиэтле. Опять.

Ты — киномеханик. Ты устал и зол. А самое главное — тебе скучно. Так что ты просто берешь кадр порнографии из коллекции другого киномеханика, которую нашёл в проекционной. И этот кадр торчащего красного члена или крупный план зияющего влажного влагища ты клеиваешь посреди другого фильма.

Это один из тех фильмов про путешествия животных, когда собака и кот отстали от путешествующей семьи и должны теперь найти дорогу домой. На катушке три, сразу после того, как собака и кот, разговаривающие друг с другом человеческими голосами, едят из мусорного бака — вспышка эрекции.

Тайлер делает это.

Один кадр фильма находится на экране одну шестидесятую секунды. Поделите секунду на шестьдесят частей. Вот, как долго видна эрекция. Огромный, скользкий, красный, ужасный член возвышается на четыре этажа над залом попкорна — и никто его не видит.

Ты просыпаешься в аэропорту Бостона. Опять.

Эти ужасные поездки. Я езжу туда, куда не хочет ездить мой босс. Я делаю записи. Я свяжусь с вами.

Где бы я ни был — всюду я применяю формулу. И я храню тайну.

Это простая арифметика. Как задача в учебнике.

Новая машина, построенная моей компанией, покидает Чикаго со скоростью 60 миль в час. Задний дифференциал [\[33\]](#) заклинивает, и машина разбивается и сгорает со всеми, кто был в ней. Вопрос: должны ли мы отозвать все машины этой модели на доработку?

Ты берёшь количество проданных автомобилей A и умножаешь на вероятность аварии B . Потом ты умножаешь результат на среднюю стоимость улаживания дела без суда C .

A помножить на B помножить на C равно X . Вот, во сколько обойдется не отзывать машины.

Если X больше, чем стоимость отзыва, то мы отзовём машины, и никто не пострадает.

Если X меньше, чем стоимость отзыва, то мы не делаем этого.

Где бы я ни был — всюду выгоревшие искорёженные останки автомашин ждут меня. Я знаю, где все скелеты. Считайте это моей служебной тайной.

Жизнь в отелях, еда в ресторанах. Где бы я ни был — всюду я завожу маленькие дружбы с людьми, сидящими рядом со мной от Бостона до Сан-Диего до Детройта.

Я — координатор отдела рекламаций, говорю я одноразовому другу, сидящему рядом, но я работаю над своей карьерой и надеюсь вскоре стать посудомойщиком.

Просыпаешься в Чикаго. Опять.

После этого Тайлер вклеивал кадры гениталий [\[34\]](#) повсюду. Обычно — крупные планы. Влагалища и члены размером с Большой Каньон вместе с эхом, в четыре этажа высотой, покрасневшие от прилива крови. Прямо посреди танца Золушки с прекрасным принцем. И никто в зале ничего не замечал.

Люди смотрели. Никто не жаловался. Люди так же ели попкорн и пили «колу», но вечер уже не был тем же. Людей тошнило. Или они начинали плакать, и сами не знали, почему.

Разве что колибри [\[35\]](#) могла бы поймать Тайлера на горячем.

Просыпаешься в Майами.

Я слабею и потею в момент приземления, когда одно колесо ударяется о посадочную полосу, и самолет наклоняется на бок и на мгновение замирает. В этот миг ничто не имеет значения. Взгляд на звезды — и тебя уже нет. Ни твой багаж. Ничто не важно. Ни даже запах изо рта. Снаружи, за иллюминаторами — темнота. Турбины режут. Салон наклоняется — и тебе уже никогда больше не придётся составлять командировочный отчёт. Никаких квитанций на суммы больше двадцати пяти долларов. Не нужно больше стричься.

Удар — второе колесо касается полосы. Стаккато сотен отщёлкивающихся поясов. Одноразовый друг, рядом с которым ты почти умер, говорит: надеюсь, ваша встреча пройдет успешно.

Да, я тоже.

Столько длилось наше мгновение. Жизнь продолжается.

И вот, случайно, мы с Тайлером встретились.

Это был мой отпуск.

Просыпаешься в Лос-Анджелесе.

Опять.

Мы с Тайлером встретились на нудистском пляже. Это был самый конец лета. Я спал. Тайлер — голый и потный, весь в песке, мокрые волосы лезут в глаза.

Тайлер был рядом задолго до того, как мы встретились.

Тайлер вылавливал из воды плавающие доски и вытаскивал их на берег. Он уже вкопал несколько досок в мокрый песок — по глаза высотой, полукругом на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Когда я проснулся, было четыре доски, и я наблюдал за Тайлером, когда он вытаскивал на берег пятую. Тайлер выкопал яму под одним концом доски, потом приподнял другой её конец, так что доска скользнула в яму и встала почти вертикально.

Просыпаешься на пляже.

Мы были на пляже одни.

Тайлер начертил палкой прямую линию на песке в нескольких футах, вернулся и подровнял одну из досок, притоптав песок у её основания.

Я был единственным, кто за этим наблюдал.

Тайлер спросил, знаю ли я, сколько сейчас времени.

Я всегда ношу часы.

Сколько времени?

Я спросил, где.

Здесь, сказал Тайлер. И уточнил: сейчас.

Было 16:06.

Через некоторое время Тайлер сел, скрестив ноги, в тени стоящих досок. Тайлер сидел несколько минут, потом встал, искупался, надел шорты и футболку и собрался уходить.

Я должен был спросить.

Я должен был знать, что Тайлер делал, пока я спал.

Если ты просыпаешься в другом месте, в другое время — можешь ли ты проснуться другим человеком?

Я спросил Тайлера, не художник ли он.

Тайлер пожал плечами и показал мне, что пять стоящих досок были шире у основания. Тайлер показал мне линию, которую он начертил на песке, и как при помощи линии направлял тень, отбрасываемую каждой доской.

Просыпаешься — и вынужден спрашивать, где.

Тайлер создал тень огромной руки. Только теперь пальцы были длинными как у Носферату^[36], а большой палец был слишком коротким. Но он сказал, что ровно в 16:30 рука была совершенной. Гигантская тень руки была совершенной одну минуту. Одну совершенную минуту Тайлер сидел в центре, на ладони совершенства, созданного им самим.

Просыпаешься нигде.

Одной минуты достаточно, сказал Тайлер. Он тяжело работал, но мгновение совершенства стоило того.

Мгновение — максимум, чего можно ждать от совершенства.

Просыпаешься... и — хватит!

Его зовут Тайлер Дёрден. Он был киномехаником, в профсоюзе киномехаников. И он был официантом, обслуживающим банкеты в отеле в центре города. И он дал мне свой телефон.

Так я встретил Тайлера Дёрдена.

Глава 4

ВСЕ ОБЫЧНЫЕ ПАРАЗИТЫ МОЗГА ЗДЕСЬ. В ГРУППЕ «ВПЕРЕДИ вверх» всегда новые лица. Это Питер, это Элдо, это Марси.

Привет.

Познакомьтесь все, это Марла Сингер, она сегодня с нами в первый раз.

Здравствуй, Марла.

В группе «Вперёд и вверх» мы начинаем с «цепочки».

Группа не называется «Паразитические паразиты мозга». Вы никогда не услышите слова «паразиты». Все всегда идут на поправку. О, это новое лекарство. Все только что прошли переломный момент.

И всё равно у каждого в лице — намек на пятидневную головную боль.

Женщина утирает невольные слезы.

У каждого есть табличка с именем. Люди, с которыми ты встречаешься каждый вторник в течение года, подходят к тебе с протянутой рукой и глазами на табличке. Не верю, что мы встретились.

Никто не говорит «паразит». Все говорят «агент».

Никто не говорит «лечение». Все говорят «процедуры».

В «цепочке» кто-то расскажет, что агент распространился в его спинном мозге, и теперь он внезапно потерял контроль над левой рукой. Кто-то подхватит: агент иссушил оболочку его мозга, так что теперь мозг прикасается к внутренней стороне черепа, вызывая судороги.

В прошлый раз женщина по имени Хлоя поделилась единственной хорошей новостью, которая у нее была. Хлоя с трудом поднялась на ноги, держась за подлокотники кресла, и сказала, что она больше не боится смерти.

Сегодня, после знакомства и «цепочки», незнакомая девушка с табличкой, где написано, что ее зовут Гленда, сказала, что она — сестра Хлои. И что в два часа утра в прошлый вторник Хлоя, наконец, умерла.

О, как это должно быть мило. Два года Хлоя плакала у меня в руках во время «объятий». А теперь она мертва. Мертва и в земле. Мертва и в урне^[37], в мавзолее^[38], в колумбарии^[39]. Доказательство того, что сегодня ты думаешь и ходишь, а завтра ты — остывающее удобрение, пища для червей. Поразительное чудо смерти. О, как это было бы мило, если бы не... да, она.

Марла.

О, Марла смотрит на меня снова, на меня одного среди всех паразитов мозга.

Ложь.

Обман.

Марла — обманщица. Ты — обманщик. Когда люди вокруг вздрагивают или морщатся от боли. Когда они захлебываются кашлем. Когда промежность чьих-то джинсов наливается тёмно-синим — всё это сплошной театр.

И внезапно, направленная медитация меня сегодня никуда не привела. За каждой из семи дверей дворца — зелёной дверью, оранжевой дверью — Марла. За голубой дверью стоит Марла. Ложь. Направленная медитация, пещера зверя моей силы. Мой зверь — Марла. Марла, курящая сигарету. Марла, закатывающая глаза. Ложь. Чёрные волосы и пухлые французские губы. Лгунья. Губы из итальянской темной диванной кожи. Никуда бежать.

Хлоя была настоящей.

Хлоя была похожа на скелет Joni Mitchell, если бы заставить его улыбаться и ходить по вечеринке, любезничая со всеми. Представь скелетик Хлои размером с насекомое, бегущий через залы и галереи собственных внутренностей в два часа утра. Её пульс — как ревушая сирена, как голос из рупоров, объявляющий: приготовиться к смерти через десять, девять, восемь секунд... Смерть наступит через семь, шесть...

Ночью Хлоя бежит через лабиринт собственных сужающихся вен и сосудов, брызжащих горячей лимфой^[40]. Нервы вокруг как жгуты кабелей. Абсцессы^[41] в тканях как горячие белые жемчужины.

Над головой объявляют: приготовиться к опорожнению кишечника через десять, девять, восемь, семь...

Приготовиться к освобождению души через десять, девять, восемь...

Хлоя бредет по колено в жидкости из отказавших почек.

Смерть наступит через пять.

Пять, четыре.

Четыре.

Вокруг нее — следы жизнедеятельности паразитов как аэрозольные граффити^[42] на поверхности сердца.

Четыре, три.

Три, два.

Хлоя карабкается по собственному содрогающемуся горлу.

Смерть наступит через три, два...

Лунный свет проникает сквозь открытый рот.

Приготовиться к последнему вздоху... сейчас...

Освободить.

Сейчас.

Душа отделена от тела.

Сейчас.

Наступает смерть.

Сейчас.

Ой, как это должно быть мило — помнить теплую вздрагивающую Хлою в моих руках, в то время как Хлоя — где-то, мертва.

Нет. За мной наблюдает Марла.

В направленной медитации я раскрываю объятия навстречу своему внутреннему ребенку. И ребенок — Марла, курящая сигарету. Никакого шара исцеляющего света. Ложь. Никаких чакр. Представьте свои чакры раскрывающимися, как цветы, и в центре каждого, как в замедленной съемке, взрыв света. Ложь. Мои чакры остаются закрытыми.

Когда медитация заканчивается, все потягиваются, вращают головами, помогают друг другу встать. Терапевтический физический контакт. Для «объятий» я делаю три шага и становлюсь напротив Марлы. Она смотрит мне в лицо, а я смотрю на остальных в ожидании команды.

Давайте обнимем того, кто рядом с нами.

Мои руки смыкаются вокруг Марлы.

Выберите кого-нибудь особого сегодня вечером.

Рука Марлы с сигаретой прижата к боку.

Скажите этому человеку, что вы чувствуете.

У Марлы нет рака яичек. У Марлы нет туберкулеза. Она не умирает.

Ладно, в этой заумной философии мы все потихоньку умираем с самого рождения. Но Марла не умирает так, как Хлоя.

Разделите себя.

Что, Марла, нравится их дурачить?

Разделите себя без остатка.

Убирайся, Марла. Убирайся. Убирайся вон.

Плачьте, если чувствуете, что вам это нужно.

Марла смотрит на меня. У неё карие глаза. Мочки ушей припухли около дырок, в которых нет серёжек. На её потрескавшихся губах шелушится отмершая кожа.

Плачьте.

Ты тоже не умираешь, говорит Марла.

Вокруг нас парочки всхлипывают, опираясь друг на друга.

Выдайшь меня и я выдам тебя, говорит Марла.

Тогда мы можем разделить неделю, говорю я. Марла может забирать болезни костей, паразитов мозга и туберкулез. Я заберу рак яичек, паразитов крови и органические отклонения мозга.

Марла говорит: а как на счет восходящего рака кишечника?

Да, девочка выучила урок.

Мы поделим рак кишечника. Она получает первое и третье воскресенье каждого месяца.

Нет, говорит Марла. Нет, ей нужно всё. Раки, паразиты, всё.

Глаза Марлы сужаются. Она никогда даже не мечтала, чтобы чувствовать себя так здорово. Она действительно чувствует себя живой. У неё даже кожа стала чище. За всю жизнь она никогда не видела мертвеца. Не было настоящего ощущения жизни, потому что не с чем было сравнить. Но сейчас вокруг были болезни и смерть, горе и утрата. Дрожь и рыдания, страх и сожаления. Теперь, когда она знает, к чему мы все идём, она ощущает каждое мгновение своей жизни.

Нет, она не уйдёт ни из одной группы.

Нет, я не вернусь к прежней жизни, говорит Марла. Я работала в похоронной конторе, чтобы чувствовать себя лучше, хотя бы ощущать, что я дышу. А что, если я не могу найти работу по специальности?

Вот и возвращайся в свою похоронную контору, говорю я.

Похороны — ничто по сравнению с этим, говорит Марла. Похороны — всего лишь абстрактная церемония. А здесь — здесь настоящее ощущение смерти.

Пары вокруг нас утирают слёзы, сморкаются, похлопывают друг друга по спине и расходятся.

Мы не можем ходить оба, говорю я ей.

Тогда не ходи.

Но мне нужно это!

Тогда ходи на похороны.

Все вокруг разошлись и теперь соединяют руки для заключительной молитвы. Я отпускаю Марлу.

Как долго ты сюда ходишь?

Заключительная молитва.

Два года.

Мужчина в молитвенном круге берёт мою руку. Другой мужчина берёт руку Марлы.

Обычно при начале молитвы у меня сдавливает горло от волнения.

О, благослови нас. О, благослови нас во гневе и в страхе.

Два года? — Марла шепчет, склонив голову в мою сторону.

О, благослови нас и не оставь нас.

Все, кто могли заметить меня, за два года либо умерли, либо выздоровели и никогда не приходят назад.

Помоги нам, о, помоги нам.

Ладно, говорит Марла. Ладно, ладно, можешь забирать рак яичек.

Боб. Большой Боб, плачущий вокруг меня.

Спасибо.

Дай нам нашу судьбу. Дай нам мир и покой.

Да пожалуйста.

Так я встретил Марлу.

Глава 5

ОХРАННИК МНЕ ВСЁ ОБЪЯСНИЛ. Багажные рабочие могут не обращать внимания на тикающий багаж. Этот парень из охраны называл багажных рабочих «кидалами». Современные бомбы не тикают. Но если багаж вибрирует, багажные рабочие, «кидалы», должны вызвать полицию.

Так я стал жить у Тайлера. Из-за политики авиалиний касательно вибрирующего багажа.

Когда я летел обратно из Вашингтона, у меня всё было в одной сумке. Когда много путешествуешь, привыкаешь брать с собой одни и те же вещи в каждую поездку. Шесть белых рубашек. Две пары чёрных брюк.

Абсолютный минимум для выживания.

Переносной будильник. Беспроводная электробритва. Зубная щётка. Шесть пар нижнего белья. Шесть пар чёрных носков.

По словам парня из охраны, мой багаж вибрировал на вылете из Вашингтона, так что полиция сняла его с рейса.

У меня всё было в этой сумке. Мой набор для ухода за контактными линзами. Один красный галстук с синими полосами. Один синий галстук с красными полосами. Это деловые полосы, а не как на клубном галстуке. Один чисто красный галстук.

Список всех этих вещей обычно висел у меня дома на внутренней стороне двери спальни.

Дом был квартирой на пятнадцатом этаже высотного дома, похожего на картотечный шкаф для вдов и молодых специалистов.

Рекламная брошюра обещала бетонные пол, потолок и стены в фут толщиной между мной и соседской стереосистемой или телевизором. Фут бетона и кондиционирование воздуха, так что нельзя открыть окна. Так что даже кленовый паркет и выключатели с контролем яркости освещения, и все остальные тысячу семьсот квадратных футов пахли как последнее, что ты готовил, или как твой последний поход в сортир.

Да, ещё там были на кухне столешницы из натурального дерева и низковольтная проводка для освещения.

Фут бетона очень важен, когда твой сосед забыл сменить батарейку в слуховом аппарате и включает футбол на полную громкость. Или когда вулканический взрыв газа и осколков того, что было твоим гостиним гарнитуром и личными вещами, выносит окна от пола до потолка и выплескивает огонь в ночь, чтобы превратить твою — и только твою — квартиру в зияющую чёрную дыру в стене здания.

Такие дела.

Даже мой набор тарелок зелёного стекла ручной работы с небольшими пузырьками и наплывами. С крохотными песчинками, доказывавшими, что они сделаны руками честных простых прилежных тружеников живущих хрен-знает-где. Так вот, даже этот набор тарелок уничтожен взрывом. Шторы от потолка до пола разорваны на клочки и сгорели, разносимые ветром.

С высоты пятнадцати этажей всё это падало, сгорая и разбиваясь, на соседские машины.

В это время я двигался на запад, спал со скоростью 0,83 Маха[\[43\]](#) или 455 миль[\[44\]](#) в час. ФБР пыталось разминировать мой багаж в Вашингтоне.

Девять из десяти, сказал охранник, что вибрировала электробритва.

Это была моя беспроводная электробритва.

В других случаях — это вибратор.

Мне это сказал охранник. Это было в моём пункте прибытия. Без багажа, который я должен был бы на такси привезти домой, чтобы обнаружить обгоревшие обрывки своих фланелевых рубашек на земле.

Представь, сказал охранник, что такое по прибытии сказать пассажирке, что её вибратор задержал багаж на восточном берегу. Иногда это — мужчина. Политика авиакомпании — не упоминать собственника в случаях с вибратором. Использовать безличные фразы. «Вибратор». Никогда — «ваш вибратор».

Никогда не говорить, что «ваш вибратор включился». Вибратор спонтанно активировался и создал чрезвычайную ситуацию, которая потребовала эвакуации вашего багажа.

Шёл дождь, когда я проснулся перед встречей в Стэплтоне.

Шёл дождь, когда я проснулся при подлёте к дому.

Стюардесса попросила нас проверить, не оставили ли мы личных вещей на сиденьях. Затем назвала моё имя. Мне следовало встретиться с представителем авиакомпании у ворот.

Я перевёл часы на три часа назад, и было по-прежнему полночь.

У ворот меня ждал представитель авиакомпании, и с ним — охранник. Они ждали, чтобы сказать: ха-ха, твоя электробритва задержала твой багаж в Вашингтоне.

Охранник называл багажных рабочих «кидалами». Потом он называл их «сумочниками». Он сказал, что могло быть хуже — это ведь, по крайней мере, не вибратор. Затем — наверно, потому что мы оба мужчины, и это был час ночи, — он решил меня развеселить. Он спросил, знаю ли я, как на авиажаргоне называется стюардесса.

«Воздушная подушка».

Похоже было, что парень носит униформу пилота, белую рубашку с маленькими эполетами и голубой галстук.

Мой багаж был «разминирован» и прибудет на следующий день.

Охранник узнал моё имя и адрес, и телефонный номер, и потом он спросил меня, чем отличается рубка пилотов от презерватива^[45].

В презерватив можно всунуть только один член.

Я поехал домой на последние десять долларов.

Местная полиция тоже задавала много вопросов.

Моя электробритва, которая не была бомбой, была всё ещё в трех часовых зонах от меня.

Что-то, что было бомбой, причем большой бомбой, разнесло вдребезги мои кофейные столики «Njirunda» в форме лимонно-зеленого «инь» и оранжевого «ян», которые составлялись в круг. Ну, теперь они уже были разделены навечно.

Мой диванный гарнитур «Naraganda» с оранжевыми покрывалами, дизайн Erika Pekkarä, теперь превратился в хлам.

Я не был единственным рабом инстинкта гнездовья. Люди, которых я знаю, которые раньше сидели в туалете с порнографией, теперь сидят в туалете с каталогами мебели «IKEA».

У нас у всех одинаковые кресла «Johanneshov» в зелёную полоску. Моё загорелось и упало с пятнадцатого этажа в фонтан.

У нас у всех одинаковые бумажные лампы «Rislampa/Har» из проволоки и экологически безопасной неотбеленной бумаги. Мои превратились в конфетти.

Все это время, проведённое в туалете.

Набор ножей «Alle». Нержавеющая сталь. Подходят для посудомоечной машины.

Напольные часы «Vild» из гальванизированной стали — о, мне такие нужны.

Полки «Klipsk» — о, да.

Коробки для шляп «Hemlig». Да.

Улица у моего дома была усеяна обрывками и осколками всего этого.

Покрывала «Mommala», дизайн — Tomas Harila. Доступны следующие расцветки: «орхид», «фуксия», «кобальт», «эбони», «джет», «яичная скорлупа» или «вереск».

Вся моя жизнь ушла на то, чтобы купить это.

Мои столики «Kalix» со специальным лаком, практически не требующим ухода.

Мои составные столы «Steg».

Ты покупаешь мебель. Ты говоришь себе, это последний диван, который мне понадобится в жизни. Покупаешь диван. И на несколько лет ты удовлетворён. Что бы там не произошло, диван у тебя есть.

Потом — правильный набор тарелок.

Потом — совершенная кровать.

Шторы. Ковры.

Потом ты попадаешь в ловушку собственного любимого гнездышка. Вещи, которыми ты владеешь, начинают владеть тобой.

Пока я не вернулся из аэропорта.

Швейцар выходит из тени, чтобы сказать, что произошел несчастный случай. Полиция была здесь и задавала много вопросов.

Полиция считает, что это мог быть газ. Может быть, погас пилотный огонёк на водонагревателе, или горелка была неплотно закрыта, пропуская газ. Газ поднимался к потолку, и газ заполнял квартиру от потолка до пола в каждой комнате. Тысяча семьсот квадратных футов с высокими потолками. Газ должен был заполнить каждую комнату. Когда все комнаты были заполнены до самого пола, включился компрессор в основании холодильника.

Детонация.

Окна от пола до потолка в алюминиевых рамах вылетели, и диваны и лампы и тарелки и горящие простыни и школьные альбомы и дипломы и телефон выброшены взрывом. Всё вылетело с пятнадцатого этажа в языке пламени.

Нет, только не мой холодильник! Я собрал целые полки разных сортов горчицы, от каменно-твёрдой до традиционной английской. У меня было четырнадцать приправ к салату с разными вкусами и без содержания жиров. Семь сортов каперсов.

Да, знаю, знаю. Дом полон приправ, а еды — никакой.

Швейцар прочищает нос, и что-то громко шлёпается в его носовой платок, как бейсбольный мяч в перчатку.

Вы можете подняться на пятнадцатый этаж, говорит швейцар, но никто не имеет права входить в квартиру. Распоряжение полиции.

Полиция спрашивала, была ли у меня бывшая подруга, которая могла бы хотеть сделать это. Или может быть, у меня есть враги, имеющие доступ к динамиту.

Туда незачем подниматься, говорит швейцар. Остались только бетонные стены.

Полиция не исключает поджог. Никто не чувствовал запаха газа.

Швейцар поднимает бровь. Этот парень проводил время, флиртуя с медсестрами и няньками, которые работали на верхнем этаже и ожидали в вестибюле, пока их развезут по домам. Три года я живу здесь, и три года швейцар сидит и читает свой «Ellery Queen»^[46] каждый вечер, когда я перекладываю из руки в руку сумки и пакеты, чтобы открыть дверь и войти.

Швейцар поднимает бровь и рассказывает, как некоторые люди уезжают в длительную поездку и оставляют горящую свечу, длинную горящую свечу посреди большой лужи бензина. Так поступают люди с финансовыми трудностями. Люди, которые ищут выхода.

Я прошу воспользоваться телефоном в вестибюле.

Многие молодые люди пытаются произвести впечатление на мир, покупая слишком много вещей, говорит швейцар.

Я звоню Тайлеру.

Телефон звонит в арендованном Тайлером доме на Paper Street^[47].

Тайлер, пожалуйста, спаси меня.

Телефон звонит.

Многие молодые люди не знают, чего они на самом деле хотят, говорит швейцар, прикасаясь к моему плечу.

Тайлер, пожалуйста, спаси меня.

Телефон звонит.

Молодые люди думают, что им нужен весь мир.

Спаси меня от шведской мебели.

Спаси меня от прикладного искусства.

Телефон звонит.

И Тайлер, наконец, отвечает.

Сначала не можешь понять, чего хочешь, говорит швейцар, а в конце не можешь уже ничего.

Пусть я не буду цельным.

Пусть я не буду значимым.

Пусть я не буду совершенным.

Спаси меня, Тайлер, от цельности и совершенства.

Мы с Тайлером договорились встретиться в баре.

Швейцар спросил, по какому номеру полиция может меня найти.

Все ещё шел дождь. Моя «Audi» всё ещё была припаркована на стоянке, но в ветровом стекле торчал галогенный торшер «Дакаро».

Мы с Тайлером встретились и выпили пива. И Тайлер сказал, да, я могу пожить у него. Но я должен оказать ему одну услугу.

На следующий день должен прибыть мой багаж с абсолютным минимумом. Шесть рубашек, шесть пар нижнего белья.

Здесь, пьяный в баре, где никто на нас не смотрит, и никому до нас нет дела, я спрашиваю Тайлера, что он хочет, чтобы я сделал.

Тайлер говорит: я хочу, чтобы ты ударил меня изо всех сил.

Глава 6

ВТОРОЙ КАДР МОЕЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ДЛЯ «MICROSOFT». Я чувствую вкус крови и сглатываю.

Мой босс не знает материала, но не позволит мне провести презентацию с подбитым глазом и лицом, распухшим от шрамов внутри рта. Шрамы на внутренней стороне щеки открылись, я это чувствую языком. Я продолжаю сглатывать кровь. Мой босс ведет презентацию по моему сценарию, а я управляю проектором, скрытый в темном углу комнаты.

Мои губы влажные от крови. Я пытаюсь слизать её с губ. Когда включается свет, я поворачиваюсь к консультантам Элен, Уолтеру, Норберту и Линде из «Microsoft» и говорю: спасибо за ваш визит. Мой рот блестит от крови. Кровь растекается в щелях между зубами.

Ты можешь проглотить больше пинты [\[48\]](#) крови, пока тебя не стошнит.

Бойцовский клуб — завтра. И я не пропущу его.

Перед презентацией Уолтер из «Microsoft» улыбнулся своей широкой белозубой улыбкой, как с рекламы стоматологических услуг. Белоснежная улыбка на загорелом лице цвета картофельных чипсов, поджаренных на барбекю. Уолтер пожал мою руку своей мягкой белой рукой с перстнем-печаткой.

Уолтер сказал: страшно подумать, что стало с тем, другим парнем.

Первое правило бойцовского клуба: ты не говоришь о бойцовском клубе.

Я сказал Уолтеру, что я упал.

Я сам это с собой сделал.

Перед презентацией, когда я сидел напротив босса, рассказывая ему, какой момент в сценарии соответствует какому слайду, и где нужно запустить видеофрагмент, он спросил: во что ты ввязываешься каждый уикенд?

Я просто не хочу умирать без единого шрама, ответил я. Сейчас не важно иметь прекрасное тело. Вы же видели эти коллекционные машины пятидесятых годов, которые до сих пор как будто только сошли с конвейера. Бред какой, а?

Второе правило бойцовского клуба: ты не говоришь о бойцовском клубе.

Может быть, во время обеда официант подойдет к твоему столику. И у официанта будут чёрные круги вокруг глаз как у гигантской панды. Это после бойцовского клуба, где ты видел его голову прижатой к бетонному полу коленом двухсотфунтового грузчика. Он всаживал кулак твоему официанту в переносицу снова и снова, с глухими звуками, которые были слышны даже сквозь рёв толпы. И так — пока официант не смог вдохнуть и, брызгая кровью, крикнуть: стоп!

Но ты ничего не скажешь, потому что бойцовский клуб существует только в часы между началом и концом бойцовского клуба.

Ты видишь парня, который работает в копировальном центре. Он не может запомнить, как подшивать заказы, или какого цвета бирки крепить к пакетам с копиями. Но месяц назад ты видел его в клубе, и он был богом на десять минут, когда сбил с ног банкира вдвое больше себя и бил его, пока тот не крикнул «стоп».

Это третье правило бойцовского клуба: когда кто-то сдаётся, или теряет сознание, даже если он притворяется — бой окончен.

Каждый раз, когда ты видишь этого парня, ты не можешь сказать ему, как хорошо он сражался.

Бои идут только один на один. Только один бой за раз. Никаких рубашек, никакой обуви. Бои будут продолжаться столько, сколько будет нужно. Это — остальные правила бойцовского клуба.

Люди в бойцовском клубе — это не те же люди, что в остальном мире. Даже если ты скажешь парню в копировальном центре, что он хорошо сражался, ты будешь говорить не с тем человеком.

Тот, кто я есть в бойцовском клубе, — не тот же, кого знает мой босс.

После ночи в бойцовском клубе всё вокруг тебя звучит на полгромкости. Ничто не трогает тебя. Твоё слово — закон. И даже если другие нарушают его или оспаривают — даже это не трогает тебя.

В обычном мире я — координатор отзывов компании в рубашке и галстук, сидящий в темноте с полным ртом крови и сменяющий слайды, пока мой босс рассказывает людям из «Microsoft», как он выбирает определённый оттенок синего для иконки.

Первым бойцовским клубом были мы с Тайлером, избивающие друг друга.

Когда-то я приходил домой в ярости от того, что моя жизнь не укладывается в мой пятилетний план. И тогда я полировал мебель или копался в машине. В один прекрасный день я был бы мёртв, без единого шрама, и после меня бы остались прекрасная машина и замечательная

квартира. Действительно замечательные до тех пор, пока не осела бы пыль, или пока не объявился бы новый хозяин. Ничто не вечно. Даже Мона Лиза разрушается.

После бойцовского клуба я могу пошатать языком половину зубов во рту.

Может быть, самосовершенствование — это не ответ.

Тайлер никогда не знал своего отца.

Может быть, саморазрушение — это ответ.

Мы с Тайлером всё ещё ходим в бойцовский клуб. Бойцовский клуб теперь находится в подвале бара, после того, как бар закрывается в субботу вечером. И каждую неделю я прихожу, и в нем всё больше людей.

Тайлер выходит под единственную лампу в центре темного бетонного подвала. Он видит свет, отражённый в глубине полусотни пар глаз. Первое, что говорит Тайлер, это: первое правило бойцовского клуба — вы не говорите о бойцовском клубе.

Второе правило бойцовского клуба, говорит Тайлер, вы не говорите о бойцовском клубе.

Я знал своего отца шесть лет. Но я не помню ничего. Мой отец создаёт новую семью в новом городе каждые шесть лет. Это не похоже на семью, скорее — на создание филиалов.

Ты видишь в бойцовском клубе поколение мужчин, возвращённых женщинами.

Тайлер стоит под единственной лампой в полуночной тьме подвала, полного людей. Тайлер оглашает остальные правила. Бои идут только один на один. Только один бой за раз. Никаких рубашек, никакой обуви. Бои будут продолжаться столько, сколько будет нужно.

И седьмое правило, говорит Тайлер. Если это твоя первая ночь в бойцовском клубе — ты должен драться.

Бойцовский клуб — это не футбол в телевизоре. Это не то, что смотреть на людей, находящихся от тебя за полмира, избивающих друг друга живьём через спутник с двухминутной задержкой, с рекламой каждые десять минут, с паузой для идентификации станции. После того, как ты побывал в бойцовском клубе, смотреть футбол по телевизору — всё равно, что смотреть порнографию вместо того, чтобы как следует трахнуться.

Бойцовский клуб становится причиной того, чтобы ходить в спортзал, стричь волосы и ногти. Спортзалы, в которые ты ходишь, наполнены парнями, старающимися походить на мужчин. Как если бы быть мужчиной означало выглядеть как сказал скульптор или дизайнер.

Как говорит Тайлер, даже яйцо может назвать себя крутым.

Мой отец никогда не ходил в колледж, так что было действительно важно, чтобы в колледж ходил я. После колледжа я позвонил ему по межгороду и спросил: что теперь?

Мой отец не знал.

Когда я нашёл работу, когда мне было двадцать пять, межгород, я спросил: что теперь?

Мой отец не знал. Так что он сказал: женись.

Я как тридцатилетний мальчик. Я спрашиваю себя: другая женщина — это тот ответ, который мне нужен?

То, что происходит в бойцовском клубе, не выразишь словами.

Некоторым парням нужна драка каждую неделю. На этой неделе Тайлер сказал, что только первые пятьдесят войдут внутрь, и всё. Не больше.

На прошлой неделе я вызвал одного парня, и мы попали в список сражающихся. У него, наверное, была тяжёлая неделя. Он зажал руками мою шею «полным нельсоном» и бил моей головой о бетонный пол, пока мои зубы не разорвали щёку изнутри, а глаз не заплыл и не закровоточил. Когда я смог выговорить «стоп», я посмотрел на пол, и там остался кровавый отпечаток половины моего лица.

Тайлер стоял рядом со мной, мы оба смотрели вниз на большое кровавое «О» моего рта и кровавое пятно на месте глаза, смотрящее на нас с пола.

Круто, сказал Тайлер.

Я пожал парню руку и сказал: хороший бой.

А парень сказал: как насчёт следующей недели?

Я попытался усмехнуться и сказал: посмотри на меня. Как насчёт следующего месяца?

Нигде ты не жив так, как в бойцовском клубе. Когда ты и твой противник в круге света. Когда все вокруг смотрят на тебя. В бойцовском клубе не важно, выиграл ты или проиграл бой. Это не выразишь в словах. Да и дело не в словах.

Когда человек приходит в бойцовский клуб в первый раз, его задница — как ломоть белого хлеба. Когда ты видишь его же через полгода, он как будто изваян из дерева. Он знает, что может справиться с чем угодно.

Тяжёлое дыхание и шум бойцовского клуба напоминают о спортзалах. Но в клубе дело не в том, чтобы хорошо выглядеть. Истерические крики — как в сектантской церкви. Когда ты просыпаешься утром в воскресенье, ты чувствуешь себя спасённым.

После последнего боя мой противник вытирал пол, пока я звонил в страховую компанию перед визитом в больницу.

В больнице Тайлер сказал врачам, что я упал.

Иногда Тайлер говорил за меня.

Я сам это с собой сделал.

Снаружи вставало солнце.

Ты не говоришь о бойцовском клубе потому, что, кроме пяти часов с двух до семи в воскресенье ночью, бойцовского клуба не существует.

Когда мы с Тайлером изобрели бойцовский клуб, ни один из нас никогда раньше не дрался. Если ты никогда не дрался, ты не знаешь. Ты не знаешь, что такое боль. Ты не знаешь, что ты можешь сделать с другим.

Я был первым, кого Тайлер решился попросить. Мы оба напились в баре, где никому до нас не было дела. Тайлер сказал: я хочу, чтобы ты оказал мне одну услугу.

Я хочу, чтобы ты ударил меня изо всех сил.

Я не хотел, но Тайлер мне всё объяснил. Он объяснил, что не хочет умирать без единого шрама. Что устал смотреть на бои профессионалов. Что хочет больше узнать о себе.

О саморазрушении.

В тот момент моя жизнь казалась такой наполненной. Может быть, действительно нужно разрушить всё, чтобы сделать себя чем-то лучшим.

Я оглянулся вокруг и сказал, ладно. Ладно, сказал я, только снаружи, на стоянке.

Мы вышли наружу. Я спросил у Тайлера, хочет ли он, чтобы я ударил его в лицо или в живот.

Тайлер сказал: удиви меня.

Я сказал, что я никогда никого не бил.

А Тайлер сказал: вот сейчас самое время.

Я сказал: закрой глаза.

Нет, ответил Тайлер.

Как любой в свой первый вечер в бойцовском клубе, я набрал побольше воздуха, размахнулся и ударил Тайлера в челюсть, как во всех ковбойских фильмах. Мой кулак попал Тайлеру в шею.

Ой, сказал я, извини, это не считается. Я попробую ещё раз.

А Тайлер сказал, что это ещё как считается. И ударил меня прямо в центр груди, как боксёрская перчатка на пружине в субботнем утреннем мультике, так что я отлетел назад и ударился о стоявшую машину.

Мы так и стояли там. Тайлер потирал шею, а я держался за грудь. Мы оба понимали, что двигаемся куда-то, где никогда до этого не были. Как кот и мышонок в мультике, мы всё ещё были живы, и хотели знать, как далеко можем зайти, оставаясь в живых.

Тайлер сказал: круто.

Я сказал: ударь меня ещё раз.

Тайлер сказал: нет, ты ударь меня.

Я ударил его прямо по уху, как-то по-девчоночьи размахнувшись. А Тайлер с разворота попал мне ногой прямо в желудок.

То, что произошло дальше, не выразишь в словах. Но бар закрылся, и люди вышли из него, и кричали вокруг нас на стоянке.

Вместо Тайлера, я почувствовал, что, наконец, могу добраться до всего в моей жизни, что шло не так. До одежды, которая возвращалась из прачечной со сломанными пуговицами. До банка, который утверждал, что у меня превышен кредит на сотни долларов. До работы, где мой босс садится за мой компьютер и лезет, куда его не просят. До Марлы Сингер, которая украла мои группы поддержки.

Когда драка закончилась, ничто не было решено, но ничто и не имело значения.

Первый раз мы дрались в воскресенье вечером. Тайлер не брился все выходные, так что костяшки пальцев у меня были счёсаны о его щетину. Мы лежали на стоянке, смотря в небо на единственную звезду, пробивавшуюся сквозь свет фонарей. Я спросил Тайлера, с чем он сражался.

Тайлер сказал, что со своим отцом.

Может быть, нам не нужен отец, чтобы чувствовать себя полноценными.

Нет ничего личного в том, с кем сражаешься в бойцовском клубе. Ты сражаешься, чтобы сражаться.

Ты не должен говорить о бойцовском клубе. Но мы говорили. И в следующие недели люди встречались на этой стоянке после закрытия бара. А когда похолодало, другой бар предложил этот подвал, где мы встречаемся сейчас.

Когда встречается бойцовский клуб, Тайлер оглашает правила, которые мы с ним придумали.

Большинство из вас, говорит Тайлер, сейчас здесь потому, что кто-то нарушил правила. Кто-то сказал вам о бойцовском клубе. Вам лучше прекратить говорить о клубе, или можете открыть другой бойцовский клуб. Потому что на следующей неделе вы будете вносить свои имена в список, и только первые пятьдесят в списке войдут внутрь. Если ты вошёл, и если ты хочешь сражаться — тогда решай, с кем. Если ты не хочешь сражаться, то есть другие, которые хотят, а тебе, наверное, лучше остаться дома.

Если это твоя первая ночь в бойцовском клубе, говорит Тайлер, ты должен драться.

Большинство приходит в бойцовский клуб из-за чего-то, чего они слишком боятся, чтобы сразиться с ним. После нескольких боёв они боятся уже намного меньше.

Многие лучшие друзья встретились впервые в бойцовском клубе.

Теперь я прихожу на встречи и конференции и вижу там знакомые лица. Экономисты, менеджеры, адвокаты со сломанными носами, синяками под глазами, шрамами на лице, опухшими челюстями. Это тихие молодые люди, которые слушают, пока не настало время решать.

Мы киваем друг другу.

Потом мой босс меня спросит, откуда я знаю так много этих людей.

По его словам, в бизнесе всё меньше джентльменов и всё больше бандитов.

Презентация продолжается.

Уолтер из «Microsoft» ловит мой взгляд. Это молодой парень с прекрасными зубами и отличной кожей. У него работа, о которой стоит написать в журнал выпускников колледжа. Ты знаешь, что он слишком молод, чтобы участвовать в какой-нибудь войне. Если его родители и не развелись, то его отца всё равно никогда не было дома. И вот он смотрит на мое лицо — половина чисто выбрита, половина изуродована шрамом и скрывается в темноте. У меня на губах блестит кровь.

Может быть, Уолтер думает о вегетарианском пикнике, на котором был на прошлых выходных. Или о разрушающемся озоновом слое. Или о том, как важно прекратить эксперименты над животными.

Хотя — нет. Вряд ли.

Глава 7

ОДНАЖДЫ УТРОМ В ТУАЛЕТЕ ПЛАВАЕТ МЁРТВАЯ МЕДУЗА использованного презерватива.

Так Тайлер встретил Марлу.

Я встаю отлить, и в унитазе среди наскальных рисунков грязи вижу это.

Интересно, что сейчас думают сперматозоиды.

Это? Это что, шейка матки? Что происходит, а?

Всю ночь мне снилось, что я трахаю Марлу Сингер. Марла Сингер курит свою сигарету. Марла Сингер закатывает глаза.

Я проснулся один в собственной постели. Дверь в комнату Тайлера была закрыта.

Дверь в комнату Тайлера никогда не закрывалась.

Всю ночь шёл дождь. Крыша давно прохудилась и протекала. Вода просачивается внутрь, собирается под обоями и под штукатуркой, капает сквозь электропроводку.

Когда идёт дождь, нужно отключать пробки. Ты не осмеливаешься включить свет. Мы ходим со свечами.

В доме, который арендует Тайлер, три этажа и подвал. Здесь есть кладовки, и спальные веранды, и витражи в окнах на лестничных площадках. Здесь в гостиной есть ниши с окнами и диванчиками. Плинтусы покрыты резьбой и лаком, они восемнадцати дюймов высотой.

Дождь просачивается в дом, и все деревянное разбухает или дает усадку. И гвозди во всем деревянном, — в полу, в плинтусах, в оконных рамах, — гвозди выползают наружу и ржавеют. Повсюду ржавые гвозди, на которые можно наступить или зацепиться локтем.

Здесь только один туалет на семь спален.

И теперь здесь — использованный презерватив.

Дом ожидает чего-то. То ли изменения плана застройки, то ли утверждения завещания. Я спросил Тайлера, сколько он здесь, и он ответил, что около шести недель.

До начала времён у дома был владелец, который коллекционировал подшивки «National Geographic» и «Reader's Digest». Большие кривые стопки журналов, которые с каждым дождём становятся всё выше. Тайлер говорит, что последний арендатор пускал глянцевые страницы журналов на конверты для кокаина.

Во входной двери нет замка с тех пор, как полиция, или кто-то ещё, выбил дверь.

Здесь девять слоев обоев на стенах столовой. Цветочки под полосками под цветочками под полосками под птичками под листочками.

Единственные соседи — это закрытая автомастерская, и через дорогу — склад длиной в квартал.

В доме есть шкаф с семифутовыми валиками для камчатных скатертей, чтобы не образовывались складки. Здесь есть охлаждаемый шкаф с кедровым шпоном, для мехов.

Здесь есть кафель в ванной, который расписан маленькими цветочками, расписан лучше, чем у многих расписаны подарочные свадебные сервизы.

И здесь есть использованный презерватив в туалете.

Я живу здесь с Тайлером уже месяц.

Тайлер появляется, когда я завтракаю. Его шея и грудь покрыты засосами от поцелуев и следами зубов. Я сижу и читаю старый номер «Reader's Digest».

Такой дом, как наш, подойдёт торговцу наркотиками. Соседей нет. На Paper Street вообще ничего нет, кроме склада и бумажной фабрики. Пар из её труб пахнет кишечными газами. Оранжевые кучи опилок на её дворе пахнут как клетка с хомяком.

Такой дом, как наш, подойдёт торговцу наркотиками, потому что днём по Paper Street проезжают тысячи грузовиков, а ночью кроме нас с Тайлером нет никого на полмили вокруг.

Я нахожу в подвале всё новые и новые стопки старых номеров «Reader's Digest». Теперь в каждой комнате лежит по стопке журналов.

«Жизнь в Соединённых Штатах».

«Смех — лучшее лекарство».

Кроме этих журналов, у нас и мебели-то почти нет.

В очень старых журналах есть странные статьи. Например, цикл статей, в которых органы человека рассказывают о себе. Они написаны от первого лица.

«Я — Матка Джейн».

«Я — Простата Джека».

Так и написано.

Тайлер, по пояс голый, выходит на кухню и садится на кухонный стол. Он весь покрыт засосами и следами зубов. Тайлер говорит, так и так, вчера вечером он познакомился с Марлой Сингер и трахнул её.

Услышав это, я превращаюсь в Желчный Пузырь Джека.

Я сам виноват. Это всё моя вина. Иногда ты расплываешься за то, что сделал. А иногда — за то, чего не сделал.

Вчера вечером я позвонил Марле. Мы договорились с ней, что если я хотел пойти в группу поддержки, то звонил ей и узнавал, не собирается ли идти она. В тот вечер была меланхолия, а мне было плохо.

Марла живет в отеле «Regent». Громкое название. Красные кирпичи, сцементированные соплями. Матрасы упакованы в полиэтилен, чтобы те постояльцы, которые приходят умереть, не испортили их. Сядешь на край постели — и вместе с одеялами и простынями окажешься на полу.

Я позвонил Марле в отель «Regent», чтобы узнать, идёт ли она на меланхолию.

Марла разговаривала как в замедленном кино. Это, наверное, не настоящее самоубийство, сказала Марла. Наверное, это всего лишь ещё один «крик о помощи». Но в любом случае, она приняла весь «Хапах»[\[49\]](#), который у неё был.

Прямо представляю: Марла бросается на стены в своей комнате в отеле «Regent» и кричит: я умираю, я умираю!

Это может затянуться надолго.

Так ты сегодня вечером никуда не собираешься?

Я собираюсь умереть, говорит Марла. Если хочешь заехать посмотреть, то поторопись.

Спасибо, говорю я. Но у меня уже есть планы на вечер.

Без проблем, говорит Марла. Умереть можно и в компании телевизора. Лишь бы там было, что смотреть сегодня вечером.

А я пошёл на меланому. Вернулся домой рано. Я лёг спать.

И вот, следующим утром за завтраком, Тайлер, с ног до головы в засосах, объясняет мне, что Марла — сука и извращенка. И что именно это ему в ней и нравится.

Вчера вечером после меланомы я пришёл домой и сразу лёг спать. И мне всю ночь снилось, что я трахаю трахаю трахаю Марлу Сингер. Следующим утром я слушаю Тайлера, притворяясь, что читаю «Reader's Digest».

Настоящая сука, понимаешь.

«Reader's Digest».

«Юмор в армейской форме».

Я — Разливающаяся Желчь Джека.

А что она несла ночью, говорит Тайлер. В жизни ни от одной девки такого не слышал.

Я — Скрип Зубов Джека.

Я — Раздувающиеся Ноздри Джека.

После того, как Марла кончила раз десять подряд, говорит Тайлер, она сказала, что хочет забеременеть. Она хочет забеременеть, чтобы сделать аборт от Тайлера.

Я — Белеющие Костяшки Пальцев Джека.

Как мог Тайлер не повестись на это? Позапрошлой ночью он клеивал кадры гениталий в «Белоснежку».

Как я могу бороться за его внимание?

Я — Возмущенное Чувство Отверженности Джека.

Самое худшее, что всё это — моя вина.

Когда прошлой ночью я отправился спать, Тайлер пришёл домой со смены официантом. Марла снова позвонила из отеля «Regent».

Вот оно, сказала Марла. Туннель, и свет ведёт её по туннелю вниз.

Опыт смерти был так прекрасен, что Марла хотела описать мне, как её душа отделяется от тела и поднимается вверх. Марла не была уверена, что её душа сможет пользоваться телефоном, но хотела, чтобы кто-нибудь, по крайней мере, услышал её последний вздох.

Нет. Нет. Телефон поднял Тайлер. И Тайлер всё не так понял.

Они никогда не встречались. Так что Тайлер решил, что это будет плохо, если Марла умрёт.

Ничего подобного.

Это не касалось Тайлера. Но он позвонил в полицию, а потом помчался в отель «Regent».

Теперь, согласно древнему китайскому обычаю, который мы все узнали из телевизора, Тайлер ответственен за Марлу навсегда, поскольку спас ей жизнь.

Если бы только я потратил несколько лишних минут, и отправился спать уже после того, как Марла умерла, тогда ничего бы этого не случилось.

Тайлер говорит мне, что Марла живет в комнате 8G, на последнем этаже отеля «Regent». Восемь лестничных пролётов вверх, по шумному коридору с приглушёнными звуками телевизоров, пробивающимися сквозь закрытые двери. Каждые несколько секунд актриса визжит, или актер с криком умирает в рое пуль. Тайлер проходит по коридору до конца, и раньше, чем он успевает постучать, тонкая бледная рука просовывается в щель приоткрытой двери, хватая Тайлера за запястье и втаскивает внутрь.

Я зарываюсь в «Reader's Digest».

Когда Марла втягивает Тайлера в комнату, он слышит визг тормозов и вой сирен, собирающихся у отеля «Regent».

На гардеробе стоит искусственный член, сделанный из того же розового мягкого пластика, что и миллионы кукол Барби. Тайлер представляет себе вереницы отштампованных кукол Барби и искусственных членов, едущих по одному конвейеру в Тайване.

Марла смотрит на Тайлера, смотрящего на член, закатывает глаза и говорит: не бойся, это тебе не грозит.

Марла вытаскивает Тайлера обратно в коридор и говорит, что ей очень жаль, но не нужно было звонить в полицию. Это ведь полиция сейчас уже прямо под ними у лестницы?

В коридоре Марла запирает дверь 8G и тянет Тайлера к лестнице. На лестнице Тайлер и Марла прижимаются к стене, пропуская полицию и реаниматоров с баллонами кислорода, спрашивающих, где находится номер 8G.

Марла говорит им, что это дверь в конце коридора.

Марла кричит полиции, что девушка, жившая в 8G, была милой очаровательной девушкой, но теперь она — чудовище, просто чудовище. Она — мусор, отброс общества. Она так запуталась и так боится сделать что-нибудь неправильно, что не делает вообще ничего.

Девушка в 8G утратила веру в себя, кричит Марла. И она боится, что чем старше она становится, тем меньше и меньше у неё будет возможностей в жизни.

Удачи вам, кричит Марла. Спасайте её на здоровье.

Полиция стучится в закрытую дверь номера 8G. Марла и Тайлер спускаются по лестнице. Позади них полицейский кричит: Марла, дай нам помочь тебе! Мисс Сингер, у вас есть все причины, чтобы жить! Простопусти нас, Марла, и мы поможем тебе решить твои проблемы!

Марла и Тайлер спешат по улице. Тайлер садит Марлу в такси. В окнах на восьмом этаже Тайлер видит тени,двигающиеся по комнате Марлы.

На автостраде с шестью полосами движения, среди машин, мчащихся вперёд, вдаль, Марла говорит Тайлеру, что ему придётся не давать ей спать всю ночь. Если она заснёт — ей конец.

Многие люди хотели бы её смерти, говорит Марла Тайлеру. Эти люди уже умерли, они уже там, по другую сторону. По ночам они звонят ей по телефону. Если Марла идёт в бар, там она слышит, как бармен зовёт её к телефону. Когда она берёт трубку, в трубке — мёртвая тишина.

Тайлер и Марла были вместе почти всю ночь в соседней со мной комнате. Когда Тайлер проснулся, Марла уже исчезла, вернулась в свой отель.

Я говорю Тайлеру, Марле Сингер не нужен любовник. Ей нужен психиатр.

Тайлер говорит: не называй это любовью.

Короче, теперь Марла разрушает ещё одну часть моей жизни. Так повелось с колледжа. Я завожу друзей. Они женятся. Я теряю друзей.

Замечательно.

Я говорю, здорово.

Тайлер спрашивает: это что, проблема?

Я — Сведённые Кишки Джека.

Нет, говорю я, все нормально.

Сунь пистолет мне в рот и выкраси стены моими мозгами.

Просто здорово, говорю я. Нет, правда.

Глава 8

МОЙ БОСС ОТПУСТИЛ МЕНЯ ДОМОЙ ИЗ-ЗА ЗАСОХШЕЙ крови на моих брюках. Я доволен.

Моя разорванная щека не заживает. В ней образовалась сквозная дыра. Я иду на работу с разбитыми, распухшими скулами, с чёрными мешками вокруг глаз. Я смотрю на мир через щёлочки опухших век.

До сегодняшнего дня меня действительно бесило то, что я стал абсолютно концентрированным мастером дзен^[50], а никто этого так и не заметил. Я пишу маленькие хайку^[51] и рассылаю их по факсу всем подряд. Когда на работе я прохожу по коридору, я смотрю в их маленькие враждебные лица взглядом мастера дзен.

Пчелы улетят,

Трутни могут улететь,
Матка — их раба.

Ты отказываешься от мирских привязанностей. От своей машины. Ты живёшь в арендованном доме в токсически загрязнённой части города. И каждую ночь ты слышишь Марлу и Тайлера в его комнате, которые называют друг друга... э... «подтиркой для жопы».

Возьми его, подтирка для жопы.

Сделай это, подтирка для жопы.

Ну, глотай. Давай, детка.

Уже просто по контрасту это делает меня маленьким тихим центром вселенной.

Я, с разбитым лицом и пятнами засохшей крови на брюках, я говорю «здравствуй» всем на работе. Здравствуй. Посмотри на меня. Привет. Я — мастер дзен. Это кровь. Это ничего. Привет. Всё это ничего. Так здорово быть просветлённым. Как я.

Ах.

Смотрите, за окном птичка.

Мой босс спрашивает, моя ли это кровь.

Птичка улетает. Я слагаю хайку в уме.

Без гнезда птице

Станет домом целый мир.

Жизнь — вот карьера.

Я считаю на пальцах: пять, семь, пять.

Моя ли это кровь? Да, говорю я. По крайней мере, часть её.

Это неправильный ответ.

Большое дело. У меня есть две пары чёрных брюк. Шесть белых рубашек. Шесть пар нижнего белья. Абсолютный минимум. Я хожу в бойцовский клуб. Такие дела.

Иди домой, говорит мой босс. И переоденься.

Я задаюсь вопросом: Марла и Тайлер — два человека или один? Не считая их возни каждую ночь в комнате Марлы

Делая

Делая

делая это

Тайлер и Марла никогда не бывают в одной комнате. Я никогда не видел их вместе.

Ладно, мало ли с кем меня не видели вместе. Это ещё не означает, что мы с кем-то — один человек. Тайлер просто не появляется, когда поблизости Марла.

Чтобы я мог выстирать брюки, Тайлер должен показать мне, как сделать мыло.

Тайлер наверху. Кухня воняет гвоздикой и палёной шерстью. Марла сидит на кухонном столике, прижигая внутреннюю сторону запястья ароматизированной сигаретой. Марла называет себя «подтиркой для жопы».

Я принимаю собственное болезненное разрушение, говорит Марла огоньку на конце сигареты. Марла вдавливают сигарету в мягкую белую кожу руки: гори, ведьма, гори!

Тайлер наверху, в моей спальне, разглядывает в зеркале свои зубы и говорит, что нашёл мне работу официантом на банкетах, частичная занятость.

В отеле «Pressman», если ты сможешь работать по вечерам, говорит Тайлер. Эта работа будет подпитывать твою классовую ненависть.

Да, говорю я. Как угодно.

Они заставят тебя носить чёрный галстук-бабочку, говорит Тайлер. Всё, что тебе нужно, чтобы работать там, это белая рубашка и чёрные брюки.

Мыло, Тайлер, говорю я. Нам нужно мыло. Нам нужно сделать мыло. Мне нужно выстирать брюки.

Я держу ноги Тайлера, пока он качает пресс двести раз.

Чтобы сделать мыло, прежде всего, нам нужно перетопить жир.

Тайлер полон полезной информации.

Не считая траханья, Марла и Тайлер никогда не бывают вместе в одной комнате. Марла игнорирует его. Очень по-семейному. Это мне знакомо. Мои родители вели себя также, пока отец не уехал в другой город. Открыть другой филиал.

Мой отец всегда говорил: женись, пока секс не надоел, иначе не женишься никогда.

Моя мать всегда говорила: никогда не покупай одежды с пластиковой молнией.

Мои родители никогда не говорили чего-нибудь, что можно было бы вышить на подушке.

Тайлер качает пресс — сто девяносто восемь раз... сто девяносто девять... двести. На нем что-то вроде купального халата и вьетнамки.

Отправь Марлу из дома, говорит Тайлер. Пошли её в магазин за щёлочью. Только в хлопьях, не кристаллами. Избавься от неё.

Мне снова шесть лет и я снова передаю маме то, что ей сказал папа и наоборот. Я ненавижу это, когда мне было шесть. Я ненавижу это сейчас.

Тайлер начинает приседания. Я иду вниз, чтобы послать Марлу за щёлочью, даю ей десять долларов и свой проездной на автобус. Марла всё ещё сидит на столе. Я забираю сигарету у неё из рук. Кухонным полотенцем вытираю её руку, где волдыри от ожогов начали кровоточить. Вдеваю её ноги в туфли на каблучках.

Марла смотрит сверху на то, как я одеваю ей туфли и говорит: я сама вошла. Я не знала, есть ли кто-нибудь. Дверь всё равно не запирается.

Я не говорю ничего.

Знаешь, говорит Марла, презерватив — это хрустальная туфелька нашего поколения. Надеваешь его при встрече с прекрасным принцем, танцуешь всю ночь, а потом выбрасываешь. Презерватив, а не принца.

Я не разговариваю с Марлой. Она может получить мои группы поддержки, получить Тайлера, только не — стать моим другом.

Я ждала тебя здесь всё утро.
Принесёт ветер
Пепел или снежинки —
Камню всё равно.

Марла спрыгивает с кухонного стола. На ней голубое платье без рукавов из какого-то блестящего материала. Марла поднимает подол, чтобы я увидел стежки на внутренней стороне. На Марле нет белья. Она подмигивает мне.

Я хотела показать тебе своё новое платье, говорит Марла. Это платье подружки невесты. Оно ручной работы. Тебе нравится? Я купила его в комиссионке за один доллар. Прикинь, кто-то сидел и делал все эти стежки, чтобы сшить это уродское платье.

Подол платья с одной стороны длиннее. Талия платья сползла Марле на бедра.

Перед уходом в магазин Марла поднимает подол платья кончиками пальцев и танцует вокруг меня и кухонного стола, покачивая голыми ягодицами.

Что ей нравится, говорит она, так это вещи, которые люди сегодня любят, а завтра выбрасывают прочь. Например, новогодняя ёлка. Вот она была центром внимания, а на следующий день вместе с сотнями таких же ёлок валяется на обочине дороги, всё ещё в блестящих гирляндах. Как животное, сбитое автомобилем на шоссе. Как брошенные жертвы сексуальных преступлений, связанные изолентой, с нижним бельём, надетым задом наперёд.

Я просто хочу, чтобы она, наконец, ушла.

Я думала об этом в центре бродячих животных, говорит Марла. Там все эти собачки и кошки, которых люди так любили, а потом выбросили на улицу. Они так стараются привлечь твоё внимание, прыгают и танцуют вокруг, даже старые животные. Потому что через три дня им впрыснут дозу фенотарбиталя натрия и сожгут в крематории. Большой сон. «Долина кукол» по-собачьи. Где даже если кто-то тебя любит настолько, чтобы спасти твою жизнь, он всё равно кастрирует тебя.

Марла смотрит на меня так, как будто это я её трахаю, и говорит: я не могу выиграть с тобой, так?

Марла выходит через заднюю дверь, напевая песенку из «Долины кукол».

Я смотрю, как она уходит.

Одна, две, три секунды, пока вся Марла не покинет комнату.

Я поворачиваюсь — и появляется Тайлер.

Тайлер говорит: ты избавился от неё?

Ни звука, ни запаха. Тайлер просто появляется.

Во-первых, говорит Тайлер и от двери в кухню бросается к холодильнику, во-первых, нам нужно перетопить жир.

Насчёт моего босса, говорит Тайлер, если я действительно зол на него, то должен пойти в почтовое отделение, и заполнить бланк перемены адреса, так чтобы вся его почта переправлялась в Рагби, Северная Дакота.

Тайлер вытаскивает из морозилки бумажные пакеты замороженной белой массы и бросает их в раковину. Я должен поставить большую кастрюлю на плиту и наполнить её водой почти до краёв. Слишком мало воды — и жир потемнеет, когда начнет сепарироваться [\[52\]](#).

Этот жир, говорит Тайлер, содержит в себе много соли, так что чем больше будет воды, тем лучше.

Опустить жир в воду и дать ей закипеть.

Тайлер выдавливают белую массу из бумажных пакетов в воду, а потом зарывает пакеты поглубже в мусор.

Тайлер говорит: используй воображение. Вспомни всю ту пионерскую чушь, которой тебя учили в бойскаутах. Вспомни уроки химии.

Трудно себе представить Тайлера в бойскаутах.

Что я ещё мог бы сделать, говорит Тайлер, это как-нибудь ночью подъехать к дому босса и прикрепить шланг к наружному крану системы водоснабжения. Прикрепить другой конец шланга к ручной помпе и вкачать в систему водоснабжения промышленную краску. Красную, синюю, зелёную. А потом посмотреть, как мой босс будет выглядеть на другой день. Или можно просто сидеть в кустах и качать помпу до тех пор, пока давление в системе не поднимется до ста десяти фунтов на квадратный дюйм. И когда кто-нибудь решит спустить воду в унитазе, бачок просто взорвётся. При ста пятидесяти фунтах на квадратный дюйм, если кто-нибудь решит принять душ, давление воды сорвёт насадку душа, и она превратится в смертоносный снаряд.

Тайлер говорит это только чтобы меня подбодрить. На самом деле, мне нравится мой босс. Кроме того, я ведь просветлён теперь. Ну, знаешь, как Будда. Пауки, хризантемы. Алмазная Сутра и «Blue Cliff Record». Хари Рама, ну знаешь, Кришна Кришна. Ну, типа — просветлён.

Хоть сунь перья в жопу, а соловьем не станешь, говорит Тайлер.

Когда жир сепарируется, легкие вещества будут всплывать на поверхность кипящей воды.

Так значит, говорю я, я засовываю перья в жопу?

Как будто Тайлер с сигаретными ожогами на руках — это высшее существо. Мистер и миссис Подтирки Для Жопы.

Я придаю лицу невозмутимое выражение и становлюсь ещё одной идущей на бойню индусской коровой с инструкции в самолете.

Уменьшить газ под кастрюлей.

Я помешиваю кипящую воду.

Все больше и больше жира всплывает на поверхность и покрывает ее радужной плёнкой. Большой ложкой нужно снять этот слой и собрать его отдельно.

Как там Марла? — спрашиваю я.

Тайлер говорит: по крайней мере, Марла пытается достичь дна.

Я помешиваю кипящую воду.

Продолжай снимать верхний слой до тех пор, пока лёгкие вещества не перестанут всплывать. Вот они, собранные с поверхности. Хорошие чистые лёгкие жиры.

Тайлер говорит, что я сейчас и близко не подошел ко дну. И пока я не достигну дна, я не могу быть спасен. Иисус сделал это путем распятия. Мне нужно не просто отказаться от денег и собственности и знаний. Это не поездка на уикенд. Я должен отказаться от самосовершенствования, я должен стремиться к разрушению. Я больше не могу притворяться, что это безопасно. Это не семинар.

Если у тебя сдадут нервы до того, как ты достигнешь дна, говорит Тайлер, ты никогда ничего не добьёшься.

Только после гибели мы можем возродиться.

Только после того, как ты потеряешь всё, что у тебя есть, говорит Тайлер, ты будешь свободен делать всё, что ты хочешь.

То, что я чувствую — это всего лишь начальное просветление.

И — продолжай помешивать, говорит Тайлер.

Когда жир перестанет всплывать, вылей кипяток. Вымой кастрюлю и наполни чистой водой.

Я спрашиваю: а я — достаточно близко от дна?

Там, где ты сейчас, говорит Тайлер, ты не можешь даже представить, на что будет похоже дно.

Повторить процесс со снятым жиром. Вытопить жир в воде. Снять и продолжать снимать.

В жире, который мы используем, много соли, говорит Тайлер. При избытке соли твоё мыло не будет застывать.

Кипятить и снимать.

Кипятить и снимать.

Марла вернулась.

В ту секунду, когда Марла открывает дверь, Тайлер исчезает, растворяется, выбегает из комнаты, пропадает из виду.

Тайлер поднялся наверх или Тайлер спустился в подвал.

Пшик.

Марла входит в заднюю дверь с канистрой щёлочи в хлопьях.

В магазине есть туалетная бумага из стопроцентно-переработанного сырья, говорит Марла. Наверное, самая худшая работа на свете — это перерабатывать туалетную бумагу.

Я беру канистру щёлочи и ставлю её на стол. Я ничего не говорю.

Я могу остаться сегодня на ночь? — спрашивает Марла.

Я не отвечаю. Я считаю в уме: пять гласных, семь, пять.

Тигр улыбнётся,
Гадюка скажет «люблю» —
Ложь рождает зло.

Марла говорит: что ты готовишь?

Я — Точка Кипения Джека.

Я говорю: уходи, просто уходи, просто уходи прочь. Ладно? Ты уже получила достаточное количество моей жизни сегодня.

Марла вцепляется в мою рубашку и задерживает на секунду, которой ей хватает, чтобы поцеловать меня в щёку.

Позвони мне, пожалуйста, говорит она. Пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Я говорю, да, да, да, да, да.

В мгновение, когда Марла выходит из двери, Тайлер снова появляется в комнате.

Как волшебный фокус. Мои родители его показывали пять лет.

Я кипячу и снимаю, пока Тайлер освобождает морозилку. Пар клубится в воздухе, и с потолка кухни капает вода. Сорокаваттная лампочка спрятана в холодильнике, что-то яркое, чего мне не видно за пустыми бутылками из-под кетчупа и баночками маринада, соленьев или майонеза. Маленький огонек из холодильника очерчивает светлым профиль Тайлера.

Кипятить и снимать. Кипятить и снимать. Слить снятый жир в открытые картонки из-под молока.

На придвинутом к открытому холодильнику стуле Тайлер наблюдает за остывающим жиром. В жаре кухни облака холодного тумана опускаются из морозилки и клубятся вокруг ног Тайлера.

Я заполняю молочные картонки жиром, а Тайлер ставит их в морозильник.

Я опускаюсь на колени возле Тайлера перед холодильником. Тайлер берёт мои руки и показывает их мне. Линия жизни. Линия любви. Бугры Венеры и Марса.

Холодный туман клубится вокруг нас, тусклый огонек освещает наши лица.

Я хочу, чтобы ты оказал мне ещё одну услугу, говорит Тайлер.

Это про Марлу, не так ли?

Никогда не говори с ней обо мне. Вообще не говори обо мне за моей спиной. Обещаешь? — говорит Тайлер.

Обещаю.

Тайлер говорит: если ты когда-нибудь заговоришь обо мне с кем-нибудь, ты больше никогда меня не увидишь.

Я обещаю.

Обещаешь?

Да обещаю.

Тайлер говорит: запомни, ты пообещал три раза.

Слой чего-то прозрачного и чистого собирается на поверхности жира в холодильнике.

Жир, говорю я, он разделяется.

Не волнуйся, говорит Тайлер. Чистый слой — это глицерин. Можно будет перемешать потом, когда дойдет до мыла. Или — снять глицерин.

Тайлер облизывает губы и кладёт мою руку ладонью себе на колено, на фланелевую полу купального халата.

Ты можешь смешать глицерин с азотной кислотой и получить нитроглицерин, говорит Тайлер.

Я издаю вздох удивления и говорю: нитроглицерин.

Тайлер облизывает губы, влажные и блестящие, и целует тыльную сторону моей ладони.

Ты можешь смешать нитроглицерин с нитратом натрия и опилками, чтобы получить динамит, говорит Тайлер.

След поцелуя блестит на тыльной стороне моей белой руки.

Динамит, говорю я, и сажусь на пол.

Тайлер отвинчивает крышку канистры со щёлочью.

Ты можешь взорвать мост, говорит Тайлер.

Ты можешь смешать нитроглицерин с парафином и азотной кислотой и сделать пластиковую взрывчатку, говорит Тайлер.

Ты легко можешь обрушить здание, говорит Тайлер.

Тайлер подносит канистру со щёлочью к блестящему следу поцелуя на моей руке.

При достаточном количестве мыла, говорит Тайлер, ты можешь взорвать весь мир. Теперь — помни про своё обещание.

И Тайлер высыпает щёлочь.

Глава 9

СЛЮНА ТАЙЛЕРА ДЕЛАЛА ДВЕ ВЕЩИ. ВЛАЖНЫЙ СЛЕД поцелуя на моей руке удерживал хлопья щёлочи, пока они жгли мою руку. Это первое. Второе — то, что щёлочь вызывает ожог только при соединении с водой. Или слюной.

Это — химический ожог, говорит Тайлер. И это больнее, чем всё, что ты испытал в жизни. Хуже сотни сигаретных ожогов.

Ты можешь использовать щёлочь для прочистки засорившихся труб.

Закрой глаза.

Паста из воды и щёлочи может прожечь отверстие в алюминиевой сковородке.

У тебя останется шрам, говорит Тайлер.

Вода со щёлочью растворит деревянную ложку.

При соединении с водой щёлочь нагревается более чем до двухсот градусов. По мере того, как она нагревается, она жжёт мою руку. Тайлер кладёт пальцы своей руки на мои пальцы, наши руки лежат на засохшей крови моих брюк. Тайлер говорит мне быть внимательным, потому что это — величайший момент в моей жизни.

Потому что всё до этого момента — уже история, говорит Тайлер. И всё, начиная с этого момента, — тоже история.

Это — величайший момент нашей жизни.

Щелочь, прилипшая к руке точно в форме поцелуя Тайлера — это костёр, или раскалённое клеймо, или неуправляемый ядерный реактор в конце длинной-длинной дороги, которую я представляю, в милях и милях от меня.

Тайлер командует вернуться и быть с ним.

Моя рука удаляется, уменьшается и скрывается за горизонтом в конце дороги.

Думай обо всё ещё горящем огне, только теперь он — за горизонтом. Закат.

Вернись к боли, говорит Тайлер.

Это вроде направленной медитации, которую используют в группах поддержки.

Не думай о слове «боль».

Направленная медитация работает с раком, сработает и здесь.

Посмотри на свою руку, говорит Тайлер.

Не смотри на свою руку.

Не думай о словах «обжигаемая» или «плоть» или «ткани» или «обугливающиеся».

Не слушай, как ты кричишь.

Направленная медитация.

Ты в Ирландии.

Закрой глаза.

Ты в Ирландии летом, когда закончил колледж. И ты пьёшь в пабе около замка, где каждый день автобусы европейских и американских туристов приезжают поцеловать камень Blarney^[53].

Не закрывайся от этого, говорит Тайлер. Мыло и человеческая жертва идут рука об руку.

Ты выходишь из паба в потоке людей и идёшь сквозь тишину усеянных каплями машин, сквозь улицы только после дождя. Ночь. И вот ты пришел к замку Blarneystone.

Полы в замке прогнили, и ты карабкаешься по каменным лестницам, пока темнота всё сильнее сгущается вокруг тебя, с каждым шагом. Все молчат при подъёме к традиционному маленькому акту мести.

Слушай меня, говорит Тайлер. Открой глаза.

В древности, говорит Тайлер, человеческие жертвоприношения совершались на берегах рек. Тысячи людей. Слушай меня. Приносились жертвы, и тела сгорали на жертвенных кострах.

Можешь плакать, говорит Тайлер. Можешь побежать к раковине и сунуть руку под воду, и тебе станет ещё хуже. Но сначала ты должен знать, что ты глуп, и что ты умрёшь. Посмотри на меня.

Когда-нибудь, говорит Тайлер, ты умрёшь. И пока ты не поймёшь это — ты бесполезен для меня.

Ты в Ирландии.

Можешь плакать, говорит Тайлер, но каждая слеза, упавшая на хлопья щёлочи на твоей коже, оставит ожог как от сигареты.

Направленная медитация. Ты в Ирландии летом, когда закончил колледж. И, может быть, это был первый раз, когда ты захотел анархии. За годы до того, как ты встретил Тайлера Дёрдена, до того, как помочился в creme anglaise, ты узнал о маленьких актах мести.

В Ирландии.

Ты стоишь на площадке на вершине ступеней замка.

Мы можем использовать уксус, чтобы нейтрализовать щёлочь, говорит Тайлер. Но сначала ты должен сдаться.

После того, как сотни людей были принесены в жертву и сожжены, говорит Тайлер, из-под алтаря к реке поползла мутная белая масса.

Сначала ты должен достичь дна.

Ты на площадке в замке в Ирландии. Бездонная темнота вокруг площадки и над тобой. На расстоянии руки в темноте перед тобой — каменная стена.

Дождь, говорит Тайлер. Дождь лил на погребальный костёр год за годом. И год за годом людей сжигали, и дождь просачивался сквозь древесный уголь, чтобы стать щёлочью. Щёлочь соединялась с расплавленным жиром жертв. И мутная белая масса мыла поползла из-под алтаря, поползла вниз по холму, к реке.

И ирландские мужчины вокруг тебя, в своем маленьком акте мести, в темноте подходят к краю платформы, становятся на краю бездонной темноты и мочатся.

И мужчины говорят, давай, помочись своей модной американской мочой, жёлтой от избытка витаминов, зря пропадающих дорогих витаминов.

Это — величайший момент твоей жизни, говорит Тайлер, а ты — неизвестно где, пытаешься его пропустить.

Ты в Ирландии.

И ты делаешь это. Да. О, да. И чувствуешь запах аммиака и дневной нормы витамина В.

Там, где мыло попадало в реку, говорит Тайлер, после тысяч лет убийств людей и дождя, древние люди заметили, что их одежда отстирывается лучше, если стирать её в этом месте.

Я мочусь на камень Blarney.

Эге, говорит Тайлер.

Я мочусь в свои чёрные брюки с пятнами засохшей крови, которые не переносит мой босс.

Ты в арендованном доме на Paper Street.

Это что-нибудь да значит, говорит Тайлер.

Это знак, говорит Тайлер. Тайлер полон полезной информации. Культуры, не знавшие мыла, говорит Тайлер, использовали свою мочу и мочу своих собак, чтобы стирать одежду и мыть волосы — из-за мочевой кислоты и аммиака.

Запах уксуса — и огонь на твоей руке в конце длинной дороги гаснет.

Запах палёной плоти и тошнотворный больничный запах мочи и уксуса.

Убить всех этих людей было правильно, говорит Тайлер.

На тыльной стороне твоей руки блестящий волдырь ожога, как пара губ, точно в форме поцелуя Тайлера. Вокруг поцелуя маленькие точки сигаретных ожогов от чьих-то слез.

Открой глаза, говорит Тайлер — и в его глазах слезы.

Поздравляю, говорит Тайлер. Ты на один шаг ближе к самому дну.

Ты должен знать, говорит Тайлер, что первое мыло было сделано из героев.

Думай о подопытных животных.

Думай о мартышках, запущенных в космос.

Без их смерти, без их боли, без их жертвы, говорит Тайлер, у нас не было бы ничего.

Глава 10

Я ОСТАНАВЛИВАЮ ЛИФТ МЕЖДУ ЭТАЖАМИ. Тайлер расстегивает пояс.

Когда лифт останавливается, супницы на тележке перестают звенеть. Пар поднимается к потолку лифта, когда Тайлер снимает крышку с супницы.

Тайлер достает и говорит: не смотри на меня, а то я не смогу.

Это томатный суп-пюре с кориандром и моллюсками. Среди них никто не почувствует того, что мы туда добавим.

Я говорю, поторопись, и смотрю через плечо на Тайлера, свесившего полдюйма в суп. Выглядит забавно: как будто слон в белом фраке и бабочке сунул в суп свой коротенький хобот.

Тайлер говорит: я сказал — не смотри.

Передо мной в двери лифта небольшое окошко, сквозь которое я вижу служебный коридор. Лифт остановлен между этажами, так что я вижу всё с точки зрения таракана на зелёном линолеуме. С высоты тараканьего роста зелёный коридор тянется до самого горизонта, мимо приоткрытых дверей, где великаны и их великанские жены пьют шампанское бочками и перекрикиваются, обвешанные бриллиантами больше меня размером.

На прошлой неделе, говорю я Тайлеру, когда адвокаты коллегии «Empire State»^[54] праздновали рождество, у меня встал, и я засовывал член в апельсиновый мусс.

На прошлой неделе, говорит Тайлер, он остановил лифт и пёрнул на полную тележку «Воссопе Dolce»^[55] для чаепития «Junior League»^[56].

Тайлер знает, как хорошо меренги впитывают запах.

С высоты тараканьего роста мы слышим пленную арфистку, играющую для титанов, накалывающих на вилки бараньи ножки. Каждый укус размером с поросёнка. Каждый рот — разрывающий Стоунхендж слоновой кости.

Я говорю: ну давай уже.

Тайлер говорит: я не могу.

Если суп будет холодным, они отошлют его обратно.

Великаны иногда отсылают еду обратно на кухню вообще без причины. Они просто хотят увидеть, как ты бегаешь за их деньги. На таких ужинах, на таких банкетах, они знают, что чаевые уже включены в счет, а потому обращаются с тобой как с грязью. На самом деле мы ничего не отвозим обратно в кухню. Поменяй pommes Parisienne^[57] и asperges Hollandaise^[58] местами на тарелке, подай кому-нибудь другому, и внезапно всё станет нормально.

Я говорю: Ниагарский водопад. Разливы Нила.

В школе мы считали, что если опустить руку спящего в тёплую воду, он обмочит постель.

Тайлер говорит: о Позади меня Тайлер говорит: о да. Да, пошло. О, всё. Да, да.

За полуоткрытыми дверями из залов в служебные коридоры двигаются золотые, чёрные, красные юбки размером с золотой бархатный занавес Old Broadway Theatre. Снова и снова пары седанов Cadillac из чёрной кожи со шнурками на месте ветровых стекол. Над автомобилями двигается целый город офисных небоскрёбов в красных кушаках.

Не перестарайся, говорю я.

Мы с Тайлером превратились в партизан-террористов индустрии обслуживания. Саботажники званых ужинов.

Отель обслуживает праздничные обеды, и когда кто-нибудь заказывает еду, они получают еду, вино, фарфор, хрусталь и официантов. Они получают всё, и оплачивают один счёт. И раз они знают, что не могут недодать тебе чаевых, ты для них становишься просто тараканом.

Тайлер однажды обслуживал званный обед.

Тогда Тайлер и превратился в официанта-ренегата[59].

В тот первый званный обед Тайлер подавал рыбу в этом стеклянном и белом облаке дома, который как бы парит над городом на стальных ногах, упирающихся в склон холма.

Посреди перемены рыбных блюд, пока Тайлер мыл тарелки после перемены спагетти, хозяйка вошла на кухню, сжимая в руке клочок бумаги, развевающийся как флаг — так тряслись её руки. Сквозь стиснутые зубы мадам хотела знать, видели ли официанты кого-либо из гостей идущим по коридору к спальню части дома. Особенно — гостей-женщин. Или прислугу?

В кухне — Тайлер, Альберт, Лен и Джерри, моющие и складывающие тарелки, и помощник повара Лесли, нарезающий чесночное масло на артишоки, фаршированные креветками и эскарго[60].

Мы не должны заходить в ту часть дома, говорит Тайлер.

Мы входим через гараж. Всё, что мы должны видеть, это гараж, кухня и столовая.

Хозяин появляется позади жены в дверном проёме и забирает клочок бумаги из её трясущейся руки.

Всё образуется, говорит он.

Как я могу смотреть на этих людей, говорит мадам, если я не знаю, кто это сделал?

Хозяин кладет ладонь на её спину в белом шёлковом праздничном платье, которое так подходит к её дому, и мадам выпрямляется, её плечи расправляются, и она внезапно успокаивается.

Они — твои гости, говорит он. И этот вечер очень важен.

Выглядит забавно, как чревовещатель, оживляющий свою куклу. Мадам смотрит на своего мужа, и легонько подталкивая, он ведёт её обратно в столовую. Записка упала на пол и сквозняком от хлопнувшей кухонной двери записку относит к ногам Тайлера.

Альберт говорит: что там написано?

Лен начинает мыть тарелки от перемены рыбных блюд.

Лесли засовывает поднос с артишоками обратно в печь и говорит: правда, что там такое?

Тайлер смотрит Лесли в глаза и говорит, не поднимая записку: в один из этих элегантных флаконов духов, я влил немного своей мочи.

Альберт улыбается: ты нассал в её духи?

Нет, говорит Тайлер. Он просто оставил записку засунутой между флаконами. У нее там штук сто флаконов на столике у зеркала в спальне.

Лесли улыбается: так на самом деле ты ничего не сделал?

Нет, говорит Тайлер. Но она этого не знает.

Остаток бело-стеклянного ужина в небе Тайлер продолжал соскребать с тарелок хозяйки холодные артишоки, потом холодную телятину с холодным pommes duchesse[61], потом холодный choufleur a la Polonaise[62]. Тайлер наполнял её бокал вином с дюжину раз. Мадам сидела и смотрела на всех едящих женщин-гостей, пока, наконец, между тем, как уносили тарелки изпод шербета и тем, как подавали apricot gateau[63], место мадам во главе стола вдруг не опустело.

Они убирались после того, как гости ушли, укладывая термосы и китайские сервизы обратно в фургончик отеля, когда хозяин вошёл и спросил, не поможет ли Альберт ему с кое-чем тяжёлым.

Лесли сказал, что Тайлер, наверное, зашёл слишком далеко.

Громко и быстро Тайлер рассказывает, как они убивают китов. Тайлер говорит, что это для духов, которые на вес — дороже золота. Большинство людей никогда даже не видели кита. Лесли живет с двумя детьми в квартире возле автострады, а у мадам хозяйки в бутылочки на туалетном столике вложено больше денег, чем все мы заработаем за год.

Альберт возвращается после того, как помог хозяину и набирает номер 911[64]. Альберт прикрывает трубку рукой и говорит: мужики, Тайлеру не стоило оставлять эту записку.

Тайлер говорит: ну так расскажи менеджеру. Пусть меня уволят. Я не женат на этой дерьмовой работе.

Все смотрят на ботинки.

Быть уволенным, говорит Тайлер, это лучшее, что с любым из нас может случиться. Тогда мы перестанем тратить время и сделаем что-нибудь из наших жизней.

Альберт говорит в телефон, что нужна «скорая» и называет адрес. Ожидая на линии, Альберт говорит, что хозяйка сейчас не в лучшем виде. Альберту пришлось поднимать её с пола в туалете. Хозяин не мог этого сделать сам, потому что мадам говорила, что он и есть тот, кто нассал в её флаконы духов. И она говорила, что он хочет довести её до сумасшествия, заигрывая с одной из гостей, и что она устала, устала от всех этих людей, которые называют себя их друзьями.

Хозяин не мог её поднять, потому что мадам упала в своем белом платье возле унитаза и размахивала разбитым флаконом духов. Мадам кричала, что перережет ему горло, если он хоть попытается до неё дотронуться.

Тайлер говорит: круто.

И от Альберта воняет. Лесли говорит: Альберт, друг, от тебя воняет.

Из туалета не выйдешь, не провонявшись, говорит Альберт. Все флаконы духов валяются на полу разбитыми, а унитаз набит другими флаконами. Они похожи на лёд, говорит Альберт, как на крутых вечеринках в отеле, где мы наполняем писсуары колотым льдом. Весь туалет воняет и весь пол в осколках льда, который не растает. И когда Альберт помогал мадам встать, её платье было всё в жёлтых потёках. Мадам махнула разбитым флаконом в сторону мужа, поскользнулась на духах и упала на руки.

Она плачет и истекает кровью, скорчившись возле унитаза.

О-о, как печёт, говорит она. О, Уолтер, так печёт. Так жалит, говорит мадам.

Духи, мёртвые киты в порезах на её руках, — они жалят.

Хозяин поднимает мадам на ноги. Мадам держит руки перед собой как в молитве, только не сложенными. Кровь сбегает по ладоням, вниз по запястьям. Через бриллиантовый браслет, вниз к локтям, откуда капает на пол.

Хозяин говорит: всё образуется, Нина.

Мои руки, Уолтер, говорит мадам.

Всё образуется.

Мадам говорит: кто мог сделать такое со мной? Кто может так меня ненавидеть?

Хозяин говорит Альберту: вызовите «скорую».

Это было первое задание Тайлера — террориста индустрии обслуживания. Партизанящий официант. Экспроприатор минимальной зарплаты. Тайлер делал это годами. Но он говорит, что всегда веселее делать что-нибудь вместе.

В конце истории Альберта Тайлер улыбается и говорит: круто.

Назад в отель, в настоящее, в лифт остановленный между этажами кухни и банкетного зала. Я говорю Тайлеру, как я высморкался на заливную форель для конгресса дерматологов, и трое сказали мне, что она пересолена, а один — что она восхитительна.

Тайлер стряхивает над супницей и говорит, что закончил.

Это легче с холодным супом, vichyssoise[65], или когда шефповар приготовит по-настоящему свежий gazpacho[66]. Это невозможно с этим луковым супом, который с коркой плавленого сыра на поверхности. Если я когда-нибудь буду здесь есть, я именно его и закажу.

У нас с Тайлером заканчивались идеи. Портить еду стало привычным, почти что частью служебных обязанностей.

Однажды я услышал как один из врачей или адвокатов, — какая разница, — говорил, что вирус гепатита может существовать на поверхности из нержавеющей стали до полугода.

Остается только догадываться, как долго он может существовать в rum custard charlotte Russe[67].

Или salmon timbale[68].

Я спросил врача, где бы мне достать немного вирусов гепатита, и он выпил достаточно, чтобы рассмеяться.

Всё отправляется на свалку биологических отходов, сказал он.

И он смеялся.

Все.

«Свалка биологических отходов» звучит похоже на «достичь дна».

Одной рукой на пульте управления лифтом, я спрашиваю Тайлера, готов ли он. На тыльной стороне моей ладони вздулся красный блестящий шрам точно в форме поцелуя Тайлера.

Один момент, говорит Тайлер.

Томатный суп, наверное, ещё горячий — то, что Тайлер прячет обратно в штаны, покраснелось как гигантская креветка.

Глава 11

МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ. В Южной Америке, в Волшебном Краю, мы могли бы переходить вброд реку, где маленькая рыбка могла бы заплывать в уретру^[69] Тайлера. У рыбки есть шипы, которые она может высовывать и втягивать обратно, так что если она попала внутрь, то чувствует себя как дома, впивается шипами в стенки и готовится откладывать икру.

Могло быть хуже.

Есть много вариантов того, как мы могли бы проводить субботнюю ночь хуже.

Могло быть хуже, говорит Тайлер, чем то, что мы сделали с матерью Марлы.

Я говорю, заткнись.

Тайлер говорит, что французское правительство могло забрать нас в подземный комплекс в окрестностях Парижа. Там даже не хирурги, а полуобученные техники срезали бы нам веки в порядке тестирования аэрозольного спрея для загара на токсичность.

Такое бывает, говорит Тайлер. Почитай газеты.

Что хуже: я знал, что Тайлер сделал с матерью Марлы.

Впервые с тех пор, как я его встретил, у Тайлера появились деньги. Тайлер зарабатывал реальные деньги. Позвонили от «Nordstrom» и оставили к Рождеству заказ на двести упаковок Тайлеровского мыла для лица с жжёным сахаром. При розничной цене в двадцать долларов за упаковку у нас появились деньги, чтобы прогуляться в субботу вечером. Деньги, чтобы починить газовую трубу. Сходить на танцы.

Если бы не нужно было волноваться о деньгах, я мог бы уволиться с работы.

Тайлер называет себя «Мыловаренная компания Paper Street». Люди говорят, что это — самое лучшее мыло.

Могло быть хуже, говорит Тайлер. Ты мог бы случайно съесть мать Марлы.

Сквозь набитый китайской курицей рот я говорю: просто заткнись, а?

Мы проводим субботнюю ночь на переднем сидении «Impala» шестьдесят восьмого года, стоящей на спущенных шинах в первом ряду на стоянке подержанных автомашин. Мы с Тайлером разговариваем, пьем пиво из банок. Передние сиденья «Impala» больше, чем у многих диваны.

Стоянка раскинулась по бульвару в обе стороны. Торговцы называют такие стоянки «жестяным аукционом». Все машины стоят не больше двухсот долларов, и днём цыгане, которые держат эти стоянки, стоят около своих фанерных офисов и курят тонкие длинные сигары.

На таких машинах чаще всего ездят подростки в старших классах. «Gremlin» и «Pacer». «Maverick» и «Hornet». «Pinto» и пикапы «International Harvester». Приземистые «Camaro», «Duster» и «Impala». Машины, которые люди любили, а потом выбросили. Животные в приюте. Платья подружки невесты в комиссионке. Помятые. С серыми, красными, чёрными

исцарапанными приборными досками. С наростами на днище, ради которых никто уже не потратится на пескоструйку. Пластмассовое дерево, пластмассовая кожа, пластмассовые хромированные детали. На ночь цыгане даже не закрывают двери автомашин.

Свет фар на бульваре освещает цену, написанную на ветровом стекле «Impala», загибающемся как экран панорамного кинотеатра. Посмотрите на США. Цена — девяносто восемь долларов. Изнутри это выглядит как восемьдесят девять центов. Ноль — ноль — точка — восемь — девять. Америка ждёт твоего звонка.

Большая часть машин здесь стоит около ста долларов, и все машины продаются с надписью «как есть» на окошке водителя.

Мы выбрали «Impala». Раз уж придется спать в машине в субботу ночью, то у этой — самые большие сиденья.

Мы едим китайскую еду, потому что не можем пойти домой. Нужно либо спать здесь, либо торчать в ночном танцевальном клубе. Мы не ходим в танцевальные клубы. Тайлер говорит, что музыка слишком громкая, особенно басы, и что они не сочетаются с его биоритмами. Тайлер говорит, что когда мы там были последний раз, у него из-за громкой музыки случился запор. И ещё в клубе слишком громко, чтобы разговаривать. Так что после пары рюмок все чувствуют себя в центре внимания, хотя на самом деле полностью отрезаны от остальных.

Как труп в классическом английском детективе.

Мы спим в машине сегодня ночью потому, что Марла пришла в дом и угрожала позвонить в полицию и потребовать моего ареста за то, что я сварил её мать. А потом Марла бегала вокруг дома и кричала, что я вурдалак и каннибал. И она пинала ногами стопки журналов «Reader's Digest» и «National Geographic». И там я её и оставил. В раковине. В скорлупе.

После ее нечаянного предумышленного самоубийства при помощи «Ханак» в отеле «Regent», я не могу представить Марлу звонящей в полицию. Но Тайлер сказал, что хорошо бы переночевать сегодня здесь. Просто на всякий случай.

Просто на случай, если Марла подожжёт дом.

Просто на случай, если Марла где-нибудь достанет пистолет.

Просто на случай, если Марла всё ещё в доме.

Просто на всякий случай.

Я пытаюсь сконцентрироваться.

Звезды не злятся
Видя белый лик Луны
Ля-ля-ля, конец

Машины едут по бульвару. Пиво в моей руке. В салоне «Impala» с её холодным бакелитовым рулем трёх футов в диаметре. Потрескавшийся винил сиденья колет мой зад сквозь джинсы.

Тайлер говорит: ещё раз. Расскажи мне в деталях, что произошло.

Неделями я игнорировал то, чем занят Тайлер.

Однажды я пошёл с Тайлером в офис «Western Union» и видел, как он посылает телеграмму матери Марлы.

Вся в морщинах тчк Пожалуйста помощи вскл

Тайлер показал клерку библиотечную карточку Марлы и подписался её именем на бланке. И сказал, да, иногда Марла — это мужское имя, а клерк может пойти заняться своими делами.

Когда мы выходили из «Western Union», Тайлер сказал, что если я люблю его, я доверюсь ему. Это не было чем-то, о чем мне нужно было знать, сказал Тайлер, и пригласил меня в ресторан.

Что меня по-настоящему напугало, так это не телеграмма, а обед с Тайлером. Никогда, никогда Тайлер не платил наличными, ни за что. Если ему была нужна одежда, Тайлер ходил в бюро находок при спортзалах и отелях. По крайней мере, это лучше, чем Марла, которая ходит в автоматические прачечные, крадет джинсы и продает их по двенадцать долларов за пару в магазины подержанной одежды.

Тайлер никогда не ел в ресторанах. А Марла не покрывалась морщинами.

Без всякой причины Тайлер послал матери Марлы пятнадцатифунтовую [\[70\]](#) коробку шоколадных конфет.

Еще один вариант, как эта субботняя ночь могла быть хуже, сказал мне Тайлер в «Impala», это бурый паук-отшельник. Когда он кусает тебя, он впрыскивает не просто яд, а пищеварительный энзим [\[71\]](#), кислоту, которая разъедает ткани вокруг укуса, практически растворяя твою руку, или ногу, или лицо.

Тайлер прятался, когда все это началось. Марла появилась в доме. Без стука.

Она заглядывает во входную дверь и кричит «тук-тук».

Я читал «Reader's Digest» на кухне. Я в замешательстве.

Марла крикнула: Тайлер! Можно мне войти? Ты дома?

Я ответил: Тайлера нет дома.

Марла сказала: не злись.

Я у входной двери. Марла стоит в прихожей со срочной посылкой «Federal Express» и говорит: мне нужно кое-что положить в твою морозилку.

Я иду за ней по пути на кухню и говорю, нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Она не будет держать свои вещи в этом доме.

Но, милый, говорит Марла, у меня нет холодильника в отеле, так что ты мне разрешил.

Нет, я не разрешал. Последнее, что мне придет в голову, это чтобы Марла переезжала в дом, по частям перевоза всё своё дерьмо.

Марла открывает посылку на кухонном столе, достает из пластиковой упаковочной пены что-то белое и сует это белое мне под нос.

Это не дерьмо, говорит она. Ты говоришь о моей матери, так что отвали.

Когда Марла достаёт это из посылки, это оказывается бумажный пакет белого вещества, которое Тайлер вываривает, чтобы сделать мыло.

Могло быть хуже, говорит Тайлер. Ты мог случайно съесть то, что было в одном из этих пакетов. Если бы проснулся как-то ночью и взял этой белой штуки, добавил калифорнийского соуса с луком и съел с картофельными чипсами. Или с брокколи.

Когда мы с Марлой стояли в кухне, я больше всего на свете не хотел, чтобы она открывала холодильник.

Я спросил, что она собирается делать с этой белой штукой.

Парижские губы, сказала Марла. Когда стареешь, твои губы втягиваются внутрь. Я собираю это для коллагеновой инъекции в губы. У меня уже почти тридцать фунтов коллагена в твоей морозилке.

Я спросил, какого размера губы она хочет.

Марла сказала, что пока не может решиться на операцию.

Эта штука в пакете «Federal Express», говорю я Тайлеру в «Impala», это то же самое, из чего мы делаем мыло.

С тех пор как силикон оказался опасен, коллаген стал популярным средством для разглаживания морщин, или увеличения губ, или коррекции обвисших подбородков. Как объяснила Марла, коллаген, который можно достать задёшево, делают из говяжьего жира, который стерилизуется и обрабатывается. Но этот дешёвый коллаген не удерживается в организме долго. Куда бы его ни ввели, — например, в губы, — твоё тело отторгает его, и он выводится из организма. Через шесть месяцев у тебя тонкие губы. Опять.

Самый лучший коллаген, сказала Марла, это твой собственный жир, отсосанный из бёдер, обработанный и очищенный, и введенный обратно в губы или ещё куда-нибудь. Такой коллаген — надолго.

Жир в морозильнике дома — это сберегательный банк коллагена Марлы. Когда её мама набирает лишний жир, ей отсасывают его и упаковывают. Марла сказала, что процесс называется «подборка». Если маме Марлы самой не нужен был коллаген, она отсылала пакеты Марле. Сама Марла никогда не будет жирной, и мама решила, что семейный коллаген подойдет ей лучше, чем дешёвый говяжий.

Свет с бульвара проходит сквозь надпись на стекле и пишет «как есть» у Тайлера на щеке.

Пауки, говорит Тайлер, могли отложить свои яйца тебе под кожу, и личинки могли там вывести и прогрызть ходы. Вот, насколько хуже могло быть.

Теперь мой цыплёнок с миндалем в теплом густом соусе на вкус — как что-то, высосанное из бёдер мамы Марлы.

Вот тогда, стоя с Марлой на кухне, я понял, что сделал Тайлер.

Вся в морщинах.

И я понял, почему он послал конфеты маме Марлы.

Пожалуйста помоги.

И я сказал, Марла, ты не хочешь заглядывать в морозилку.

Марла говорит: не хочу что?

Мы никогда не едим красное мясо, говорит мне Тайлер в «Impala». И он не может использовать куриный жир, потому что мыло не будет застывать в брусках. Нам просто повезло с этой штукой, говорит Тайлер. Мы с этим коллагеном заплатили за аренду.

Я говорю, ты должен был сказать Марле. Теперь она думает, что я это сделал.

Омыление, говорит Тайлер, это химическая реакция, которая необходима, чтобы сделать хорошее мыло. Куриный жир не пойдёт, как и любой жир с большим количеством соли.

Слушай, говорит Тайлер. У нас большой заказ. Что мы сделаем, так это мы пошлём маме Марлы шоколадных конфет, и может быть, пару пирогов.

Я не думаю, что это сработает ещё раз.

Короче, Марла заглянула в морозилку. Ну ладно, сначала мы немного поборолись. Я пытался остановить её. Пакет, который она держала, упал, и вся эта штука разлетелась по линолеуму. Мы оба поскользнулись на жирной массе, и меня чуть не вырвало. Я схватил Марлу за талию сзади, так что её чёрные волосы лезли мне в лицо, её руки прижаты по бокам.

И я говорю ей снова и снова: это был не я. Это не я.

Я этого не делал.

Моя мама! Ты её всю размазал!

Нам нужно было делать мыло, говорю я, моё лицо около её уха. Нужно было стирать мои брюки, заплатить аренду, починить газовую трубу. Это не я.

Это Тайлер.

Марла кричит: что ты несёшь? — и выпрыгивает из юбки. Я пытаюсь встать с жирного пола с яркой индийской хлопковой юбкой Марлы в руках, а Марла в чулках, в туфлях на каблуках и в простой блузке открывает морозильник. И внутри морозильника сберегательного банка коллагена нет.

Там две старых батарейки от фонарика. И всё.

Где она?!

Я уже отползаю назад. Руки скользят, туфли скользят по линолеуму, а мой зад оставляет на грязном полу чистую полосу. Подальше от Марлы и холодильника. Я держу перед собой юбку, так что не вижу Марлы, когда говорю ей.

Правду.

Мы сделали из неё мыло. Из мамы Марлы.

Мыло?!

Мыло. Вывариваешь жир. Смешиваешь со щёлочью. Получаешь мыло.

Когда Марла начинает визжать, я бросаю юбку ей в лицо и бегу. Я скольжу. Я бегу.

Вокруг первого этажа. Марла бежит за мной. Нас заносит на поворотах, мы отталкиваемся от окон для ускорения. Скользим. Оставляем жирные и грязные отпечатки рук поверх цветов на обоях. Падаем, скользим, врезаемся в стенные панели, опять поднимаемся, бежим.

Марла кричит: ты сварил мою маму!

Тайлер сварил её маму.

Марла визжит, отставая от меня на взмах ногтей.

Тайлер сварил её маму.

Ты сварил мою маму!

Входная дверь всё ещё открыта.

И потом я выбежал на улицу, и Марла кричала в дверях позади меня. Мои ноги не скользили на бетонной дорожке, и я просто продолжал бежать. Пока не нашел Тайлера, или пока Тайлер не нашел меня, и я не рассказал ему, что случилось.

Мы с Тайлером, каждый с пивом, растянулись на сиденьях я на переднем, он на заднем. Даже сейчас Марла, наверное, все ещё в доме, кидает журналы в стены и кричит, что я извращенец, чудовище, двуличный капиталист и просто подонок. Мили ночи между мной и Марлой предлагают насекомых, меланомы, вирусы, поедающие плоть. Где я не так уж и плохо.

Могло быть хуже, говорит Тайлер. Когда в человека попадает молния, говорит он, его голова выгорает до размеров дымящегося бейсбольного мяча, а застежка на брюках сплавляется в один кусок.

Я говорю: сегодня ночью мы достигли дна?

Тайлер ложится и спрашивает: если бы Marilyn Monroe была жива вот прямо сейчас, что бы она делала?

Спокойной ночи, говорю я.

Разорванный плакат свисает с потолка.

Тайлер говорит: она бы царапала крышку своего гроба.

Глава 12

МОЙ БОСС СТОИТ СЛИШКОМ БЛИЗКО К МОЕМУ СТОЛУ, со своей маленькой улыбочкой, губы вместе и широко растянуты, его пах около моего локтя. Я отрываю взгляд от письма, которое начнёт компанию по отзыву. Все эти письма начинаются одинаково:

Это извещение послано вам согласно требованиям Национального акта о безопасности транспорта. Нами установлено, что существует дефект...

На этой неделе я применил формулу, и вот впервые A на B на C составило больше, чем стоимость отзыва.

На этой неделе это — маленький пластиковый зажим, который удерживает резиновую полоску дворников. Мелочь. Только у двухсот автомобилей. Замена почти ничего не стоит.

На прошлой неделе был типичный случай. На прошлой неделе проблема состояла в коже салона, которая была обработана веществом с тератогенными свойствами. Синтетический нирретол или что-то такое. Настолько запрещённый, что его всё ещё применяют для выделки кож в странах третьего мира. Настолько сильный, что может вызвать нарушение развития плода у беременной женщины, которая просто пройдет рядом.

На прошлой неделе никто не позвонил в Министерство транспорта. Никто не начал отзыв.

Новая кожа плюс стоимость работ плюс стоимость организации отзыва составила больше, чем наш доход за первый квартал. Если кто-нибудь когда-нибудь и обнаружит нашу ошибку, мы сможем заплатить многим убитым горем семьям, прежде чем приблизимся к стоимости замены кожаного салона в шести с половиной тысячах автомобилей.

Но на этой неделе мы проводим компанию по отзыву. И на этой неделе вернулась бессонница. Бессонница, и теперь весь мир решил задержаться и попрыгать на моей могиле.

Мой босс носит сегодня свой серый галстук. Значит, сегодня, должно быть, вторник.

Мой босс кладет лист бумаги на мой стол и спрашивает, не ищу ли я что-нибудь. Эта бумага была оставлена в копировальном аппарате, говорит он, и начинает читать:

Первое правило бойцовского клуба — ты не говоришь о бойцовском клубе.

Его глаза двигаются от края до края листа, и он хихикает.

Второе правило бойцовского клуба — ты не говоришь о бойцовском клубе.

Слова Тайлера слетают с губ моего босса. Мистер Босс со своим кризисом среднего возраста. С фотографией своей семьи на рабочем столе. Со своими мечтами о раннем выходе на пенсию и зимах, проведённых в трейлерном парке в какой-нибудь аризонской пустыне. Мой босс со своими накрахмаленными рубашками и посещениями парикмахера каждый вторник после ленча.

Он смотрит на меня и говорит: я надеюсь, это не твоё.

Я — Закипающая Кровь Джо.

Тайлер попросил меня напечатать правила бойцовского клуба и сделать для него десять копий. Не девять. Не одиннадцать. Тайлер сказал, десять.

У меня по-прежнему бессонница, и я не помню, чтобы спал в последние трое суток.

Это, наверное, оригинал. Я сделал десять копий и забыл оригинал.

Блики копира бьют в лицо как фотовспышки репортеров. Бессонница отдаляет тебя от всего вокруг. Копия копии копии. Ты не можешь дотронуться ни до чего, и ничто не трогает тебя.

Мой босс читает:

Четвёртое [\[72\]](#) правило бойцовского клуба — бои идут только один на один.

Ни один из нас не моргает.

Мой босс читает:

Только один бой за раз.

Я не спал три дня. Если, конечно, я не сплю сейчас.

Мой босс трясёт бумагой у меня под носом. Что скажешь об этом, говорит он. Это что, какая-то игра, в которую я играю в рабочее время? Мне платят за моё полное внимание, а не за то, чтобы я тратил время на военные игры. Мне платят не за то, что я загружал копировальные аппараты.

Что скажешь? Он трясёт бумагой у меня под носом. Что я думаю, спрашивает он, как должен он поступить с работником, который проводит время компании в каком-то фантастическом мире? Если бы я был на его месте, что бы я делал?

Что бы я делал?

Дыра в моей щеке. Чёрно-синие круги под моими глазами. Воспалённый красный шрам поцелуя Тайлера на моей руке. Копия копии копии.

Размышления.

Зачем Тайлеру десять копий правил бойцовского клуба?

Индусская корова.

Что бы я делал, говорю я, так это я был бы очень осторожен. Думал бы, с кем я говорю об этой бумаге.

Я говорю, похоже, что это написал какой-то опасный психопат-убийца. Этот ненормальный шизофреник может шагнуть за край в любой момент. Прямо посреди рабочего дня. Может ходить из офиса в офис с полуавтоматическим карабином «Armalite AR-180», перезаряжаемым газом.

Мой босс просто смотрит на меня.

Может быть, говорю я, этот парень каждую ночь сидит дома с напильником, распиливая накрест кончик каждой пули. И когда он придёт на работу как-то утром и всадит пулю в своего придирающегося, никчемного, мелочного, хныкающего, подлизывающегося, трусливого босса, эта пуля развалится по надпиленным бороздкам и откроется в теле как цветок пули дум-дум, чтобы выбросить комок твоих кишок сквозь хребет.

Представьте вашу брюшную чакру открывающейся в замедленном взрыве кишок, как связок сосисок.

Мой босс убирает бумагу из-под моего носа.

Давай, говорю я, прочти ещё.

Нет, правда, говорю я, звучит здорово. Творение по-настоящему больного ума.

И улыбаюсь.

Края дыры в моей щеке напоминают анус, и они того же чёрно-голубого цвета, что и собачьи дёсны. Кожа, натянутая на моих опухших скулах, выглядит лакированной.

Мой босс просто смотрит на меня.

Давай я тебе помогу, говорю я.

Я говорю, четвёртое правило бойцовского клуба — только один бой за раз.

Мой босс смотрит в правила и потом на меня.

Я говорю, пятое правило — никаких рубашек, никакой обуви.

Мой босс смотрит в правила и потом на меня.

Может быть, говорю я, этот чокнутый идиот воспользуется карабином «Eagle Apache», потому что у него в магазине тридцать патронов, и он весит всего девять фунтов. У «Armalite» магазин всего на пять патронов. С тридцатью патронами наш ненормальный герой может пройти вдоль всего стола красного дерева и застрелить всех вице-президентов, да ещё и на директоров останется.

Слова Тайлера слетают с моих губ. А я был таким хорошим парнем.

Я просто смотрю на моего босса. У моего босса голубые, бледно-васильковые голубые глаза.

Полуавтоматический карабин «J&R68» тоже на тридцать патронов, но весит всего семь фунтов.

Мой босс просто смотрит на меня.

Это страшно, говорю я. Может быть, это кто-то, кого ты знаешь годы. Может быть, этот парень знает о тебе всё. Где ты живёшь, где работает твоя жена, и в какую школу ходят твои дети.

Это утомительно, и, как ни странно, — очень очень скучно.

И зачем Тайлеру десять копий правил бойцовского клуба?

Что мне не нужно говорить, так это что я знаю о кожаных салонах, вызывающих выкидыши. Я знаю о прокладках тормозов, которые выглядят достаточно хорошо, чтобы убедить агента по закупкам, но отказывают после двух тысяч миль. Я знаю о реостате системы кондиционирования воздуха, который нагревается так, что поджигает карты в бардачке. Я знаю, сколько людей сгорело заживо из-за проброса в топливном инжекторе. Я видел людей, у которых ноги были отрублены ниже колен взорвавшимися турбинами наддува, лопасти которых пробивали противопожарную перегородку и влетали в пассажирский салон. Я был там, на месте аварий, и я видел сгоревшие автомобили, и читал отчеты, где «причина аварии» была обозначена как «неизвестна».

Нет, говорю я, бумага не моя.

Я беру бумагу двумя пальцами и выдергиваю из его руки. Должно быть, край бумаги порезал его большой палец, потому что рука взлетает и с широко открытыми глазами он суёт палец в рот. Я комкаю бумагу и выбрасываю в мусорную корзину у стола.

Может быть, говорю я, ты не будешь тащить ко мне весь мусор, который подбираешь?

Глава 13

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЧЕРОМ Я ИДУ В «ОСТАЁМСЯ МУЖЧИНАМИ вместе». Подвал в церкви Троицы почти пуст. Только Большой Боб, и я вхожу. Каждая моя мышца изранена внутри и снаружи, но моё сердце ещё бьется, и мысли кружатся ураганом в голове.

Это бессонница. Всю ночь мысли кружатся в голове.

Всю ночь думаешь: я сплю? я спал?

Ко всему ещё и руки Большого Боба выступают из футболки, перекатываясь мышцами, такими твёрдыми, что кожа блестит. Большой Боб улыбается, он рад меня видеть.

Он думал, что я умер.

Да, говорю я. Я тоже.

Ну, говорит Большой Боб, у меня хорошие новости.

А где все?

Это и есть хорошие новости, говорит Большой Боб. Группа распущена. Я прихожу сюда только чтобы сказать парням, которые могут прийти.

Я сажусь на один из подержанных диванов с закрытыми глазами.

Хорошие новости, говорит Боб, в том, что есть новая группа. Но первое правило в этой новой группе — это ты не должен о ней говорить.

Ой.

Боб говорит: а второе правило — это ты не должен о ней говорить.

Ой, нет.

Я открываю глаза. Да.

Группа называется «бойцовский клуб», говорит Большой Боб. И она встречается каждую пятницу ночью в закрытом гараже на другом конце города. Ночью в четверг есть другой бойцовский клуб, который встречается в гараже неподалёку.

Я не знаю ни одно из этих мест.

Первое правило бойцовского клуба, говорит Большой Боб, это: ты не говоришь о бойцовском клубе.

В среду, четверг и пятницу Тайлер работал киномехаником. Я видел его чеки за прошлую неделю.

Второе правило бойцовского клуба, говорит Большой Боб, это: ты не говоришь о бойцовском клубе.

В субботу вечером Тайлер идет в бойцовский клуб со мной.

Бои идут только один на один.

В воскресенье утром мы приходим домой избитые, и спим до полудня.

Только один бой за раз, говорит Большой Боб.

В воскресенье и в понедельник вечером Тайлер обслуживает столики.

Никаких рубашек, никакой обуви.

Во вторник вечером Тайлер дома, делает мыло, заворачивает его в упаковку, отправляет заказчикам. Мыловаренная компания Paper Street.

Бои, говорит Большой Боб, будут продолжаться столько, сколько будет нужно. Это правила, установленные тем, кто придумал бойцовский клуб.

Ты знаешь его? — спрашивает Большой Боб.

Я никогда не видел его сам, говорит Большой Боб, но его зовут Тайлер Дёрден.

Мыловаренная компания Paper Street.

Знаю ли я его.

Не уверен, говорю я.

Может быть.

Глава 14

КОГДА Я ДОБИРАЮСЬ ДО ОТЕЛЯ «REGENT», МАРЛА В вестибюле, в купальном халате. Марла позвонила мне на работу и спросила, могу ли я пропустить спортзал или библиотеку или прачечную или куда там я собирался идти после работы и вместо этого приехать к ней.

Вот, почему Марла позвонила.

Потому что она ненавидит меня.

Она ничего не говорит про свой сберегательный банк коллагена.

Что говорит Марла, так это — не окажу ли я ей услугу.

Марла сегодня лежит в постели. Марла живёт едой, которую служба доставки еды престарелым привозит её соседям; они мертвы. Марла забирает еду и говорит, что они спят. Короче, сегодня Марла просто лежала в постели, ожидая доставки пищи между полуднем и двумя.

У Марлы уже несколько лет нет медицинской страховки, так что она прекратила следить за здоровьем, а сегодня утром она обнаружила у себя что-то похожее на опухоль, и лимфоузлы возле опухоли были твёрдыми и чувствительными в одно и то же время, и она не может сказать никому, кого любит, потому что не хочет их пугать, и не может позволить себе пойти к врачу, если это всего лишь ей показалось, но ей нужно с кем-то поговорить и кому-то ещё нужно на неё взглянуть.

Цвет глаз у Марлы — как будто их нагрели в печи и бросили в холодную воду. Это называют «вулканизация», или «гальванизация», или, может, «закалка».

Марла говорит, что простит мне коллаген, если я посмотрю на неё.

Я понимаю, что она не позвонила Тайлеру, потому что не хочет его пугать. Я нейтрален в её записной книжке. Я ей должен.

Мы поднимаемся наверх в её комнату, и Марла говорит, что в дикой природе ты не увидишь старых животных, потому что когда они начинают стареть, они умирают. Если они становятся больными или просто медлительными, кто-то более сильный убивает их. Животные не созданы для того, чтобы стареть.

Марла ложится на кровать и развязывает пояс халата, и говорит, что наша культура сделала смерть чем-то неправильным. Старые животные должны быть протвоестественным исключением.

Уродами.

Марла лежит холодная и потеющая, пока я рассказываю ей, как в колледже у меня однажды была бородавка. На пенисе. Только я не говорю «пенис», я говорю «член». Я отправился в медицинскую школу, чтобы её удалили. Бородавку. Потом я рассказал об этом своему отцу. Это было много лет спустя, и мой отец засмеялся и сказал, что я дурак, потому что такие бородавки — это как «усики» на презервативах. Женщинам они нравятся, и Бог мне сделал подарок.

На коленях возле постели Марлы, мои руки всё ещё холодны с улицы, чувствую кожу Марлы, понемножку за раз, захватывая по чуть-чуть Марлы пальцами, с каждым дюймом.

Марла говорит, что от этих бородавок, которые божьи презервативные усики, у женщин развивается рак шейки матки.

Я сидел на бумажной простыне в комнате для осмотра в медицинской школе, пока студент-медик распылял жидкий азот из канистры на мой член, а восемь студентов смотрели. Вот где ты заканчиваешь, если у тебя нет медицинской страховки. Только они не говорят «член», они говорят «пенис». Но как его не назови, а распылять на него жидкий азот — это почти то же самое, что жечь его щёлочью, так же больно.

Марла смеется, пока не замечает, что мои пальцы остановились. Как если бы я что-то нашёл.

Марла затаивает дыхание, и её живот напрягается как барабан, а сердце бьёт по нему изнутри как кулаком. Но нет, я остановился потому, что рассказываю. И я остановился потому, что сейчас ни один из нас не находится в комнате Марлы. Мы — в медицинской школе много лет назад, сидим на липкой бумаге с горящим от жидкого азота членом. Когда один из студентов посмотрел на мою голую ногу и выбежал из комнаты.

Студент вернулся позади трёх настоящих врачей, и врачи оттеснили человека с канистрой жидкого азота в сторону. Настоящий врач схватил мою голую правую ногу и сунул её под нос двум другим настоящим врачам. Они втроём крутили её и вертели, и сняли ногу «полярноидом», и было такое впечатление, что остальной я, полуодетый, с полумороженным божьим даром, не существую. Только нога, и все студенты-медики напирали, чтобы посмотреть.

Как давно, спросил врач, у вас это красное пятно на ноге?

Врач имел в виду мое родимое пятно. На моей правой ноге родимое пятно. Отец шутил, что оно похоже на тёмнокрасную Австралию с маленькой Новой Зеландией справа от неё. Вот, что я им сказал, и это все закончилось.

Мой член оттаивал. Все кроме студента с жидким азотом ушли, и было такое ощущение, что он бы тоже ушёл, он был так разочарован, что не смотрел мне в глаза, когда взял головку моего члена и потянул к себе. Канистра выдавила тоненькую струйку на то, что осталось от бородавки. Такое ощущение, что ты можешь закрыть глаза и представить свой член в сотне миль от себя, и всё равно будет больно.

Марла смотрит на мою руку и шрам от поцелуя Тайлера.

Я сказал студенту, вы, наверное, не много родимых пятен тут видели.

Не в том дело. Студент сказал, что все подумали, что родимое пятно — это рак. Это был новый вид рака, который поражал молодых людей. Они просыпались с красной точкой на ноге или на колене. Точки не исчезали, они увеличивались, пока не покрывали тебя всего, а потом ты умирал.

Студент сказал, что врачи и все были очень возбуждены, потому что думали, что это тот новый вид рака. Он был у очень немногих людей, но распространялся.

Это было много лет назад.

Может быть, для того и нужен рак, говорю я Марле. Будут ошибки, и может быть, смысл в том, чтобы, когда часть тебя начнёт умирать, вспомнить о себе целом.

Марла говорит: может быть.

Студент с азотом закончил и сказал, что бородавка отпадёт сама через несколько дней. На липкой бумаге рядом с моей голой задницей был снимок «поляроида», снимок моей голой ноги, который не был никому нужен. Я спросил — можно мне забрать снимок?

Этот снимок всё ещё висит у меня в углу зеркала, под рамой. Я укладывал волосы перед зеркалом перед работой каждое утро, и думал, как у меня однажды десять минут был рак. Даже хуже, чем рак.

Я сказал Марле, что этот День Благодарения был первым годом, когда мы с дедушкой не отправились кататься на коньках, хотя лёд был толщиной в шесть дюймов.

У моей бабушки всегда были эти небольшие круглые пластыри на лбу и на руках, где родимые пятна портили её внешность. Они так и норовили увеличиться, расплзтись неровными краями, а родинки меняли цвет с коричневого на синий или черный.

Когда моя бабушка вышла из больницы в последний раз, мой дедушка нёс её чемодан, и он был таким тяжёлым, что дедушка пожаловался, что его всего перекосило.

Моя франко-канадская бабушка была такой приличной, что никогда не носила купальник на людях, и всегда пускала воду в раковине, чтобы заглушить любые звуки, которые она могла издать в туалете.

Выходя из госпиталя «Our Lady of Lourdes» после частичной мастэктомии^[73], она сказала: это тебя-то перекосило?

Для моего дедушки это подытоживает всю историю, мою бабушку, рак, их брак, свою жизнь. Он смеётся каждый раз, когда рассказывает эту историю.

Марла не смеётся. Я хотел, чтобы она смеялась, хотел подбодрить её. Заставить её простить меня за коллаген. Я хочу сказать Марле, что у неё нечего искать. Если она нашла что-то утром, это была ошибка. Родимое пятно.

На тыльной стороне ладони Марлы шрам от поцелуя Тайлера.

Я хочу, чтобы Марла смеялась. Так что я не рассказываю ей, как в последний раз обнимал Хлою. Хлоя, без волос, скелет в жёлтом воске, с шёлковой косынкой на лысой голове. Я обнимал Хлою один раз перед тем, как она исчезла навсегда. Я сказал ей, что она похожа на пирата, и она засмеялась.

Когда я иду на пляж, я всегда сижу с поджатой под себя правой ногой. Австралия и Новая Зеландия. Или зарываю её в песок. Я боюсь, что люди увидят мою ногу, и в их мыслях я начну умирать. Рак, которого у меня нет, теперь повсюду.

Я не говорю этого Марле.

Есть много вещей, которые мы не хотим знать о тех, кого любим.

Чтобы подбодрить её, чтобы она засмеялась, я рассказываю Марле о женщине, написавшей в «Dear Abby»^[74], которая вышла за солидного, преуспевающего похоронных дел мастера. В брачную ночь он заставил её лежать в ледяной ванне, пока её кожа не застыла, а потом велел

ей лечь на кровать и лежать абсолютно неподвижно, пока он совокуплялся с её холодным неподвижным телом.

Самое смешное, что женщина сделала это в первый раз, и продолжала это делать следующие десять лет супружеской жизни, а теперь она пишет в «Dear Abby» и спрашивает, не думает ли Эбби, что всё это что-нибудь да значит.

Глава 15

ВОТ, ЗА ЧТО Я ТАК ЛЮБЛЮ ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ. КОГДА люди думают, что ты умираешь, они уделяют тебе всё своё внимание.

Если это, может быть, последний раз, когда они тебя видят, то они на самом деле тебя видят. Всё остальное — состояние банковского счета, песни по радио, растрёпанные волосы — просто отбрасывается.

Они уделяют тебе всё своё внимание.

Люди слушают вместо того, чтобы просто ждать своей очереди заговорить.

И когда они говорят, они не просто рассказывают тебе что-то. Когда двое из вас говорят, вы творите что-то, и после вы оба уже не те, что были.

Марла начала ходить в группы поддержки после того, как обнаружила у себя первое уплотнение.

На следующее утро после того, как мы обнаружили второе уплотнение, Марла впрыгнула в кухню двумя ногами в одном чулке и сказала: смотри, я русалка!

Марла сказала: это не то, что парни садятся на унитаз задом наперёд и делают вид, что это мотоцикл. Это — чистая случайность.

Перед тем, как мы с Марлой встретились в «Остаёмся мужчинами вместе» было первое уплотнение, и вот теперь — второе.

Что тебе нужно знать, так это то, что Марла всё ещё жива. Философия жизни Марлы, как она сама мне сказала, в том, что она может умереть в любой момент. Трагедия жизни Марлы в том, что этого всё ещё не произошло.

Когда Марла обнаружила у себя первую опухоль, она отправилась в клинику, где безучастные некрасивые матери сидели в пластиковых креслах по трём сторонам зала ожидания с детьми, как безвольные куклы сидящими на их коленях или лежащими у ног. Дети были осунувшиеся, с тёмными кругами под глазами, как подгнивающие бананы или апельсины, а матери вычёсывали у них из головы комки перхоти от вышедших из-под контроля грибков. Зубы у каждого в больнице выглядели такими огромными, по сравнению с худыми лицами, что ты понимал, что зубы — это просто осколки кости, выступающие из кожи, чтобы измельчать пищу.

Вот, где ты заканчиваешь, если у тебя нет медицинской страховки.

Прежде чем всё стало известно, многие голубые захотели завести детей. А теперь дети больны, и матери умирают, и отцы уже мертвы. Сидя в тошнотворном больничном запахе мочи и уксуса, пока сестра спрашивает каждую мать, как долго она больна, сколько веса она потеряла, и есть ли у её ребенка какой-нибудь живой родитель или опекун, Марла решает: нет.

Если ей и суждено умереть, то Марла не хочет об этом знать.

Марла вышла из клиники, свернула за угол, зашла в автоматическую прачечную и украла из машин все джинсы. Потом зашла в магазин поддержанной одежды, где получила пятнадцать баксов за каждую пару. Потом Марла купила себе по-настоящему хорошие чулки, которые не поползут.

Даже на хороших чулках, которые не ползут, говорит Марла, всё равно появляются затяжки.

Ничто не вечно. Всё разрушается.

Марла начала ходить в группы поддержки потому, что было легче находиться среди таких же подтирок для жопы. У каждого что-то было не в порядке. И через некоторое время её сердце успокоилось.

Марла начала работать в морге, занимаясь клиентами, заранее оплачивающими свои похороны. Какой-нибудь толстяк, а чаще — толстуха, выходила из демонстрационного зала, неся урну для пепла размером с рюмку для яиц. А обречённая Марла сидела за столом в фойе с собранными в пучок чёрными волосами, с колготками в затяжках, с уплотнением в груди, и говорила: мадам, не льстите себе. Мы не сможем уместить в эту урну даже пепел от одной вашей головы. Возвращайтесь в зал и выберите урну размером с мяч для боулинга.

Сердце Марлы выглядит как моё лицо. Грязь и дерьмо мира. И использованная подтирка для жопы, которую никто даже не станет перерабатывать.

Между группами поддержки и клиникой, сказала мне Марла, она встречала многих людей, которые были мертвы. Эти люди уже умерли, они уже там, по другую сторону. По ночам они звонят ей по телефону. Если Марла идёт в бар, там она слышит, как бармен зовет её к телефону. Когда она берёт трубку, в трубке — мёртвая тишина.

Тогда она думала, что это и есть самое дно.

Когда тебе двадцать четыре, говорит Марла, ты даже не знаешь, как низко можешь пасть. Но я быстро схватывала.

В первый раз, когда Марла наполняла урну для пепла, она не надела защитную маску. Когда она потом высморкалась, на платке осталось чёрное месиво мистера хрен-знает-кого.

Если в доме на Paper Street звонит телефон, только один звонок, и ты поднимаешь трубку, и в трубке тишина, ты знаешь, что кто-то хочет найти Марлу. Это происходит чаще, чем можно ожидать.

В дом на Paper Street звонит детектив, занимающийся расследованием взрыва в моей квартире. Тайлер стоит рядом, прижимаясь грудью к моему плечу, нашёптывая мне в одно ухо, пока я прижимаю трубку к другому.

Детектив спрашивает, знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы изготовить дома динамит.

Несчастный случай — это естественный элемент моей эволюции к трагедии и смерти, шепчет Тайлер.

Я говорю детективу, что это холодильник взорвал мою квартиру.

Я отсекаю привязанности к физической власти и собственности, шепчет Тайлер. Только через саморазрушение я могу открыть великую силу своего духа.

Детектив говорит, что динамит не был чистым, остались следы окиси аммиака и перхлорида поташа. Это означает, что бомба была самодельной. А замок во входной двери был выбит.

Я говорю, что был той ночью в Вашингтоне, D.C.[\[75\]](#)

Детектив в телефоне сказал, что кто-то впрыснул фреон в замок, а затем воспользовался зубилом, чтобы раздробить цилиндр. Так преступники крадут велосипеды.

Освободитель, уничтоживший мою собственность, сражается за мой дух, шепчет Тайлер. Учитель, который сметёт привязанности с моего пути, освободит меня.

Детектив сказал, что кто бы ни использовал самодельный динамит, он мог открыть газ и задуть пилотный огонек задолго до того, как произошел взрыв. Газ был просто детонатором. Потребовались дни на то, чтобы газ заполнил квартиру, прежде чем он достиг основания холодильника, и электромотор компрессора вызвал взрыв.

Скажи ему, шепчет Тайлер. Да, это сделал ты. Ты взорвал её. Вот, что он хочет услышать.

Я говорю детективу, нет, я не оставлял открытым газ перед тем как покинуть город. Я любил свою жизнь. Я любил эту квартиру. Я любил каждый предмет мебели.

Это была вся моя жизнь. Всё — лампы, кресла, ковры — был я. Тарелки в серванте — был я. Цветы — был я. Телевизор — был я. Это я взорвался. Неужели он этого не видит?

А детектив сказал не покидать город.

Глава 16

МИСТЕР ЕГО ЧЕСТЬ, МИСТЕР ПРЕЗИДЕНТ МЕСТНОГО отделения национального объединения киномехаников и независимых операторов театров просто сидел.

В глубине, под покровом, внутри всего, что человек принимает как должное, зарождается что-то ужасное.

Ничто не вечно.

Всё разрушается.

Я знаю это потому, что Тайлер это знает.

В течение трёх лет Тайлер резал и клеивал киноленты для сети кинотеатров. Кинофильмы перевозят в шести или семи небольших катушках, упакованных в два стальных шестиугольных чемоданчика. Работой Тайлера было клеивать эти маленькие катушки в одну большую пятифутовую катушку, которую используют проекторы с автоматической перемоткой. После трёх лет, семи кинотеатров, по крайней мере, трёх залов на кинотеатр, новых фильмов каждую неделю, через руки Тайлера прошли сотни копий.

Очень жаль, но с ростом количества автоматических проекторов объединение больше не нуждается в Тайлере. Мистер президент отделения вызвал Тайлера на небольшую беседу.

Работа была утомительной, и оплачивалась плохо. Так что президент объединённого объединения объединённых киномехаников и объединение независимых операторов объединённых театров сказал, что сделает Тайлеру одолжение, официально оставив за ним членство.

Не думайте об этом как об увольнении. Думайте об этом как о понижении.

И мистер президент собственной мать его персоной сказал: мы ценим ваш вклад в наше процветание.

О, хорошо, сказал Тайлер и ухмыльнулся. Пока объединение будет присылать ему платёжные чеки, он будет держать рот на замке.

Тайлер сказал: думайте об этом как о ранней отставке, с пенсией.

Через руки Тайлера прошли сотни копий.

Кинофильмы вернулись обратно к дистрибьюторам. Кинофильмы вернулись в повторный показ. Комедия. Драма. Мюзиклы. Романтические фильмы. Приключенческие. Боевики.

С вклеенными Тайлером кадрами порнографии.

Групповой секс. Оральный секс. Анальный. Садомазохизм.

Тайлеру было нечего терять.

Тайлер был грязью земли, отбросом, мусором.

Вот, что Тайлер велел мне сказать менеджеру отеля «Pressman».

На другой работе Тайлера, в отеле «Pressman», он был никем, так он сказал. Никому не было дела до того, жив он или мёртв, и это чувство было взаимным.

Вот, что Тайлер велел мне сказать в офисе менеджера отеля, с охранниками, сидящими у двери.

Мы с Тайлером потом допоздна сидели и рассказывали друг другу обо всём.

Сразу после того как Тайлер отправился в союз киномехаников, он сказал мне идти и поговорить с менеджером отеля «Pressman».

Мы с Тайлером всё больше и больше становились похожими на близнецов. У нас обоих были разбиты челюсти. Наша кожа потеряла память и забыла, на какое место нужно возвращаться после удара.

Мои шрамы были из бойцовского клуба. А лицо Тайлера было изуродовано президентом союза киномехаников.

После того как Тайлер выполз из офиса объединения, я отправился на встречу с менеджером отеля «Pressman».

Я сижу здесь. В офисе менеджера отеля «Pressman».

Я — Ухмыляющаяся Месть Джека.

Первое, что говорит мне менеджер отеля — это что у меня есть три минуты.

В первые тридцать секунд я рассказываю ему о том, как мочился в суп, пердел на сгете [brulees\[76\]](#), сморкался на тушёный эндивий. А теперь я хочу, чтобы отель присылал мне каждую неделю чек на сумму моей средней недельной зарплаты плюс чаевые. Взамен я не буду больше приходить на работу. И я не пойду в редакции газет или в органы здравоохранения с ужасным, потрясающим признанием.

Заголовки:

«Раскаившийся официант признается в порче еды».

Конечно, говорю я, я могу попасть в тюрьму. Они могут повесить меня, отрезать мне яйца, протащить меня по улицам, содрать с меня кожу, сжечь меня щёлочью. Но отель «Pressman» навсегда будет известен как отель, где богатейшие люди мира ели и пили мочу.

Слова Тайлера слетают с моих губ.

А я был таким хорошим парнем.

В офисе союза киномехаников Тайлер засмеялся, когда президент союза ударил его. Один удар сбил Тайлера со стула, и Тайлер прислонился к стене, смеясь.

Давай, бей, ты всё равно не можешь убить меня. Талер смеялся. Ты, тупой урод. Ты можешь избить меня, но убить меня ты не можешь.

Тебе терять слишком много.

У меня нет ничего.

У тебя есть всё.

Давай, прямо в живот. Ещё разок в лицо. Выбит зуб. Только пусть щеки приходят. Трещина в ребре. Но если пропустишь хоть одну выплату, я во всем признаюсь. И тогда ты и твой союз потонете в исках от каждого владельца кинотеатра, и от каждого дистрибьютора, и от каждой мамочки, чей ребенок мог увидеть эрекцию посреди «Bambi».

Я — дерьмо, сказал Тайлер. Я — дерьмо, грязь, я псих для тебя и всего этого мира, сказал Тайлер президенту объединения. Тебе нет дела до того, где я живу, как себя чувствую, что ем и чем кормлю своих детей, или чем плачу врачу, когда заболею. Да, я тупой, я слабый, я усталый человек. Но я, по-прежнему, — твоя совесть.

Я сижу в офисе в отеле «Pressman». Мои губы после бойцовского клуба рассечены на десять частей. Дыра в моей щеке смотрит на менеджера отеля «Pressman». Это всё выглядит довольно убедительно.

В общем, я сказал примерно всё то же, что и Тайлер.

Когда президент союза сбил Тайлера на пол, мистер президент увидел, что Тайлер не защищается. Его честь со своим огромным как «Cadillac» телом, которое больше и сильнее, чем ему может понадобиться, его честь размахнулся и ударил Тайлера ногой в ребра. И Тайлер смеялся. Его честь ударил ногой Тайлера в почки, когда тот скорчился, но Тайлер всё равно смеялся.

Давай, сделай это, говорил Тайлер. Поверь мне, ты почувствуешь себя намного лучше. Тебе станет лучше.

В офисе в отеле «Pressman» я спрашиваю менеджера, могу ли воспользоваться его телефоном. Я набираю номер отдела городских новостей в одной из газет. Под взглядом менеджера отеля я говорю:

Здравствуй, говорю я. Я совершил ужасное преступление против человечности в порядке политического протеста. Протеста против эксплуатации работников индустрии обслуживания.

Если я попаду в тюрьму, то уже не буду просто неуравновешенным официантом, напившим в суп. Это будет героический масштаб.

«Официант — Робин Гуд, защитник неимущих».

Это будет намного больше, чем один отель и один официант.

Менеджер отеля «Pressman» очень мягко забирает трубку у меня из рук. Менеджер говорит, что он больше не хочет, чтобы я работал здесь. По крайней мере, не с таким внешним видом.

Я стою у стола менеджера и спрашиваю: что?

Тебе не нравится мой вид?

И без колебаний, всё ещё смотря на менеджера, я с размаху бью кулаком себе в нос, откуда немедленно начинает литься кровь.

Без всякой причины, я вдруг вспоминаю ночь, когда мы с Тайлером дрались в первый раз.

Я хочу, чтобы ты ударил меня изо всех сил.

Это был не такой уж сильный удар. Я бью себя ещё раз. Очень хорошо выглядит, столько крови. Я бросаю себя назад, в стену, производя страшный шум и разбивая висящую там картину.

Разбитое стекло, рамы, картины с цветочками и кровью летят на пол, а я валяю дурака вокруг. Я такой забавный. Кровь льется на ковер. Я встаю и хватаюсь за стол, оставляя на нем кровавые отпечатки. Я говорю: пожалуйста, помогите мне, — но начинаю хихикать.

Пожалуйста, помогите.

Пожалуйста, не бейте меня опять.

Я сползаю обратно на пол и, весь в крови, ползу через ковёр. Первое слово, которое я произнесу, будет «пожалуйста». Так что я держу губы сомкнутыми. Чудовище ползёт через букеты и венки восточного ковра. Горячая кровь льётся из моего носа и стекает по носоглотке. Чудовище ползёт через ковёр, собирая на себя пыль и грязь, цепляясь за ковёр лапами. И оно подползает достаточно близко, чтобы обхватить менеджера отеля «Pressman» за колено в полосу и сказать это.

Пожалуйста.

Сказать это.

Пожалуйста, раздается сквозь бульканье крови.

Скажи это.

Пожалуйста.

Разбрызгивая вокруг кровь.

Так Тайлер получил возможность открывать бойцовские клубы в каждый день недели. После этого стало семь бойцовских клубов. А потом стало пятнадцать бойцовских клубов. А потом было двадцать три бойцовских клуба. А Тайлер хотел ещё.

Теперь деньги поступали всегда.

Пожалуйста, прошу я менеджера отеля «Pressman», дайте мне денег. И снова хихикаю.

И, пожалуйста, не бейте меня.

Пожалуйста.

У вас есть так много, а у меня нет ничего. И я ползу по ногам в полосочку менеджера отеля «Pressman», который отклоняется всем телом назад, опираясь на подоконник, и даже его губы стараются уклониться от меня, обнажая зубы.

Чудовище вцепляется окровавленной лапой в ремень брюк менеджера, хватается за белоснежную рубашку. Я сжимаю окровавленными руками мягкие запястья менеджера.

Пожалуйста, улыбаюсь я так, чтобы рассеченные губы разошлись.

Борьба, менеджер кричит и пытается вырвать руки, оттолкнуть меня, мой сломанный нос, мою кровь, мы оба измазываемся в крови. И в этот момент, в наш лучший миг вместе, решили войти охранники.

Глава 17

СЕГОДНЯ В ГАЗЕТАХ НАПИСАНО О ТОМ, КАК КТО-ТО вломился в офисы между десятым и пятнадцатым этажами «Hein Tower», выбрался через окна и разрисовал южную сторону здания огромной улыбающейся рожей в пять этажей. А потом устроил пожары в центре каждого из огромных глаз, сияющих живых глаз над рассветающим городом.

На фотографии на первой странице газеты — нарисованная рожа. Это злая хэллоуинская тыква, японский демон, дракон скупости в небе. А дым — это чудовищные брови или дьявольские рога. Люди кричали от ужаса, запрокинув головы вверх.

Что это значит?

И кто это сделал?

Даже когда огонь потушили, лицо осталось там, и стало только хуже. Пустые глаза, казалось, следили за каждым на улице, и в то же самое время были мёртвыми.

Газеты пишут и пишут об этом.

Конечно, ты читал это. И хочешь знать, было ли это частью Проекта «Увечье».

Газеты пишут, что у полиции нет никаких зацепок. Молодёжные банды или космические пришельцы, кто бы это ни был, могли погибнуть, карабкаясь по стенам и высовываясь из окон с аэрозольными флаконами чёрной краски.

Был ли это Комитет по беспорядкам, или Комитет по поджогам? Нарисованная рожа, наверное, была их домашним заданием на прошлой неделе.

Тайлер наверняка знает. Но первое правило Проекта «Увечье» состоит в том, что ты не задаёшь вопросов о Проекте «Увечье».

В Комитете по насилию Проекта «Увечье» на этой неделе Тайлер сказал, что объяснит всем, что такое выстрел из пистолета. Всё, что делает пистолет — это фокусирует взрыв в нужном направлении.

На последнее собрание Комитета по насилию Тайлер принёс пистолет и телефонную книгу с «жёлтыми страницами».

Они собираются в подвале, где в субботу вечером встречается бойцовский клуб. Каждый комитет собирается в свой день.

Комитет по поджогам собирается в понедельник.

Комитет по насилию во вторник.

Комитет по беспорядкам собирается в среду.

Комитет по дезинформации — в четверг.

Организованный Хаос. Бюрократия Анархии. Как тебе будет угодно.

Группы поддержки. В некотором роде.

Во вторник вечером Комитет по насилию выдвигает предложения на будущую неделю, а Тайлер читает их и дает комитету домашнее задание.

На этот раз к следующей неделе каждый член Комитета по насилию должен ввязаться в драку, из которой не выйдет победителем. И не в бойцовском клубе. Это труднее, чем кажется. Человек на улице сделает всё, чтобы не драться.

Мысль в том, чтобы взять какого-нибудь Джека с улицы, который никогда не был в настоящей драке, и рекрутировать его. Дать ему победить впервые в его жизни. Дать ему взорваться. Дать ему возможность выбить из тебя дерьмо.

Ты можешь сделать это. Если ты победишь — значит, ты всё испортил.

Что мы должны сделать, говорит Тайлер комитету, так этот напомнить этим парням, какой силой они всё ещё обладают.

Это маленькая речь Тайлера. Потом он открывает каждый из сложенных листов бумаги в картонной коробке перед ним.

Так каждый комитет предлагает операции на будущую неделю. Пишешь предложение на листке из блокнота, вырываешь лист, складываешь и кладёшь в коробку. Тайлер просматривает предложения и выбрасывает все плохие идеи. Вместо каждой выброшенной идеи Тайлер кладет в коробку пустой лист.

Потом все в комитете вытягивают листы из коробки. Как мне объяснил Тайлер, если кто-то вытягивает пустой лист, то на этой неделе он делает только домашнее задание.

Если же ты вытянешь предложение, то должен будешь, к примеру, пойти на фестиваль импортного пива на выходных и столкнуть кого-нибудь в химический туалет. Ты справишься на «отлично», если тебя за это изобьют.

Или ты должен будешь посетить показ мод в главном зале торгового центра и разбрасывать земляничное желе с галереи.

Если тебя арестовали — ты выбыл из Комитета.

Если ты засмеялся — ты выбыл из Комитета.

Никто не знает, кто вытянет предложение. И никто, кроме Тайлера, не знает, какие были предложения, и какие он принял, а какие выбросил в мусор.

Позже на этой неделе, ты можешь прочитать в газете о неизвестном, который в центре города запрыгнул за руль спортивного «Jaguar» и въехал в фонтан. Ты спрашиваешь себя: было ли это предложением комитета, которое ты мог вытянуть?

Следующей ночью вторника в тёмном подвале бойцовского клуба под единственной лампой ты будешь разглядывать членов Комитета по насилию. И ты всё ещё будешь спрашивать себя, кто въехал в фонтан.

Кто залез на крышу музея искусств и стрелял из пейнтбольного ружья по скульптурам, ожидавшим размещения в экспозиции?

Кто нарисовал маску демона на «Hein Tower»?

Ты можешь себе представить команду юристов, или бухгалтеров, или курьеров, которые в ту ночь проникали в офисы «Hein Tower», в которых сидели каждый день. Может быть, они были немного пьяны, даже если это против правил Проекта «Увечье». Они использовали электронные ключи там, где могли, или канистры с фреоном, чтобы выбить цилиндры замков. Они свешивались из окон. Карабкались по кирпичному фасаду.

Спускались, доверяя друг другу держать веревки. Раскачивались, рискуя погибнуть в здании, где каждый день чувствовали, как их жизнь заканчивается с каждой минутой.

На следующее утро эти самые клерки и помощники экономистов стояли в толпе, запрокинув тщательно причёсанные головы, не выспавшиеся, но трезвые, в галстуках. Слушали, как толпа вокруг них гадают, кто сделал это. Как полиция кричит: всем, пожалуйста, отойти назад. Смотрели, как вода льётся из разбитых закопченных окон в центре каждого глаза.

Тайлер сказал мне по секрету, что попадает не больше четырёх хороших предложений за встречу комитета, так что твои шансы вытянуть настоящее задание, а не пустой бланк, равны где-то один к шести^[77]. В Комитете по насилию двадцать пять человек, считая и Тайлера. Все получают домашнее задание: прилюдно проиграть драку. И все тянут предложения.

На этой неделе Тайлер сказал им пойти и купить пистолет.

Тайлер дал одному парню телефонную книгу с «жёлтыми страницами» и сказал ему вырвать рекламу. Потом передать книгу следующему. Никто не должен был идти в одно и то же место, чтобы покупать оружие или стрелять из него.

Это — пистолет, сказал Тайлер, и достал из кармана куртки пистолет. В течение двух недель каждый из вас должен купить пистолет примерно такого размера и принести его на встречу.

Лучше расплатиться за него наличными, сказал Тайлер. На следующем собрании вы все обменяетесь оружием, и потом заявите о краже своего пистолета.

Никто ничего не спросил.

Первое правило проекта «Увечье» это: никаких вопросов.

Тайлер пустил пистолет по кругу. Он был тяжёлым для чего-то столь маленького. Как будто что-то огромное, как гора, как солнце, сжалось и превратилось в это. Члены комитета держали его двумя пальцами. Каждому хотелось спросить, заряжен ли он.

Но второе правило проекта «Увечье» это: никаких вопросов.

Может быть, он заряжен, может — нет. Может быть, мы должны всегда ожидать худшего.

Пистолет, сказал Тайлер, маленький и совершенный. Ты просто нажимаешь на спусковой крючок.

Третье правило проекта «Увечье» это: никаких оправданий.

Спусковой крючок, говорит Тайлер, освобождает курок, курок ударяет по капсюлю.

Четвёртое правило это: никакой лжи.

Взрыв выталкивает металлическую пулю через открытый конец патрона, и ствол пистолета фокусирует энергию взрыва и направляет летящую пулю, говорит Тайлер. Как человек-ядро из пушки, как ракета из шахты, как сперма из члена, в одном направлении.

Когда Тайлер придумал Проект «Увечье», он сказал, что цели Проекта не имеют отношения к другим людям. Тайлеру не было дела, пострадают другие люди или нет. Целью было показать каждому человеку в Проекте, что он обладает властью влиять на ход истории. Мы, каждый из нас, можем управлять миром.

Тайлер придумал Проект «Увечье» в бойцовском клубе.

Однажды в бойцовском клубе я вызвал новичка. В субботнюю ночь мальчишка с ангельским личиком впервые пришёл в бойцовский клуб, и я вызвал его на бой. Это правило. Если это твоя первая ночь в бойцовском клубе, ты должен драться. Я знал это. И я вызвал его. Потому что у меня снова была бессонница, и мне хотелось уничтожить что-нибудь прекрасное.

Поскольку большая часть моего лица так и не получает возможности зажить, мне больше нечего терять в смысле внешнего вида. Мой босс, на работе, он спросил меня, что я делаю с этой дырой в щеке, которая никак не заживает. Я ответил, что когда я пью кофе, я засовываю в неё два пальца, чтобы кофе не вытекал.

Удушающий захват, который оставляет воздуха ровно столько, чтобы не потерять сознание. В ту ночь в бойцовском клубе я ударил новичка и бил в его ангельское личико костяшками кулака. А потом тыльной стороной руки, когда кулак был разбит о его зубы, разорвавшие его губы. Пока он не упал, не рухнул из моих рук на пол бесформенной грудой.

Позже Тайлер сказал мне, что никогда не видел меня уничтожающим что-нибудь настолько основательно. В ту ночь Тайлер понял, что нужно либо перевести клуб на следующий уровень, либо закрыть его.

Следующим утром за завтраком Тайлер сказал: ты был похож на маньяка, психопатик. Что с тобой было?

Я сказал, что чувствовал себя дерьмово, и совсем не расслабился. Я ничего не чувствовал. Может, у меня выработалось привыкание. Ты можешь привыкнуть к боям. И может быть, мне нужно что-нибудь большее.

В то утро Тайлер придумал Проект «Увечье».

Тайлер спросил меня, с чем на самом деле я сражался.

Тайлер говорил о том, что мы дерьмо и рабы истории — вот, что я сейчас чувствую. Мне хотелось уничтожить всё прекрасное, чего у меня никогда не будет. Сжечь амазонские дождевые леса. Выбрасывать хлорфторкарбонаты прямо в озоновый слой. Открыть сливные краны супертанкеров и нефтяных скважин в море. Мне хотелось погубить всю рыбу, которую я не смогу съесть, и засрать все французские берега, которые я никогда не увижу.

Я хотел весь мир утащить на дно.

Избивая этого мальчишку, я хотел всадить пулю между глаз каждой вымирающей панде, которая не хочет трахаться, чтобы спасти свой род, каждому киту или дельфину, который сдаётся и выбрасывается на берег.

Не думай об этом как о вымирании. Думай как о сокращении.

Тысячи лет люди насиловали, загрязняли, уничтожали эту планету. А теперь все ждут, что я начну убирать за ними. Я должен мыть и расплющивать консервные банки. Отчитываться за каждую каплю использованного моторного масла. Оплачивать захоронение ядерных отходов, зарытые цистерны с топливом и токсические свалки, устроенные за поколение до моего рождения.

Я держал лицо ангелочка как ребёнка или футбольный мяч, на сгибе локтя. Я бил в его лицо костяшками кулака другой руки, бил, пока его зубы не разорвали его губы. Бил его локтем, пока кожа на его скулах не натянулась, не истончилась, не почернела от ударов. Пока он не упал, не рухнул из моих рук на пол.

Я хотел дышать дымом.

Птицы и олени — это пустая роскошь, и вся рыба должна плавать кверху брюхом.

Я хотел сжечь Лувр. Раскрошить кувалдой мраморные ступени. Подтереться Моной Лизой. Теперь это мой мир.

Это мой мир, теперь — мой, а все эти древние люди уже мертвы.

За завтраком в то утро Тайлер придумал Проект «Увечье».

Мы хотели освободить мир от его истории.

Мы завтракали в доме на Paper Street. И Тайлер сказал: представь себя сажающим редис и картофель на пятнадцатой лунке заброшенного поля для гольфа. Ты отслеживаешь лося во влажных лесах руин «Rockefeller Center». Собираешь моллюсков около скелета «Space Needle», накренившегося под углом сорок пять градусов. Мы разрисовываем небоскрёбы огромными ликами тотемов и оскалами чудовищ. И каждый вечер то, что останется от человечества, будет собираться в пустых зоопарках и запирается в клетках, чтобы защититься от медведей, диких котов, волков, которые по ночам будут приходить и смотреть на нас с той стороны решётки.

Переработка отходов, ограничение скоростей — всё это чушь, говорит Тайлер. Это как человек, бросающий курить на смертном ложе.

Мир спасет Проект «Увечье». Культурный ледниковый период. Преждевременно вызванные тёмные века. Проект «Увечье» заставит человечество залечь в спячку, отойти от дел на достаточное время, чтобы Земля восстановилась.

Ты сам оправдываешь анархию, говорит Тайлер. Так, как тебе будет угодно.

То, что делает бойцовский клуб с клерками и рассыльными, Проект «Увечье» сделает со всей землёй. Уничтожит цивилизацию, чтобы мы могли сделать из мира что-то лучшее.

Представь, говорит Тайлер. Выслеживать лося среди окон супермаркетов, мимо смердящих, тлеющих прекрасных платьев и смокингов на вешалках. Ты будешь носить кожаную одежду, которая прослужит тебе до конца твоих дней. Будешь взбираться по лозам толщиной в руку, которые будут обвивать «Sears Tower». Джек и бобовое зернышко. Ты поднимешься выше полога влажного леса, и воздух будет так чист, что ты увидишь маленькие фигурки, обмолачивающие кукурузу и раскладывающие полоски оленины на пустой стоянке автомашин или на заброшенной восьмиполосной суперавтостраде, разогревшейся на тысячи миль под августовским солнцем.

Это — цель Проекта «Увечье», говорит Тайлер. Полное и немедленное уничтожение цивилизации.

Что будет следующим в Проекте «Увечье», не знает никто, кроме Тайлера. Первое и второе правила: ты не задаешь вопросов.

Не покупайте патронов, говорит Тайлер Комитету по насилию. И, раз уж вы так об этом беспокоитесь, то — да. Вы будете убивать.

Поджог. Насилие. Беспорядки. Дезинформация.

Никаких вопросов. Никаких вопросов. Никаких оправданий. Никакой лжи.

И — пятое правило Проекта «Увечье». Ты должен верить Тайлеру.

Глава 18

МОЙ БОСС ПРИНОСИТ ЕЩЁ ОДИН ЛИСТ БУМАГИ И КЛАДЁТ его на стол у моего локтя. На моём боссе синий галстук, так что это, должно быть, четверг. Я галстука теперь вообще не ношу.

Дверь в кабинет моего босса теперь всегда закрыта. Мы не обменялись даже парой фраз с тех пор, как он нашёл правила бойцовского клуба в копире, а я предположил, что мог бы расстрелять его из карабина. Я просто валяю дурака, опять.

Или я мог бы позвонить в Министерство транспорта. Есть такое крепление переднего сиденья, которое никогда не проходило тесты на столкновение перед запуском в производство.

Если знаешь, где искать, то тела зарыты повсюду.

Доброе утро, говорю я.

Он отвечает: доброе.

У моего локтя ещё один важный секретный документ, только для моих глаз. Тайлер сказал мне напечатать это и размножить.

На прошлой неделе Тайлер измерял подвал в арендованном доме на Paper Street. Шестьдесят пять ступней в длину и сорок ступней в ширину. Тайлер размышлял вслух.

Тайлер спросил меня: сколько будет шестью семь?

Сорок два.

А трижды сорок два?

Сто двадцать шесть.

Тайлер дал мне исписанный лист бумаги и сказал напечатать это и сделать семьдесят две копии.

Зачем столько?

Потому что, сказал Тайлер, именно столько человек сможет спать в подвале, если мы положим их в трехэтажные армейские казарменные кровати.

Я спросил: а как же их вещи?

Тайлер сказал: они не будут приносить ничего, кроме того, что в этом списке. И всё это должно поместиться под матрасом.

В бумаге, которую мой босс нашёл в копировальной машине со всё ещё установленными на ней семьюдесятью двумя копиями, в этой бумаге говорилось:

Наличие требуемых вещей не гарантирует допуска к тренировкам, но ни одна кандидатура не будет рассматриваться в случае отсутствия любой из перечисленных вещей и суммы в пятьсот долларов на личные похороны.

По крайней мере, триста долларов стоит кремировать тело, сказал Тайлер. И цены растут. Тело того, кто не имеет при себе, по крайней мере, этих денег, отправляется в анатомический театр.

Эти деньги должны всегда носиться в обуви тренирующегося, так что если его когда-нибудь убьют, его смерть не будет обременительной для Проекта «Увечье».

В дополнение к этому, кандидат должен иметь при себе:

Две чёрные рубашки. Две пары чёрных брюк. Одна пара тяжёлых чёрных ботинок. Две пары чёрных носков и две пары простого чёрного белья. Одну плотную чёрную куртку.

Это — включая одежду на кандидате.

Одно белое полотенце. Один армейский поролоновый матрас. Один белый пластиковый котелок.

Мой босс всё ещё стоит рядом. Я беру оригинал и говорю ему: спасибо. Мой босс идёт в свой кабинет, а я возвращаюсь к своим обязанностям и раскладываю пасьянс в компьютере.

После работы я отдаю Тайлеру копии.

Дни идут.

Я иду на работу.

Я прихожу домой.

Я иду на работу.

Я прихожу домой — и на крыльце стоит парень. Парень у входной двери, со вторыми чёрными рубашкой и брюками в коричневом бумажном мешке. Три остальных вещи, белое полотенце, армейский матрас и пластиковый котелок, лежат на перилах крыльца.

С окна на лестнице мы с Тайлером наблюдаем за парнем. Тайлер говорит мне отослать парня.

Он слишком молод, говорит Тайлер.

Парень на крыльце — это ангелочек, которого я избивал в ночь, когда Тайлер придумал Проект «Увечье». Даже с синяками под глазами и стрижкой наголо, ты видишь его личико без морщин и шрамов. Одень его в платье и заставь улыбаться — будет девчонка. Ангелочек стоит у парадной двери, смотрит прямо перед собой, руки по швам. На нем чёрные ботинки, чёрная рубашка, чёрные брюки.

Избавься от него, говорит Тайлер. Он слишком молод.

Я спрашиваю, насколько слишком молод?

Это не имеет значения, говорит Тайлер. Если кандидат молод, мы говорим ему, что он слишком молод. Если он толстый — что он слишком толстый. Если старый — слишком старый. Худой — слишком худой. Белый — слишком белый. Чёрный — слишком чёрный.

Так буддийские храмы испытывали кандидатов тысячи лет, говорит Тайлер. Ты говоришь ему уходить. И если он будет так упрям, что прождёт у входа три дня, — без пищи, воды и крыши над головой, без ободрения, — тогда и только тогда он может войти и начать тренировки.

Так что я говорю ангелочку, что он слишком молод. Но в обед он всё ещё здесь. После обеда я выхожу и немного колочу его метлой, и выкидываю его вещи на дорогу. Со второго этажа Тайлер смотрит, как я попадаю метлой парню по уху. Парень просто стоит на месте. Потом я отфутболиваю его вещи в канаву.

Уходи, кричу я. Ты что, не слышишь? Ты слишком молод. Я кричу: ты всё равно не годишься. Приходи через пару лет и попробуй ещё раз. Просто уходи. Убирайся с моего крыльца.

На следующий день парень всё ещё здесь. Выходит Тайлер. Извини. Тайлер говорит, что ему жаль, что он рассказал о тренировках, ведь парень действительно слишком молод. Пожалуйста, пусть он просто уходит.

Хороший полицейский. Плохой полицейский.

Я кричу на парня снова. Потом, через шесть часов, Тайлер выходит и говорит, что ему жаль, но — нет. Парень должен уйти. Тайлер говорит, что вызовет полицию, если парень не уйдет.

Парень остаётся.

Все его вещи всё ещё в канаве. Ветер уносит разорванный бумажный пакет.

Парень здесь.

На третий день у двери стоит второй кандидат. Ангелочек всё ещё здесь, и Тайлер спускается вниз и говорит ему: заходи. Собери вещи с дороги и заходи.

Новому кандидату Тайлер говорит, что ему очень жаль, но ничего не выйдет. Новый парень слишком стар, чтобы тренироваться. Пожалуйста, пусть он просто уходит.

Каждый день я иду на работу. Я прихожу домой. И каждый день здесь один или два парня, которые ждут на пороге. Они не встречают твой взгляд. Я закрываю дверь и оставляю их на крыльце. Так каждый день. Иногда кандидаты уходят, но в большинстве случаев, они торчат там до конца третьих суток. До тех пор, пока почти все семьдесят две кровати, установленные нами с Тайлером в подвале, не заняты.

Однажды Тайлер дал мне пятьсот долларов наличными и сказал носить их в ботинке всё время. Мои личные деньги на похороны. Ещё одна традиция буддийских монахов.

Я прихожу домой с работы — и весь дом полон незнакомцами, которых принял Тайлер. Все они работают. Весь первый этаж превратился в кухню и мыловаренный завод. Ванная не бывает пуста. Команды парней исчезают на несколько дней и возвращаются с красными пластиковыми пакетами жидкого, водянистого жира.

Однажды ночью Тайлер поднялся наверх, ко мне, прячущемуся в комнате, и сказал: не трогай их. Они все знают, что им делать. Это — часть Проекта «Увечье». Никто из них не понимает всего плана, но каждый обучен делать своё дело в совершенстве.

Правило проекта «Увечье»: ты должен верить Тайлеру.

Потом Тайлер исчез.

Команды Проекта «Увечье» целый день вытапливают жир. Я не сплю. Всю ночь я слышу, как другие команды добавляют щёлочь, нарезают бруски мыла, сушат их на противнях, потом упаковывают каждый брусок и наклеивают этикетку «Мыловаренная компания Paper Street». Похоже, все кроме меня знают, что им делать. А Тайлера не бывает дома.

Я буквально бросаюсь на стены. Как мышь, попавшая в часы, потерянный внутри отлаженного механизма молчащих людей. Энергичных как дрессированные мартышки. Готовящих, работающих, спящих по очереди. Тянешь за рычаг. Нажимаешь кнопку. Команда космических мартышек весь день готовит еду. Весь день команды космических мартышек едят из пластиковых котелков, принесенных с собой.

Однажды утром я иду на работу, и на крыльце стоит Большой Боб в чёрных ботинках, чёрной рубашке и брюках. Я спрашиваю, видел ли он Тайлера в последнее время. Это Тайлер прислал его сюда?

Первое правило Проекта «Увечье», говорит Боб, стоя навтыжку, ноги вместе. Ты не задаешь вопросов о Проекте «Увечье».

Ну и какую же не требующую мозгов миссию приготовил для него Тайлер, спрашиваю я. Тут есть парни, работа которых состоит в том, чтобы просто варить рис целый день, или мыть пластиковые котелки, или убирать в сортире. Целый день. Тайлер пообещал Большому Бобу просветление, если тот будет проводить шестнадцать часов в день, упаковывая бруски мыла?

Большой Боб ничего не говорит.

Я иду на работу, я возвращаюсь домой. Большой Боб всё ещё на крыльце. Я не сплю всю ночь. На следующее утро Большой Боб возится в саду.

Прежде чем уйти на работу, я спрашиваю Большого Боба, кто его впустил. Кто дал ему это поручение? Он видел Тайлера? Тайлер был здесь прошлой ночью?

Большой Боб говорит: Первое правило Проекта «Увечье»...

Я перебиваю его. Я говорю, да. Да. Да. Да. Да. Да.

Пока я на работе, команды космических мартышек вскапывают грязную поляну у дома. Посыпают грязь английской солью, чтобы снизить кислотность. Закапывают навоз из загонov при бойнях. Мешки обрезков волос из парикмахерских, чтобы отпугнуть кротов и мышей, и чтобы повысить содержание протеина в почве.

Посреди ночи возвращаются космические мартышки с какой-то бойни и приносят мешки сухой крови, чтобы повысить в почве содержание железа. Мешки костяной муки, чтобы повысить содержание фосфора.

Команды космических мартышек сажают базилик, тимьян, латук, побеги лещины, эвкалипта, декоративного апельсина и мяты — вперемешку. Роза — посреди каждого островка зелени. Другие команды выходят ночью со свечами и убивают улиток и слизней. Ещё одна команда мартышек собирает только безупречные листья и ягоды можжевельника, чтобы выварить из них натуральный краситель. Окопник — потому, что это натуральный дезинфектант. Листья фиалки — потому, что они излечивают головные боли. Душистый ясенник — потому, что он придает мылу запах свежескошенной травы.

В кухне — бутылки сорокоградусной водки для прозрачного мыла с розовой геранью, и мыла с жжёным сахаром, и мыла с пачули. Я краду бутылку водки и трачу похоронные деньги на сигареты.

Появляется Марла. Мы с Марлой ходим по усыпанным гравием дорожкам среди калейдоскопических зелёных участков сада, пьём и курим. Мы говорим о растениях. Мы говорим о её груди. Мы говорим обо всём, кроме Тайлера Дёрдена.

В один прекрасный день газеты пишут о том, как команда людей в чёрном пронеслась по престижному району и магазину дорогих автомобилей, ударяя бейсбольными битами по передним бамперам машин, так что внутри автомобилей срабатывали подушки безопасности и противоугонные сигнализации.

В «Мыловаренной компании Paper Street» другие команды обрывают лепестки роз, анемонов и лаванды и укладывают их в коробки с очищенным жиром, который впитает их запах — для изготовления мыла с цветочным ароматом.

Марла рассказывает мне о растениях.

Роза, говорит мне Марла, это натуральное вяжущее средство.

Некоторые цветы носят имена как из некрологов: «роза», «белладонна», «лилия». Некоторые — «буквица», «наперстянка», «душица» — похожи на имена фей из пьес Шекспира.

Чемерица со сладким ванильным запахом. Лещина, ещё одно натуральное вяжущее. Аир, дикий испанский ирис.

Каждую ночь мы с Марлой гуляем по саду, пока я не убеждаюсь, что Тайлер не придёт домой сегодня. Прямо позади нас всегда следует мартышка, которая подбирает веточки бальзама, руты или мяты, которые Марла разламывает у меня под носом. Брошенный сигаретный окуроч. Мартышка граблями заравнивает дорожку за собой, уничтожая все следы нашего присутствия.

А как-то ночью в городском парке другая группа людей разлила бензин вокруг каждого дерева, и от одного дерева к другому. И устроила маленький-но-миленький лесной пожар. Газеты писали, что оконные стёкла в домах через дорогу от парка расплавились, а машины осели на лопнувших и потёкших шинах.

Арендованный Тайлером дом на Paper Street стал живым существом, влажным изнутри от пота и дыхания столько людей. Внутри него двигается столько людей, что кажется, сам дом двигается.

В ещё одну ночь, когда Тайлер не пришел домой, кто-то высверлил замки у банкоматов и телефонов-автоматов, просунул внутрь трубки и воспользовался масляным шприцом, чтобы закачать во внутренности автоматов тавот или ванильный пудинг.

И Тайлера по-прежнему нет дома. Но спустя месяц у некоторых из мартышек выжжено клеймо поцелуя Тайлера на руке. Потом эти мартышки тоже исчезают, и новые появляются на крыльце, чтобы заменить их.

И каждый день команды людей приезжают и уезжают на разных машинах. Ты никогда не видишь одну и ту же машину дважды.

Однажды вечером я слышу, как Марла на крыльце говорит ещё одной мартышке-космонавту: я здесь, чтобы увидеть Тайлера. Тайлер Дёрден. Он живет здесь. Я его друг.

Мартышка-космонавт говорит: извини, но ты слишком — пауза — слишком молода, чтобы тренироваться здесь.

Марла говорит: отвали.

Кроме того, говорит мартышка, ты не принесла необходимые вещи: две чёрные рубашки, две пары чёрных брюк...

Марла кричит: Тайлер!

Одна пара тяжёлых чёрных ботинок.

Тайлер!

Две пары чёрных носков и две пары простого чёрного белья.

Тайлер!

И я услышал, как входная дверь захлопнулась. Марла не стала ждать три дня.

Обычно после работы я прихожу домой и делаю сэндвич с арахисовым маслом.

Когда я прихожу домой, одна из мартышек-космонавтов читает что-то другим собравшимся мартышкам, занявшим весь первый этаж.

Ты — не прекрасная и неповторимая снежинка. Ты — такая же умирающая органика, как и всё вокруг. Мы все — часть одной навозной кучи.

Мартышка-космонавт продолжает:

Наша культура сделала нас одинаковыми. Никто теперь по-настоящему не белый, не чёрный и не богатый. Мы все хотим одного и того же. Индивидуально, мы — ничто.

Читающий останавливается, когда я вхожу, чтобы сделать себе сэндвич. Все мартышки-космонавты сидят тихо, как если бы их вообще не было.

Я говорю: не обращайтесь на меня внимания. Я это уже читал. Я распечатывал это.

Даже мой босс, наверное, это читал.

Мы все — одинаковый мусор, говорю я. Давайте. Играйте в свои маленькие игры. Не обращайтесь на меня внимания.

Мартышки-космонавты ждут в тишине, пока я приготовлю себе сэндвич и возьму ещё одну бутылку водки, и уйду наверх.

Позади себя я слышу: ты — не прекрасная и неповторимая снежинка.

Я — Разбитое Сердце Джека. Потому, что Тайлер бросил меня. Потому, что мой отец бросил меня. Я могу продолжать перечислять.

Иногда вечером, после работы, я иду в какой-нибудь бойцовский клуб в подвале бара или гаража, и спрашиваю, видел ли кто-нибудь Тайлера Дёрдена.

В каждом новом бойцовском клубе, кто-нибудь, кого я никогда раньше не видел, стоит под единственной лампой в центре темноты, окруженный людьми, произносящий слова Тайлера.

Первое правило бойцовского клуба: ты не говоришь о бойцовском клубе.

Когда начинаются бои, я отвожу в сторону лидера клуба и спрашиваю, видел ли он Тайлера. Я живу с Тайлером, говорю я, и он давно не был дома.

Глаза парня округляются. Он спрашивает, правда ли я знаю Тайлера Дёрдена.

Так происходит в большинстве новых бойцовских клубов.

Да, говорю я, мы с Тайлером — лучшие друзья.

И внезапно все вокруг хотят пожать мою руку.

Эти новые парни смотрят на дыру в моей щеке, на почерневшую кожу на моем лице, жёлто-зелёную там, где она облегает кости. Они называют меня «сэр». Нет, сэр. Нет, сэр, нет. Никто из тех, кого они знают, никогда не встречал Тайлера Дёрдена. Знакомые их знакомых встречали Тайлера Дёрдена, и они основали этот клуб, сэр.

Потом они подмигивают мне.

Никто из тех, кого они знают, не никогда даже не видел Тайлера Дёрдена.

Сэр.

Это правда? — спрашивают все они. Тайлер Дёрден собирает армию? Так говорят. Тайлер Дёрден действительно спит только час в сутки? Ходят слухи, что Тайлер путешествует, открывая бойцовские клубы по всей стране. Что дальше, хотят знать все они.

Проекта «Увечье» переехал и теперь собирается в подвалах побольше. Потому что каждый комитет — по поджогам, насилию, беспорядкам и дезинформации — разрастается по мере того, как все больше парней вырастают из бойцовского клуба. В каждом комитете есть лидер, и даже лидеры не знают, где Тайлер. Тайлер звонит им каждую неделю по телефону.

Все в проекте «Увечье» хотят знать, что дальше.

Куда мы идём?

Чего ждать дальше?

На Paper Street мы с Марлой гуляем по саду ночью босиком. Каждый шаг поднимает запах шалфея, лимонной вербены, розовой герани. Чёрные рубашки и чёрные брюки бродят вокруг нас со свечами, поднимая листья, чтобы убить улитку или слизня.

Марла спрашивает, что здесь происходит?

Ключья волос виднеются в земле. Волосы и дерьмо. Костяная мука и сухая кровь с бойни. Растения растут быстрее, чем космические мартышки могут их подрезать.

Марла спрашивает: что будет дальше?

Как бы это сказать...

В грязи я замечаю блеск золота, и наклоняюсь посмотреть.

Что будет дальше, говорю я Марле, я не знаю.

Похоже, нас обоих бросили.

На краю поля моего зрения космические мартышки в чёрном суеются вокруг, каждый со свечой.

Золотой блеск в грязи — это зуб с золотой коронкой. Рядом с ним видны ещё два зуба с серебряными коронками. Это челюсть.

Я говорю: нет. Я не знаю, что будет дальше.

И я зарываю один, два, три зуба в грязь, волосы, дерьмо, кости, кровь — туда, где Марла их не увидит.

Глава 19

ВЕЧЕРОМ В ТУ ПЯТНИЦУ Я ЗАСНУЛ НА РАБОТЕ ЗА СТОЛОМ. Я проснулся, сидя за столом, лицом на сложенных руках. Звонил телефон. Все уже ушли. Мне снилось, что звонит телефон, так что не было понятно, то ли реальность просочилась в мой сон, то ли сон в реальность.

Я отвечаю по телефону: обязательства и ответственность. Это мой отдел. «Обязательства и ответственность».

Солнце садится. Облака размером с Вайоминг или Японию направляются в нашу сторону. Не то, чтобы у меня на работе было окно. Все наружные стены — это стекло от пола до потолка. Где бы я ни работал — везде стекло от пола до потолка. Везде вертикальные жалюзи. Везде промышленные ковры с коротким ворсом с небольшими надгробиями там, где компьютеры включаются в локальную сеть. Лабиринт рабочих закутков с перегородками, обитыми фанерой.

Где-то гудит пылесос.

Мой босс ушёл в отпуск. Он послал мне E-mail и исчез. Я должен подготовиться к формальному отчету через две недели. Зарезервировать конференц-зал. Расставить игрушки по полкам. Обновить свое резюме. Всё в таком духе. Они готовят процесс против меня.

Я — Полнейшее Отсутствие Удивления Джека.

Я достоин жалости.

Я поднимаю трубку. Это Тайлер. Он говорит: выходи, на стоянке тебя ждут люди.

Я спрашиваю, кто они.

Они ждут тебя, говорит Тайлер.

Я чувствую запах бензина на руках.

Тайлер продолжает: иди на дорогу. У них машина. У них «Cadillac».

Я всё ещё сплю.

Я даже не уверен, что Тайлер — не мой сон.

Или что я не сон Тайлера.

Я нюхаю пахнущие бензином руки. Никого нет рядом. Я встаю и выхожу на стоянку.

Парень из бойцовского клуба занимается машинами. Он припарковался у обочины в роскошном чёрном «Corniche». Всё, что я могу — это смотреть на него, весь чёрный и золотой, сигарета автомобиля, готовая увезти меня неизвестно куда. Механик, вылезший из машины, говорит мне не волноваться, он поменял номера с другой машиной с долговременной парковки в аэропорту.

Наш механик из бойцовского клуба утверждает, что может завести что угодно. Два провода, выданных из рулевой колонки. Прикоснись одним проводом к другому — ты замкнёшь контакт с соленоидом стартера и получишь машину, готовую к поездке.

Или так, или подбери код ключа через дилера.

Три космических мартышки на заднем сидении в чёрных рубашках и чёрных брюках. Не видь зла. Не слышь зла. Не говори зла.[\[78\]](#)

Я спрашиваю, так где Тайлер?

Механик из бойцовского клуба открывает мне дверцу «Cadillac» как настоящий шофёр. Механик высокий и худой, с плечами как перекладина телеграфного столба.

Я спрашиваю, мы собираемся встретиться с Тайлером?

На переднем сиденье меня ждёт праздничный торт со свечами, которые вот-вот зажгут. Я залезаю внутрь. Мы стартуем.

Даже спустя неделю после бойцовского клуба у тебя не вызывает трудностей ехать на пределе скорости. Может быть, уже два дня у тебя кал чёрного цвета от внутренних кровотечений, но ты такой крутой. Все остальные машины едут вокруг тебя. Машины выстраиваются следом. Озлобленные водители показывают тебе средний палец. Незнакомцы ненавидят тебя. Совершенно ничего личного. После бойцовского клуба ты так расслаблен, что тебе просто всё равно. Ты даже не включаешь радио. Может быть, у тебя трещина в рёбрах, расходящаяся при каждом вдохе. Машины сзади мигают фарами. Солнце садится, золотое и оранжевое.

Механик внутри, за рулем. Праздничный торт на сиденье между нами.

На парней вроде нашего механика страшно смотреть в бойцовском клубе. Эти костлявые парни, они никогда не сдаются. Они сражаются, пока не превратятся в сплошную рану. Белые парни, похожие на скелеты в жёлтом воске, с татуировками. Чёрные парни, как вяленое мясо. Эти парни обычно ходят вместе, как ты можешь их представить в «Narcotics Anonymous»[\[79\]](#). Они никогда не останавливают бой. Как будто он весь — энергия,двигающийся так быстро, что фигура смазывается по краям. Эти парни спасаются от чего-то. Как будто у них остался только один выбор: каким образом умереть. И они хотят умереть в бою.

Им приходится сражаться друг с другом, этим парням. Никто больше не вызовет их на бой. Они не могут сражаться ни с кем, кроме другого такого же дёрганого и костлявого парня из костей и энергии. Потому что никто больше не согласится сражаться с ними.

Смотрящие на их бой даже не кричат. Всё, что ты слышишь — это дыхание сражающихся, вырывающееся сквозь стиснутые зубы. Шлепки рук в поисках опоры. Свист и звук удара, когда кулак бьёт и бьёт в пустые ребра, зажатые в клинче. Ты видишь сухожилия, мышцы, вены под кожей мечущихся бойцов. Кожа сияет, потеет, вся в рубцах, блестит от влаги под единственной лампой.

Проходит десять минут. Пятнадцать.

Запах пота этих парней напоминает запах жареного цыпленка.

Двадцать минут бойцовского клуба. Наконец, один из них падает.

После боя двое бывших наркоманов повисают друг на друге до конца ночи, опустошённые, улыбающиеся при мысли о том, как они сражались.

После бойцовского клуба механик вечно шатался вокруг дома на Paper Street. Хотел, чтобы я послушал песню, которую он написал. Посмотрел на скворечник, который он сделал. Парень показал мне фотографию какой-то девушки и спросил, достаточно ли она хороша, чтобы на ней жениться.

Сидя на переднем сиденье «Corniche», парень говорит: вы видели пирог, который я для вас испек? Это я сам сделал.

Это не мой день рождения.

Немного масла протекало сквозь кольца, говорит механик, я сменил масло и воздушный фильтр. Я проверил клапана и стартер. Сегодня должен быть дождь, так что я поставил новую резину на дворники.

Я спросил, что планирует Тайлер.

Механик открыл пепельницу и вдавил прикуриватель.

Он говорит: это что, проверка? Вы проверяете нас?

Где Тайлер?

Первое правило бойцовского клуба — ты не говоришь о бойцовском клубе, говорит механик. Первое правило проекта «Увечье» — никаких вопросов.

Так что он может мне сказать?

Он говорит: ты должен понять, что твой отец — это твоя модель Бога.

Позади нас моя работа и мой офис становятся всё меньше, меньше, и, наконец, исчезают.

Я чувствую запах бензина на своих руках.

Механик говорит: если ты мужчина, христианин, американец, то твой отец — это твоя модель Бога. И если ты никогда не знал своего отца, если твой отец ушёл, умер, или просто его никогда нет дома, то что ты должен думать о Боге?

Это была догма Тайлера Дёрдена. Нацарапанная на клочках бумаги, пока я спал, отданная мне, чтобы распечатать и размножить. Я читал всё это. Даже мой босс, наверное, это читал.

Ты заканчиваешь тем, говорит механик, что проводишь всю жизнь в поисках отца и Бога.

Ты должен признать возможность, что Бог тебя не любит. Возможно, Бог ненавидит нас. Это не худшее, что могло быть.

Тайлер видел это так: привлечь внимание Бога тем, что ты плох — это лучше, чем не получать его внимания вообще. Может быть, ненависть Бога лучше его безразличия.

Что ты выберешь — быть врагом Бога или ничем?

По Тайлеру Дёрдену, мы — средние сыновья Бога, без особого места в истории и без особого внимания. Пока мы не завладеем вниманием Бога, у нас нет надежды ни на проклятие, ни на искупление.

Что хуже — Ад или ничто?

Только будучи пойманными и наказанными, мы можем быть спасены.

Сожги Лувр, говорит механик. Подотришь Моной Лизой. Тогда Бог хотя бы будет знать наши имена.

Чем ниже ты пал, тем выше вознесёшься. Чем дальше ты бежишь, тем больше Бог хочет тебя вернуть.

Если бы блудный сын никогда не покинул дом, говорит механик, откормленный телец был бы всё ещё жив.

Недостаточно быть сосчитанным как песчинки на берегу и звёзды в небе.

Механик направляет чёрный «Corniche» на старый объездной путь, и за нами выстраивается вереница грузовиков, едущих на пределе разрешённой скорости. «Corniche» освещается фарами сзади, и мы, разговаривающие, отражаемся на внутренней стороне ветрового стекла. Едем на пределе скорости. Так быстро, как разрешает закон.

Закон есть закон, говорит Тайлер. Ехать слишком быстро — это то же самое, что устраивать поджоги, то же самое, что взрывать бомбы, то же самое, что убивать людей.

Преступник есть преступник есть преступник.

На прошлой неделе мы заполнили ещё четыре бойцовских клуба, говорит механик. Может быть, Большой Боб сможет возглавить следующий филиал, если мы найдём бар.

Стало быть, на следующей неделе он объяснит Большому Бобу правила и даст ему собственный бойцовский клуб.

Теперь, когда лидер открывает бойцовский клуб, все стоят вокруг лампы в центре подвала в ожидании, а лидер ходит кругами вокруг, за спинами толпы, в темноте.

Я спрашиваю, кто устанавливает новые правила? Это Тайлер?

Механик улыбается и говорит: вы знаете, кто устанавливает правила.

Новое правило в том, что никто не должен быть центром бойцовского клуба, говорит он. Никто не является центром клуба, кроме двух сражающихся. Голос лидера будет звучать, перемещаясь вокруг толпы, из темноты. Люди в толпе будут смотреть на других людей через центр помещения.

Так будет во всех бойцовских клубах.

Найти бар или гараж с помещением для бойцовского клуба не трудно. Первый бар, где всё ещё встречается самый первый бойцовский клуб, зарабатывает на месячную аренду за одну субботнюю ночь бойцовского клуба.

Согласно механику, ещё одно новое правило в том, что бойцовский клуб всегда будет свободным. Он никогда не будет ничего стоить.

Механик кричит из открытого окна возле водительского сиденья встречному транспорту, и ночной ветер уносит его слова: нам нужен ты, а не твои деньги.

Механик кричит в окно: пока ты в бойцовском клубе, ты — это не твой счет в банке. Ты — это не твоя работа. Ты — не твоя семья. И ты — не тот, кем себя считаешь.

Механик кричит ветру: ты — не твоё имя.

Космическая мартышка на заднем сиденье подхватывает: ты — не твои проблемы.

Механик кричит: ты — не твои проблемы.

Космическая мартышка кричит: ты — не сколько тебе лет.

Механик кричит: ты — не сколько тебе лет.

И тут механик сворачивает на встречную полосу, заполняя салон фарами встречных машин сквозь ветровое стекло, холодными как неожиданный прямой удар в лицо. Одна машина, за ней другая идут нам лоб-в-лоб, сигнали гудками, и механик отворачивает едва-едва, чтобы пропустить каждую.

Фары идут прямо на нас, увеличиваясь и увеличиваясь, сигнал гудит, а механик наклоняется вперёд в сияние и шум, и кричит: ты — не твои надежды.

Никто не подхватывает.

На этот раз идущая навстречу машина сворачивает вовремя, спасая нас.

Ещё одна машина приближается, переключая дальний и ближний, дальний, ближний свет, непрерывно сигнали, и механик кричит: ты не будешь спасён.

Механик не сворачивает, но встречная машина сворачивает.

Ещё одна машина, и механик кричит: мы все умрём когданибудь.

На этот раз встречная машина сворачивает, но механик сворачивает за ней, оставаясь на её пути. Машина сворачивает, и механик сворачивает снова, оставаясь лоб-в-лоб.

Ты слабеешь и потеешь в этот момент. В этот момент ничто не имеет значения. Взгляд на звёзды — и тебя уже нет. Ни твой багаж. Ничто не важно. Ни даже запах изо рта. Снаружи темнота. Гудки режут. Фары светят тебе в лицо — и тебе уже никогда больше не придётся идти на работу. Не нужно больше стричься.

Быстро, говорит механик.

Машина снова сворачивает, и механик сворачивает за ней.

Что, спрашивает он, что ты хотел бы сделать прежде, чем умрёшь?

Встречная машина непрерывно сигнали, а механик так спокоен, что даже поворачивается посмотреть на меня рядом с ним на переднем сиденье. И говорит: десять секунд до столкновения.

Девять.

Восемь.

Семь.

Шесть.

Моя работа, говорю я. Я хотел бы уйти с работы.

Сигнал проносится мимо, когда машина сворачивает, а механик не сворачивает за ней.

Ещё огни приближаются к нам, и механик поворачивается к трём мартышкам на заднем сиденье.

Эй вы, мартышки-космонавты, говорит он. Вы видели, как играют в эту игру. Признавайтесь сейчас, или мы все умрём.

Справа от нас проносится машина с наклейкой на бампере: «Я вожу лучше, когда пьян». Газеты пишут, что тысячи этих наклеек просто появились на машинах в одно прекрасное утро. И другие наклейки, например: «Сделай из меня отбивную».

«Пьяные водители против матерей».

«Перерабатывайте своих животных».

Читая газету, я знал, что это Комитет по дезинформации наклеил их. Или Комитет по беспорядкам.

Сидя рядом со мной наш чистый и трезвый механик говорит мне, да, эти наклейки про пьяных — часть Проекта «Увечье».

Три космических мартышки притихли на заднем сиденье.

Комитет по беспорядкам отпечатывает инструкции для самолётных кресел. Инструкции, на которых изображены пассажиры, дерущиеся за кислородные маски, пока их реактивный самолёт падает вниз на скалы со скоростью тысяча миль в час.

Комитет по беспорядкам и Комитет по дезинформации соревнуются, кто быстрее напишет компьютерный вирус, от которого банкоматы стошнит потоками десяти— и двадцатидолларовых банкнот.

Прикуриватель на приборной доске отщёлкивается, раскалённый. Механик говорит мне зажечь свечи на праздничном торте.

Я зажигаю свечи, и торт освещается под маленькими огоньками.

Что вы хотели бы сделать прежде, чем умрёте? — спрашивает механик и сворачивает навстречу приближающемуся грузовику. Грузовик сигналит, издавая один долгий рёв за другим, пока фары грузовика, как рассвет, становятся всё ярче и ярче, освещая улыбку механика.

Загадывайте побыстрее, говорит он в зеркальце заднего вида, где три космических мартышки сидят на заднем сиденье. У нас пять секунд до забвения.

Раз, говорит он.

Два.

Грузовик совсем рядом с нами, ослепительно сияющий и ревущий.

Три.

Научиться ездить верхом, раздаётся с заднего сиденья.

Построить дом, доносится второй голос.

Сделать татуировку.

Механик говорит: уверуйте в меня, и обретёте смерть вечную.

Слишком поздно: грузовик сворачивает, и механик сворачивает, но задняя часть нашего «Corniche» бьётся о край переднего бампера грузовика.

Всё что я вижу — это огни, фары грузовика уносятся во тьму, меня кидает в сторону двери, потом назад в праздничный торт и в механика за рулем.

Механик хватается за руль, пытаюсь выровнять машину, и свечи торта гаснут. В одно совершенное мгновение в тёплом чёрном кожаном салоне машины нет света, и наши крики все звучат на одной глубокой ноте, на одной ноте с низким рёвом гудка грузовика. У нас нет ни контроля, ни выбора, ни направления, ни выхода, и мы мертвы.

Моим желанием прямо сейчас было бы умереть. Я — ничто по сравнению с Тайлером.

Я беспомощен.

Я глуп, и всё что я делаю — это чего-то хочу и желаю.

Моя маленькая жизнь. Моя маленькая дерьмовая работа. Моя шведская мебель. Я никогда, никогда не говорил этого никому, но перед тем, как встретил Тайлера, хотел купить собаку и назвать ее Антураж.

Вот, насколько хуже всё может быть.

Убей меня.

Я хватаю руль и поворачиваю — назад, в едущие машины.

Сейчас.

Приготовиться к освобождению души.

Сейчас.

Механик борется, чтобы направить нас в кювет, а я борюсь, чтобы сдохнуть.

Сейчас.

Поразительное чудо смерти. В одно мгновение ты ходишь и говоришь, а в следующее ты — предмет.

Я — ничто. Меньше, чем ничто.

Холодный.

Невидимый.

Я чувствую запах кожи. Мой ремень безопасности окрутился вокруг меня как смирительная рубашка, и когда я пытаюсь сесть, я ударяюсь головой об руль. Это больше, чем должно бы быть.

Моя голова отдыхает у механика на коленях, и когда я смотрю вверх, мои глаза фокусируются на лице механика высоко надо мной, улыбающемся, ведущем машину. Я могу видеть звёзды снаружи окна водителя.

Мои руки и лицо в чём-то липком.

Кровь?

Крем с торта.

Механик смотрит вниз.

С днем рождения!

Я чувствую запах дыма и вспоминаю праздничный торт.

Я чуть не сломал рулевое колесо вашей головой, говорит он.

Больше ничего, только ночной воздух и запах дыма, и звё— зды, и механик, который улыбается и ведёт машину, моя голова у него на коленях, и внезапно мне перестает казаться, что мне нужно сесть.

Где торт?

Механик говорит: на полу.

Только ночной воздух, и запах дыма всё ощутимее.

Я загадал желание?

Высоко надо мной, освещенное звёздным светом из окна, лицо улыбается.

Эти свечи с торта, говорит он, никак не хотят гаснуть.

В звездном свете мои глаза адаптируются, и я вижу дым, поднимающийся от маленьких огоньков, как сигареты вокруг нас на ковре.

Глава 20

МЕХАНИК ИЗ БОЙЦОВСКОГО КЛУБА ЖМЁТ НА ГАЗ, ВЕДЁТ машину в своём тихом яростном стиле. И нам всё ещё нужно сделать кое-что важное сегодня ночью.

Одна из вещей, которым я должен научиться до конца цивилизации — это как определять направление по звёздам.

Вокруг так тихо, как если бы «Cadillac» летел в космосе. Трое парней на заднем сиденье то ли в обмороке, то ли спят.

Мы были на волосок от жизни, говорит механик.

Он снимает одну руку с руля и прикасается к длинному шраму, там, где моя голова ударилась о рулевое колесо. Лоб опух так, что глаза почти закрыты, и он пробегает холодными кончиками пальцев по опухли. «Corniche» подскакивает в яме, и боль заволакивает темнотой глаза как тень от полей шляпы. Помятые задние рессоры и бампер скрипят в тишине вокруг нас, несущихся по дороге.

Механик говорит, что задний бампер «Corniche» висит на соплях, что он был почти оторван, когда зацепился за передний бампер грузовика.

Я спрашиваю: сегодняшняя ночь — это часть его домашнего задания из Проекта «Увечье»?

Часть его, говорит он. Я должен принести четыре человеческие жертвы. И я должен привезти жир.

Жир?

Для мыла.

Что планирует Тайлер?

Механик начинает говорить, и это чистый Тайлер Дёрден.

Я вижу самых сильных и самых умных мужчин из когдалибо живших, говорит он, его лицо чернеет на фоне звёзд в окне водителя. И эти люди качают бензин и обслуживают столики.

Линия его лба, брови, изгиб носа, впадины глазниц, глаза, меняющийся профиль его разговаривающих губ — всё это вырисовывается чёрным на фоне звёзд.

Если бы мы могли собрать этих мужчин в тренировочные лагеря и завершить их возмужание.

Всё, что делает пистолет — это фокусирует взрыв в нужном направлении.

У тебя есть класс сильных мужчин и женщин, и они хотят отдать свои жизни за что-то. Реклама заставляет этих людей гоняться за машинами и одеждой. Поколения работают на работах, которые ненавидят, чтобы покупать вещи, которые им не нужны.

В нашем поколении нет великой войны, или великой депрессии, но — да, у нас есть великая духовная война. У нас есть великая революция против культуры. Великая депрессия наших жизней. У нас духовная депрессия.

Мы покажем этим мужчинам и женщинам свободу, поработая их, и покажем им смелость, запугивая их.

Наполеон утверждал, что может научить людей отдавать свои жизни за полоску ленты.

Представь, что мы объявим забастовку, и все откажутся работать, пока не будет перераспределено богатство мира. Представь, как ты отслеживаешь лося во влажных лесах руин «Rockefeller Center».

То, что вы сказали о вашей работе, говорит механик, вы действительно имели это в виду?

Да, я имел это в виду.

Вот, почему мы в дороге сегодня, говорит он.

Мы — поисковая партия. Мы ищем жир.

Мы едем на свалку медицинских отходов.

Мы едем на станцию уничтожения медицинских отходов. И там, среди использованных бинтов и пластырей, среди десятилетней давности опухолей, использованных капельниц и игл, среди анализов крови и ампутированных органов, среди страшных, действительно страшных вещей мы найдём больше денег, чем сможем увезти за одну ночь, даже если подгоним мусоровоз.

Мы найдём деньги, чтобы заполнить этот «Corniche» так, что он просядет на рессорах до земли.

Жир, говорит механик. Жир после липосакции, жир, отсосанный из богатейших задниц Америки. Богатейших, жирнейших задниц мира.

Наша цель — большие красные сумки жира, который мы привезём обратно на Paper Street и выварим, и смешаем со щёлочью и розмарином, и продадим обратно тем же людям, которые заплатили, чтобы его у них удалили. По двадцать долларов за кусок мыла, только они могут себе его позволить.

Самый хороший, самый лучший жир в мире. Сливки общества, соль земли, говорит он. Это превращает нашу поездку в вылазку Робин Гуда.

Маленькие восковые огоньки потрескивают на ковре.

Ну, и пока мы там, говорит он, мы можем заодно поискать эти вирусы гепатита.

Глава 21

ТЕПЕРЬ СЛЁЗЫ ПОТЕКЛИ УЖЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ, И ОДНА дорожка побежала по стволу моего пистолета, вниз по скобе вокруг курка, чтобы растечься по моему указательному пальцу. Рэймонд Хэссел закрыл глаза, так что я с силой прижимаю пистолет к его виску, чтобы он всё время чувствовал, что это пистолет, что я стою позади него, что это его жизнь и в любой момент он может умереть.

Это не дешёвый пистолет. Интересно, не испортится ли он от соли.

Всё было так легко, что даже удивительно. Я сделал всё, что сказал механик.

Вот, зачем мы должны были купить пистолеты.

Это было домашнее задание. Каждый из нас должен был принести Тайлеру двенадцать водительских прав. Это докажет, что мы принесли двенадцать человеческих жертв.

Я припарковался и подождал за углом, пока Рэймонд Хэссел не закончит смену в круглосуточном магазине «Korner Mart». Около полуночи он ждал ночного автобуса, когда я наконец-то подошёл и сказал: привет.

Рэймонд Хэссел. Рэймонд ничего не сказал. Наверное, он думал, что мне нужны его деньги. Его минимальная зарплата, четырнадцать долларов в его бумажнике. О, Рэймонд Хэссел, все твои двадцать три года. Когда ты начал плакать, слёзы текли по стволу пистолета, прижатого к твоему виску. Нет, дело не в твоих деньгах. Не всегда дело в деньгах.

Ты даже не здороваешься.

Ты — не твой жалкий бумажник.

Я говорю, хорошая ночь, холодно, зато ясно.

Ты даже не здороваешься.

Я говорю, не беги, а то мне придётся выстрелить тебе в спину. Я вытер пистолет, и я в перчатке. Так что даже если пистолет и станет вещественным доказательством номер один, на нём не будет ничего, кроме высохших слёз человека по имени Рэймонд Хэссел, белый, двадцать три, без особых примет.

Тогда я привлек твоё внимание. Твои глаза стали такими большими, что даже в свете фонарей я увидел, что они зелёные как антифриз.

Ты пятился назад понемногу каждый раз, когда пистолет касался твоего лица, как будто он был очень холодным или очень горячим. Пока я не сказал, остановись, и тогда ты дал пистолету прикоснуться к себе, и даже тогда откинул голову вверх и в сторону от пистолета.

Ты дал мне бумажник, как я и сказал.

Тебя зовут Рэймонд К. Хэссел, так сказано в водительских правах. Ты живёшь по адресу 1320 SE Benning, квартира А. Это, должно быть, квартира в полуподвале. Они обычно нумеруют их буквами вместо цифр.

Рэймонд К-К-К-К. Хэссел, я с тобой говорю.

Твоя голова откинута вверх и в сторону от пистолета, и ты говоришь, да. Ты говоришь, да, ты живёшь в полуподвале.

У тебя несколько фотографий в бумажнике. Это твоя мать.

Это для тебя было трудным, тебе пришлось открыть глаза и посмотреть на фотографию улыбающихся мамы и папы, и в то же время видеть пистолет. Но ты сделал это, а потом закрыл глаза и начал плакать.

Ты приближался к потрясающему, восхитительному чуду смерти. В одно мгновение ты — личность, в следующее ты — предмет. Мама с папой будут вынуждены позвонить доктору какого-там, чтобы опознать тебя по зубам, потому что от лица у тебя не много останется. Мама с папой, они всегда ожидали от тебя большего, и — нет, жизнь несправедлива, а теперь вот дошло и до этого.

Четырнадцать долларов.

Это, говорю я, твоя мама?

Да. Ты плачешь, шморгаешь носом, плачешь. Сглатываешь. Да.

У тебя есть карточка библиотеки. Карточка проката видеокассет. Карточка социального страхования. Четырнадцать долларов наличными. Я хотел забрать автобусный проездной, но механик сказал — брать только водительские удостоверения. Просроченная карточка студента муниципального колледжа.

Ты что-то изучал.

Ты плачешь к тому времени уже довольно громко, так что я прижимаю пистолет немного сильнее к твоей щеке, и ты начинаешь отходить назад, пока я не говорю, не двигайся, или умрёшь прямо сейчас. Теперь — что ты изучал?

Где?

В колледже, говорю я. У тебя карточка студента.

О, ты не знаешь, всхлипываешь, сглатываешь, шморг, шморг, биологию.

Слушай, ты сейчас умрёшь, Рэймонд К-К-К. Хэссел, сегодня. Ты можешь умереть через секунду или через час, решай сам. Так что солги мне. Скажи первое, что приходит тебе в голову. Придумай что-нибудь. Мне всё равно. У меня пистолет.

Наконец-то ты стал прислушиваться, и отвлекся от маленькой трагедии в собственной голове.

Заполни анкету. Кем Рэймонд Хэссел хотел стать, когда вырастет?

Домой, говоришь ты, ты просто хочешь домой, пожалуйста.

Да нет, говорю я. Как ты хотел провести свою жизнь? Если бы ты мог делать всё, что угодно?

Придумай что-нибудь.

Ты не знаешь.

Тогда ты сейчас умрёшь, говорю я. Я говорю, поверни-ка голову.

Смерть произойдет через десять, девять, восемь.

Ветеринаром, говоришь ты. Ты хотел быть ветеринаром.

Это значит — животные. Тебе нужно было учиться для этого.

Слишком много учиться, говоришь ты.

Ты можешь учиться в школе, Рэймонд Хэссел, или можешь быть мёртв. Выбирай сам.

Я засовываю твой бумажник обратно в карман твоих джинсов. Так ты на самом деле хочешь быть ветеринаром? Я убираю солёное дуло пистолета от одной щеки и прижимаю его к другой. Ты им хотел стать, доктор Рэймонд К-К-К-К. Хэссел, ветеринаром?

Да?

Не врешь?

Да. Да, то есть, нет, не вру. Не вру.

Хорошо, говорю я. И прижимаю мокрое дуло пистолета к кончику твоего подбородка, потом к кончику носа, и где бы я ни прикасался дулом, остается блестящее колечко твоих слёз.

Тогда, говорю я, возвращайся в школу. Когда проснёшься завтра утром, то обнаружишь себя на пути обратно в колледж.

Я прижимаю мокрое дуло пистолета к каждой щеке, потом к подбородку, а потом к центру лба и оставляю ствол прижатым ко лбу.

Ты всё ещё можешь умереть прямо сейчас, говорю я. У меня твои права. Я знаю, кто ты. Я знаю, где ты живёшь. Я оставляю себе твои права, и проверю, мистер Рэймонд К. Хэссел. Через три месяца, потом через полгода, потом через год. И если ты не вернёшься обратно в колледж, и не будешь учиться на ветеринара, то ты умрёшь.

Ты ничего не говоришь.

Убирайся отсюда, возвращайся к своей жизни, но помни — я наблюдаю за тобой, Рэймонд Хэссел. И я скорее убью тебя, чем увижу работающим на дерьмовой работе ради денег, которых едва хватит на сыр и телевизор.

Теперь я уйду. Так что не поворачивайся.

Это то, что Тайлер велел мне сделать.

Это слова Тайлера слетают с моих губ.

Я — губы Тайлера.

Я — руки Тайлера.

Все в Проекте «Увечье» — часть Тайлера Дёрдена, и vice versa[\[80\]](#).

Рэймонд К-К. Хэссел, твой ужин будет вкуснее, чем всё, что ты когда-либо ел.

Завтра будет самый прекрасный день всей твоей жизни.

Глава 22

ТЫ ПРОСЫПАЕШЬСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ АЭРОПОРТУ Феникса.

Переведи часы на два часа назад.

Я добираюсь до центра Феникса и в каждом баре, в который я захожу, сидят парни со шрамами на скулах и на бровях, где сильный удар рассёк кожу об острый угол кости. Парни со сломанными носами. Они смотрят на меня с дырой в щеке — и мы сразу становимся одной семьей.

Тайлера не было дома какое-то время. Я делаю свою маленькую работу. Я передвигаюсь от аэропорта к аэропорту, чтобы смотреть на машины, в которых погибли люди. Очарование путешествий. Маленькая жизнь. Маленькие брусочки мыла. Маленькие сиденья самолета.

Где бы я ни был, я спрашиваю о Тайлере.

На случай, если я найду его, в моём кармане лежат водительские удостоверения моих двенадцати человеческих жертв.

В каждом баре, куда я прихожу, в каждом баре я вижу избитых людей. В каждом баре они обнимают меня и хотят купить мне пива. Как будто я заранее знаю, какие бары — это бары бойцовских клубов.

Я спрашиваю, видели ли они человека по имени Тайлер Дёрден.

Глупо спрашивать, знают ли они о бойцовском клубе. Первое правило бойцовского клуба: ты не говоришь о бойцовском клубе.

Но — видели ли они Тайлера Дёрдена?

Они говорят: никогда не слышали о таком, сэр. Но вы можете найти его в Чикаго, сэр.

Наверное, из-за дыры в моей щеке все они называют меня «сэр».

И подмигивают.

Ты просыпаешься в аэропорту Чикаго.

Переведи часы на час вперед.

Если ты можешь проснуться в другом месте. Если ты можешь проснуться в другое время. Почему ты не можешь проснуться другим человеком?

В каждом баре, куда ты приходишь, избитые люди хотят купить тебе пива. И — нет, сэр, они никогда не встречали этого Тайлера Дёрдена.

И они подмигивают.

Они даже не слышали этого имени раньше.

Сэр.

Я спрашиваю о бойцовском клубе. Сегодня ночью где-нибудь поблизости есть бойцовский клуб?

Нет, сэр.

Второе правило бойцовского клуба: ты не говоришь о бойцовском клубе.

Избитые люди в баре качают головами. Даже никогда не слышали о таком.

Сэр.

Но вы можете найти этот бойцовский клуб в Сиэтле, сэр.

Ты просыпаешься в Сан-Диего.

Ты звонишь Марле, чтобы узнать, что происходит на Paper Street. Марла говорит, что теперь все космические мартышки бреют головы. Их электробритва разогревается, и теперь весь дом воняет палёной шерстью. Космические мартышки используют щёлочь, чтобы выжечь отпечатки пальцев.

Просыпаешься в Сиэтле.

Переведи часы на два часа назад.

Ты доезжаешь до центра Сиэтла. В первом же баре, куда ты заходишь, бармен носит бандаж на шее, который заставляет его запрокидывать голову так высоко, что он должен коситься на тебя из-за расплющенного сломанного носа.

Бар пуст.

И бармен говорит: добро пожаловать назад, сэр.

Я не был раньше в этом баре, никогда, никогда раньше.

Я спрашиваю, знает ли он имя «Тайлер Дёрден».

Бармен ухмыляется из-за бандажа на шее и спрашивает: это что, проверка?

Да, говоришь ты, это проверка. Он встречал когда-нибудь Тайлера Дёрдена?

Вы приезжали на прошлой неделе, мистер Дёрден, говорит он. Разве вы не помните?

Тайлер был здесь.

Вы были здесь, сэр.

Я никогда здесь не был.

Как скажете, сэр, говорит бармен. Но в четверг вечером вы приезжали, чтобы узнать, как скоро полиция собирается закрыть нас.

В прошлый четверг я всю ночь маялся бессонницей, не зная, то ли я сплю, то ли нет. Я проснулся поздно утром в пятницу, ужасно уставший, как будто и глаз не сомкнул.

Да, сэр, говорит бармен. В четверг вечером вы стояли на этом самом месте, где сейчас, и спрашивали меня о полицейской облаве. И вы спрашивали меня, как много человек мы не пустили в бойцовский клуб в среду вечером.

Бармен поворачивается всем корпусом, чтобы оглядеть пустой бар и говорит: никто не услышит, мистер Дёрден, сэр. Мы отослали двадцать семь человек прошлой ночью. Здесь всегда пусто на следующий день после бойцовского клуба.

Во всех барах, куда я приходил на этой неделе, меня называли «сэр».

Во всех барах, куда я приходил, все избитые парни из бойцовского клуба начинали вести себя одинаково.

Как может незнакомец знать, кто я?

У вас есть родимое пятно, мистер Дёрден, говорит бармен. На ноге, сэр. В форме тёмно-красной Австралии с Новой Зеландией рядом.

Только Марла знает это. Марла и мой отец. Даже Тайлер не знает этого. Когда я иду на пляж, я поджигаю эту ногу под себя.

Рак, которого у меня нет, теперь повсюду.

Все в Проекте «Увечье» знают это, мистер Дёрден.

Бармен поднимает руку, поворачивает её тыльной стороной ко мне. Я вижу поцелуй, выжженный на его руке.

Мой поцелуй?

Поцелуй Тайлера.

Все знают о родимом пятне, сэр, говорит бармен. Это часть легенды. Вы становитесь настоящей легендой, сэр.

Я звоню Марле из гостиничного номера в Сиэтле, чтобы спросить, делали ли мы это. Ну, ты знаешь.

По межгороду Марла говорит: что?

Спали вместе.

Что?!

Занимался ли я с ней, ну это, занимался ли с ней сексом.

Господи!

Ну?

Ну?!

Мы занимались сексом?

Какое же ты дерьмо!

Мы занимались сексом?

Я бы убила тебя.

Это «да» или «нет»?

Я знала, что так будет, говорит Марла. Ты просто псих. Ты меня любишь — ты меня не замечаешь. Ты спасаешь меня — ты варишь из моей мамы мыло.

Я должен ущипнуть себя.

Я спрашиваю Марлу, как мы встретились.

В группе рака яичек, говорит Марла. А потом ты спас мне жизнь.

Я спас ей жизнь?

Ты спас мне жизнь.

Тайлер спас ей жизнь.

Ты спас мне жизнь.

Я засовываю палец в дыру в щеке и проворачиваю. От такой боли я точно должен проснуться.

Марла говорит: ты спас мне жизнь. В отеле «Regent». Я пыталась покончить с собой. Помнишь?

О.

В ту ночь, говорит Марла. Я ещё сказала, что хочу от тебя аборт.

Мы теряем давление в салоне.

Я спрашиваю Марлу, как меня зовут.

Мы все умрём.

Марла говорит: Тайлер Дёрден. Тайлер Подтирка Для Жопы Дёрден. Ты живёшь по адресу 5123 NE Paper Street, где сейчас кишат твои апостолы с бритыми головами, которые выжигают кожу щёлочью.

Я должен поспать.

Ты должен поднять задницу и ехать обратно, кричит Марла в телефон, пока эти чудовища не сварили мыло из меня.

Мне нужно найти Тайлера.

Шрам на руке, спрашиваю я Марлу, откуда он у неё.

Ты, говорит Марла. Ты поцеловал мою руку.

Я должен найти Тайлера.

Я должен поспать.

Я должен поспать немного.

Я должен поспать.

Я говорю Марле, спокойной ночи. И крики Марлы становятся всё дальше, дальше и дальше, пока я тянусь, чтобы положить трубку.

Глава 23

ВСЮ НОЧЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ КРУЖАТСЯ МЫСЛИ. Я сплю? Я вообще спал? Это бессонница.

Пытаешься постепенно расслабиться с каждым вздохом, но твое сердце всё так же бешено стучит, и мысли ураганом носятся в голове.

Ничто не помогает. Ни направленная медитация.

Ты в Ирландии.

Не помогает считать овец.

Ты считаешь дни, часы, минуты с тех пор, как спал в последний раз. Твой доктор смеялся. Нельзя умереть от бессонницы. Твоё лицо скривилось и сморщилось как печёное яблоко, можно подумать, что ты уже умер.

В три часа утра в гостиничной постели в Сиэтле слишком поздно искать группу поддержки больных раком. Слишком поздно искать маленькие голубые капсулы амитала натрия, яркоалые «Sesopal», весь этот набор «Долины Кукол». В три часа утра слишком поздно идти в бойцовский клуб.

Ты должен найти Тайлера.

Ты должен поспать.

Потом ты просыпаешься, и Тайлер стоит в темноте у кровати.

Ты просыпаешься.

В момент, когда ты погружался в сон, Тайлер стоял там, говоря: проснись. Проснись, мы разобрались с проблемой с полицией здесь, в Сиэтле. Проснись.

Комиссар полиции хотел совершить налет на то, что он называл полупреступными группировками и любительскими клубами бокса.

Не волнуйся, говорит Тайлер. Мистер комиссар полиции больше не будет проблемой. Тайлер говорит: мы его держим теперь за яйца.

Я спросил, следил ли Тайлер за мной.

Забавно, говорит Тайлер. Я хотел спросить то же самое. Ты говорил обо мне с другими людьми, ты, дерьмо. Ты нарушил своё обещание.

Тайлер был удивлен, что я его вычислил.

Каждый раз, когда ты засыпаешь, говорит Тайлер, я подрываюсь и бегу сделать что-нибудь дикое, что-нибудь сумасшедшее, что-нибудь совершенно безумное.

Тайлер становится на колени у моей кровати и шепчет: в прошлый четверг, когда ты заснул, я сел на самолёт в Сиэтл чтобы посмотреть, как тут бойцовские клубы. Чтобы узнать, скольких отсылали из них, и всё такое. Поискать новые таланты. У нас есть Проект «Увечье» и в Сиэтле тоже.

Тайлер проводит кончиками пальцев по шрамам у моих глаз.

У нас есть Проект «Увечье» в Лос-Анджелесе и в Детройте. Большой Проект «Увечье» в Вашингтоне, D.C., в Нью-Йорке. А в Чикаго у нас такой Проект, что ты не поверишь.

Тайлер говорит: не могу поверить, что ты нарушил своё обещание. Первое правило — ты не говоришь о бойцовском клубе.

Он был в Сиэтле на прошлой неделе, когда бармен в бандаже сказал ему, что полиция готовит налёт на бойцовские клубы. Комиссар полиции занимался этим лично.

Дело в том, говорит Тайлер, что у нас есть полицейские, которые ходят в бойцовские клубы, и им нравится. У нас есть газетные репортёры, юристы, адвокаты, и мы знаем всё ещё до того, как это случится.

Нас должны были закрыть.

По крайней мере, в Сиэтле, говорит Тайлер.

Я спросил, что Тайлер сделал с этим.

Что мы сделали с этим, говорит Тайлер.

Мы устроили собрание Комитета по насилию.

Больше нет «тебя» и «меня», говорит Тайлер и щиплет меня за кончик носа. Я думаю, ты это уже понял.

Мы оба используем одно тело, но в разное время.

Мы объявили особое домашнее задание, говорит Тайлер. Мы сказали: принесите мне свежие, горячие, с пылу с жару, яйца его чести комиссара полиции Сиэтла как-там-его.

Я не сплю.

Да, говорит Тайлер, ты спишь.

Мы собрали команду из четырнадцати космических мартышек. Пятеро из них были полицейскими. И в ту ночь все люди в парке, где его честь выгуливал свою собаку, были мы.

Не волнуйся, говорит Тайлер. Собака не пострадала.

Всё нападение заняло на три минуты меньше, чем лучшая из тренировок. Мы планировали двенадцать минут. Нашей лучшей тренировкой было девять минут.

Пятеро космических мартышек держали его.

Тайлер рассказывает мне это, но каким-то образом я это всё уже знаю.

Три космических мартышки стояли на стрёме. У одной мартышки был эфир^[81]. Другая мартышка стянула спортивные штаны с его чести.

Собака была спаниель. И она всё лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Космическая мартышка трижды туго обмотала резиновой лентой мошонку его чести.

Ещё одна мартышка — между его ног, с ножом, шепчет Тайлер разбитым лицом у моего уха. А я шепчу в почтительное ухо комиссара полиции, что ему лучше отменить налёт на бойцовские клубы, или нам придётся оповестить весь мир, что у его чести нет яиц.

Тайлер шепчет: как далеко ты зайдёшь, ваша честь?

Резиновая лента лишила чувствительности всё, что ниже неё.

Как далеко ты зайдёшь в политике, если твои избиратели будут знать, что у тебя нет яиц?

К тому времени его честь почти потерял сознание.

Ребята, у него яйца холодные как лёд.

Если закроют хоть один бойцовский клуб, мы пошлём его яйца по почте на восток и на запад. Одно пойдёт в «New York Times», а другое — в «Los Angeles Times». По одному туда и туда. Как положено с пресс-релизами.

Космическая мартышка убрала тряпку с эфиром от его рта, и комиссар сказал: не надо.

А Тайлер сказал: нам нечего терять, кроме бойцовского клуба.

Комиссар, у него было всё.

Все что нам осталось — это грязь и дерьмо земли.

Тайлер кивнул космической мартышке с ножом между ногами комиссара.

Тайлер сказал: представь остаток жизни с пустой мошонкой.

Комиссар сказал, нет.

И — не надо.

Остановитесь.

Пожалуйста.

О.

Господи.

Помоги.

Мне.

Помогите.

Нет.

Остановите.

Их.

Космическая мартышка ведёт ножом — и режет только резиновую ленту.

Шесть минут. Мы закончили.

Запомни, сказал Тайлер. Люди, на которых ты хочешь наехать, — это люди, от которых ты зависишь. Мы те, кто стирает твоё белье, готовит твою еду, кто накрывает твой стол. Мы заправляем твою кровать. Мы охраняем тебя, пока ты спишь. Мы водим к тебе «скорые». Мы соединяем твои звонки. Мы повара и таксисты. Мы знаем о тебе всё. Мы обрабатываем твои выплаты по страховке и по кредитным картам. Мы контролируем каждую часть твоей жизни.

Мы — средние сыновья истории, взращённые телевидением, верившие в то, что в один прекрасный день мы все станем миллионерами, киноактёрами, рок-звёздами. Но мы не стали. И мы только что это уяснили, сказал Тайлер. Так что — не лезь к нам.

Космическая мартышка вернула эфир на место, заглушив всхлипы комиссара, пока он не отключился.

Другая команда одела его и доставила вместе с собакой домой. После этого ему предстояло хранить секрет. И — нет, мы не ожидаем больше налётов на бойцовские клубы.

Его честь вернулся домой испуганным, но невредимым.

Каждый раз, когда мы проделываем эти домашние задания, говорит Тайлер, эти парни из бойцовского клуба, которым нечего терять, оказываются чуть больше втянутыми в Проект «Увечье».

Тайлер становится на колени у моей постели и говорит: закрой глаза и дай мне руку.

Я закрываю глаза, и Тайлер берёт меня за руку. Я чувствую губы Тайлера на клейме его поцелуя.

Я сказал, что если ты будешь говорить обо мне за моей спиной, то ты больше меня не увидишь, сказал Тайлер. Мы — не два разных человека. Короче, когда ты просыпаешься, ты контролируешь своё тело, и можешь хотеть всё, что тебе угодно. Но в то мгновение, когда ты засыпаешь, я получаю контроль, и ты становишься Тайлером Дёрденом.

Но мы дрались, говорю я. В ту ночь, когда придумали бойцовский клуб.

Ты на самом деле сражался не со мной, говорит Тайлер. Ты сам так сказал. Ты сражался со всем, что ты ненавидишь в своей жизни.

Но я тебя вижу.

Ты спишь.

Но ты арендовал дом. У тебя была работа. Две работы.

Тайлер говорит: затребуй свои погашенные чеки из банка. Я арендовал дом на твоё имя. Я думаю, почерк на чеках за аренду совпадёт с почерком, которым были написаны те бумаги, что ты для меня печатал.

Тайлер тратил мои деньги. Неудивительно, что у меня всегда был перерасход.

А работы... почему, ты думаешь, ты так уставал? Это не бессонница. Как только ты засыпал, я вставал и шёл на работу, или в бойцовский клуб, или ещё куда-нибудь. Тебе ещё повезло, что я не стал работать змееловом.

Я спрашиваю, а как на счет Марлы?

Марла любит тебя.

Марла любит тебя.

Марла не знает разницы между тобой и мной. Ты назвался вымышленным именем в ту ночь, когда вы познакомились. Ты никогда не называешь своё настоящее имя в группах поддержки, ты, неаутентичное дерьмо. С тех пор, как я спас ей жизнь, Марла думает, что тебя зовут Тайлер Дёрден.

Так что, теперь, когда я знаю о Тайлере, он просто исчезнет?

Нет, говорит Тайлер, всё ещё держа меня за руку. Я не был бы здесь, если бы не был тебе нужен. Я буду жить своей жизнью, когда ты будешь спать. Но если полезешь ко мне — прикуёшь себя к постели на ночь или будешь принимать снотворное, — тогда мы будем врагами. И я покараю тебя за это.

Нет, это бред. Это сон. Тайлер — это проекция. Он — диссоциативное личностное нарушение психики. Психогенная псевдоличность. Тайлер Дёрден — моя галлюцинация.

Да ну, говорит Тайлер. Может, это ты — моя шизофреническая галлюцинация.

Я был здесь первым.

Тайлер говорит: да, да, да, посмотрим, кто останется последним.

Это не по-настоящему. Это сон, я сейчас проснусь.

Тогда проснись.

Потом зазвонил телефон, и Тайлер исчез.

Солнце пробивается сквозь шторы.

Это звонит телефон разбудить меня в семь утра. И когда я поднимаю трубку — в ней мёртвая тишина.

Глава 24

ТЕПЕРЬ ВПЕРЁД, ДОМОЙ К МАРЛЕ И «МЫЛОВАРЕННОЙ» компании Paper Street».

Всё по-прежнему разрушается.

Дома я слишком напуган, чтобы заглянуть в холодильник. Представь дюжины маленьких пластиковых коробочек для завтраков, подписанных названиями городов типа «Лас-Вегас»,

«Чикаго», «Милуоки», где Тайлеру пришлось исполнить угрозы, чтобы защитить филиалы бойцовского клуба. Внутри каждой коробки будет два замёрзших комка плоти.

В углу кухни космическая мартышка сидит на корточках на потрескавшемся линолеуме и изучает себя в карманном зеркальце.

Я — поющее и танцующее дерьмо мира, говорит мартышка зеркалу. Я — токсический отход божественного творения.

Другие космические мартышки передвигаются по саду, что-то собирают, что-то убивают.

Одной рукой на ручке дверцы холодильника, я делаю глубокий вдох и пытаюсь сконцентрировать свою просветлённую духовную сущность.

Роса на розах
И зверюшки Диснея
Причиняют боль

Холодильник приоткрыт на дюйм, когда Марла заглядывает через моё плечо и говорит: что на обед?

Космическая мартышка смотрит на себя в зеркале, сидящего на корточках. Я — дерьмо, заразный человеческий отход творения.

Полный круг.

Месяц назад я боялся, что Марла заглянет в холодильник. Теперь я сам боюсь заглянуть в холодильник.

О, Господи. Тайлер.

Марла любит меня. Марла не знает разницы.

Я рада, что ты вернулся, говорит Марла. Нам нужно поговорить.

О да, говорю я. Нам нужно поговорить.

Я не могу заставить себя открыть холодильник.

Я — Похолодевшие Яйца Джека.

Я говорю Марле, не трогай ничего в этом холодильнике. Даже не открывай его. Если когда-нибудь что-нибудь в нем найдёшь, не ешь это и не давай кошке или ещё там что.

Мартышка с карманным зеркальцем смотрит на нас, так что я говорю Марле, что нам нужно уйти. Нам нужно поговорить где-нибудь в другом месте.

Внизу, на лестнице в подвал, одна космическая мартышка читает вслух другим: три способа сделать напалм. Первый: смешать поровну бензин и замороженный концентрат апельсинового сока, читает мартышка в подвале. Второй: смешать поровну бензин и диетическую колу. Третий: растворять наполнитель из кошачьего туалета в бензине, пока не загустеет.

Мы с Марлой телепортируемся из «Мыловаренной компании Paper Street» на планету «Denny's»[\[82\]](#), оранжевую планету.

Это вроде того, что рассказывал Тайлер. С тех пор как Англия отправляла экспедиции, основывала колонии, составляла карты, большинство географических названий — это вторичные английские названия. Англия называла всё. Или почти всё.

Например, Ирландия.

Нью-Лондон, Австралия.

Нью-Лондон, Индия.

Нью-Лондон, Айдахо.

Нью-Йорк, Нью-Йорк.

Теперь вперёд, в будущее.

Когда начнется изучение глубокого космоса, наверное, мегакорпорации будут открывать новые планеты и называть их.

Звёздное скопление «IBM».

Галактика «Philip Morris».

Планета «Denny's».

Каждая планета будет получать идентификацию той компании, которая изнасилует её первой.

Мир «Budweiser».

У нашего официанта большая шишка на лбу. Он стоит по струнке, пятки вместе.

Сэр, говорит наш официант. Что вы хотите заказать, сэр? Всё, что вы закажете, бесплатно, сэр.

Ты можешь представить запах мочи у каждого в супе.

Два кофе, пожалуйста.

Марла спрашивает: почему он предлагает нам еду бесплатно?

Официант думает, что я — Тайлер Дёрден, говорю я.

В таком случае, Марла заказывает жареных моллюсков, моллюсков с гарниром, рыбу в корзинке, жареного цыплёнка и печёный картофель со всем, и воздушный шоколадный пирог.

Сквозь окошко в кухню три повара, один со шрамами на верхней губе, смотрят на нас с Марлой и шепчутся тремя избитыми головами друг к другу. Я говорю официанту, чистую еду пожалуйста. Не надо ничего делать с тем, что мы заказали.

В таком случае, сэр, говорит наш официант, я бы не советовал леди есть моллюсков с гарниром здесь.

Спасибо. Никаких моллюсков с гарниром.

Марла смотрит на меня. Я говорю ей: поверь мне.

Официант поворачивается на каблуках и марширует на кухню.

Сквозь окошко на кухню три повара показывают мне большие пальцы.

Марла говорит: быть Тайлером Дёрденом выгодно.

Отныне, говорю я Марле, она должна следовать за мной повсюду по ночам, записывать, где я бываю. С кем встречаюсь. Не кастрировал ли я кого-нибудь важного. Всё в таком духе.

Я достаю бумажник и показываю Марле водительское удостоверение, где моё настоящее имя. Не Тайлер Дёрден.

Но все знают, что ты — Тайлер Дёрден, говорит Марла.

Все, кроме меня.

Никто на работе не называет меня Тайлер Дёрден. Мой босс зовёт меня моим настоящим именем. Мои родители знают, кто я на самом деле.

Так почему ты Тайлер Дёрден только для некоторых, а не для всех, спрашивает Марла.

В первый раз, когда я встретил Тайлера, я спал.

Я был уставшим, задёрганным, почти сумасшедшим. Каждый раз, когда я садился на самолёт, я мечтал, чтобы он разбился. Я завидовал умирающим от рака. Я ненавидел свою жизнь. Мне опротивели моя работа и моя мебель, и я не видел способа, как это изменить.

Только — закончить всё.

Я чувствовал себя в ловушке.

Я был слишком цельным.

Я был слишком совершенным.

Я хотел вырваться из своей маленькой жизни. Стать чем-то большим в этом мире, чем одна порция масла и тесное кресло самолёта.

Шведская мебель.

Прикладное искусство.

Я взял отпуск. Я заснул на пляже, а когда я проснулся, там был Тайлер Дёрден, голый и потный, весь в песке, мокрые волосы лезут в глаза.

Тайлер вылавливал из воды плавающие доски и вытаскивал их на берег.

Тайлер создал тень огромной руки и сидел в центре совершенства, созданного им самим.

Мгновение — максимум, чего можно ждать от совершенства.

Может быть, я никогда на самом деле не просыпался на этом пляже.

Может быть, всё это началось, когда я помочился на камень Blarney.

Когда я засыпаю, я на самом деле не сплю.

За другими столиками планеты «Denny's» я могу насчитать одного, двух, трёх, четверых, пятерых парней с синяками на скулах или сломанными носами, улыбающихся мне.

Нет, говорит Марла. Ты не спишь.

Тайлер Дёрден — это отдельная личность, которую я создал. И теперь он угрожает завладеть моей настоящей жизнью.

Совсем как мама Тони Перкинса в «Psycho»[\[83\]](#), говорит Марла. Это так круто. У всех свои заскоки. Я встречалась с парнем, который всё время делал себе пирсинг, по всему телу.

Когда я засыпаю, говорю я, Тайлер бежит с моим телом и изуродованным лицом, чтобы совершить какое-нибудь преступление. На следующее утро я просыпаюсь уставший и разбитый, и уверен, что вообще не спал.

На следующий день я ложусь пораньше.

На следующую ночь Тайлер остается у власти немного дольше.

С каждой ночью, когда я ложусь всё раньше и раньше, Тайлер остается у власти всё дольше и дольше.

Но ты — Тайлер, говорит Марла.

Нет.

Я — нет.

Мне всё нравится в Тайлере Дёрдене. Его ум. Его сила. Его смелость. Его спокойствие. Тайлер весёлый, обаятельный, сильный, независимый. Люди смотрят на него и ждут, что он изменит их мир. Тайлер свободен и готов ко всему. А я — нет.

Я — не Тайлер Дёрден.

Нет, ты — это Тайлер, говорит Марла.

Мы с Тайлером делим одно тело, и до сих пор я об этом не знал. Когда бы Тайлер не занимался сексом с Марлой, я спал. Тайлер ходил и разговаривал, пока я думал, что спал.

Все в бойцовском клубе и проекте «Увечье» знают меня как Тайлера Дёрдена.

И если я буду ложиться спать каждую ночь всё раньше и каждое утро спать всё дольше, то, в конце концов, я исчезну совсем.

Я просто лягу спать и никогда не проснусь.

Марла говорит: совсем как звери в центре бродячих животных.

Долина псов. Где даже если тебя не убивают, даже если кто-то любит тебя настолько, чтобы привести домой, тебя всё равно кастрируют.

Я никогда не проснусь. И Тайлер победит.

Официант приносит кофе, щёлкает каблуками и удаляется.

Я нюхаю свой кофе. Он пахнет кофе.

Ну, если я поверю во всё это, говорит Марла, всё равно, что ты от меня хочешь?

Чтобы Тайлер не мог получить контроль, мне нужно, чтобы Марла не давала мне спать. Всё время.

Полный круг.

В ночь, когда Тайлер спас ей жизнь, Марла просила его не давать ей спать всю ночь.

В то мгновение, когда я засну, Тайлер получит контроль и что-то ужасное произойдет.

А если я всё же засну, Марла должна будет проследить за Тайлером. Куда он идёт. Что он делает. Так что в течение дня я смогу всё исправить.

Глава 25

ЕГО ИМЯ РОБЕРТ ПОЛСОН. ЕМУ СОРОК ВОСЕМЬ ЛЕТ. Его имя было Роберт Полсон. И Роберту Полсону навсегда останется сорок восемь лет.

На достаточном отрезке времени вероятность выживания каждого падает до нуля.

Большой Боб. Этот жлоб был на обычном домашнем задании. Так Тайлер проник в мою квартиру, чтобы взорвать её самодельным динамитом. Ты берёшь канистру с охладителем. R-12, если ты сможешь его найти, который с озоновой дырой и всем таким прочим. Или R-134a. И распыляешь его в цилиндр замка, пока он не замёрзнет.

На таком домашнем задании ты замораживаешь замок у телефона-автомата или паковочного счётчика или почтового ящика. Потом используешь молоток и зубило, чтобы раздробить замороженный цилиндр замка.

Вместо зубила против замороженного цилиндра замка можно использовать электродрель. Это работает так же хорошо, и намного тише.

Не то, чтобы Проекту «Увечье» нужна была горсть мелочи. «Мыловаренная компания Raref Street» была завалена заказами. Помогите нам Господи, когда подойдут праздники. Домашнее задание — для того, чтобы закалить нервы. Тебе нужно сделать что-то противозаконное. Внести свой вклад в Проект «Увечье».

На таком обычном домашнем задании ты высверливаешь замок телефона или банкомата, потом просовываешь в отверстие пластиковую трубку и используешь масляный шприц, чтобы наполнить цель тавотом, ванильным пудингом или пластиковым цементом.

То, что полиция приняла за пистолет, когда они застрелили Большого Боба, была беспроводная электродрель.

Не было ничего, чтобы связывало Большого Боба с Проектом «Увечье», бойцовскими клубами или мылом.

В его кармане был бумажник с его фотографией. Огромный, почти голый, в демонстрационной позе на каком-то соревновании.

Дурацкая жизнь, сказал Боб. Ты — на сцене. Ты слепнешь от прожекторов и глохнешь от заводящихся и воющих динамиков, пока судья командует: протяни правую руку... согни в локте... напряги мышцы... не двигаться...

Подними руки, так чтобы мы могли их видеть.

Протяни левую руку... напряги бицепс... замри...

Не двигаться.

Брось оружие!

Это было лучше, чем настоящая жизнь.

На его руке был шрам от моего поцелуя. От поцелуя Тайлера.

Уложенные волосы Боба были сбриты, а его отпечатки пальцев выжжены щёлочью.

Лучше если тебя ранят, чем если арестуют. Потому что если тебя арестовали — ты выбыл из Проекта «Увечье». Больше — никаких домашних заданий.

В один момент Роберт Полсон был маленьким тёплым центром жизни во вселенной, а в следующий — Роберт Полсон стал предметом. После полицейского выстрела — поразительное чудо смерти.

В каждом бойцовском клубе сегодня ночью лидер ходит вокруг в темноте за спинами толпы, которые смотрят друг на друга через пустой центр подвала каждого бойцовского клуба. И он говорит: его имя — Роберт Полсон.

И толпа повторяет: его имя — Роберт Полсон.

Лидер говорит: ему сорок восемь лет.

И толпа повторяет: ему сорок восемь лет.

Ему сорок восемь лет и он — часть бойцовского клуба.

Ему сорок восемь лет и он — часть проекта «Увечье».

Только в смерти мы обретём имена, потому что только в смерти мы перестанем быть частью усилий. В смерти мы становимся героями.

И толпа кричит: Роберт Полсон.

И толпа кричит: Роберт Полсон.

И толпа кричит: Роберт Полсон.

Я отправляюсь сегодня ночью в бойцовский клуб, чтобы закрыть его. Я стою под единственной лампой в центре помещения. Весь клуб улыбается. Для всех здесь я — Тайлер Дёрден. Умный. Сильный. Смелый.

Я поднимаю руки в призыве к тишине. И я говорю: почему бы нам всем не разойтись? Идите домой сегодня ночью, и забудьте о бойцовском клубе.

Я думаю, что бойцовский клуб уже выполнил свою задачу, правда?

Проект «Увечье» закрыт.

Я слышал, сегодня по телевизору футбол.

Сотня глаз просто смотрит на меня.

Человек мёртв, говорю я. Игра окончилась. Это больше не развлечение.

И тогда из темноты, из-за спин толпы раздаётся незнакомый голос лидера: первое правило бойцовского клуба — ты не говоришь о бойцовском клубе.

Я кричу: идите по домам!

Второе правило бойцовского клуба — ты не говоришь о бойцовском клубе.

Бойцовский клуб закрыт! Проект «Увечье» закрыт!

Бои идут только один на один.

Я — Тайлер Дёрден, кричу я. Я приказываю: убирайтесь отсюда!

Никто не смотрит на меня. Они смотрят друг на друга через центр комнаты.

Голос лидера медленно перемещается вокруг нас. Только один бой за раз. Никаких рубашек, никакой обуви.

Бои будут продолжаться и продолжаться и продолжаться столько, сколько будет нужно.

Представь, как это происходит в сотнях городов, на полудюжине языков.

Правила оглашены, а я всё ещё стою в центре, на свету.

Участники боя номер один, занимайте места, говорит голос из темноты. Очистить центр клуба.

Я не двигаюсь.

Очистить центр клуба!

Я не двигаюсь.

Свет единственной лампы отражается в темноте от сотни пар глаз, смотрящих на меня, ждущих. Я стараюсь видеть каждого из них так, как Тайлер их видел. Выбрать лучших бойцов для участия в Проекте «Увечье». Кого из них Тайлер пригласил бы на работу в «Мыловаренную компанию Paper Street»?

Очистить центр клуба!

Это устоявшаяся процедура бойцовского клуба. После трёх неповиновений лидеру клуба ты будешь исключен из него.

Но я — Тайлер Дёрден. Я создал бойцовский клуб. Бойцовский клуб мой. Никого из вас бы тут не было, если бы не я. И я говорю: прекратите!

Приготовиться к исключению члена клуба через три, два, один...

Круг людей смыкается вокруг меня. Две сотни рук обхватывают каждый дюйм моих рук и ног. Меня поднимают на руках вверх.

Приготовиться к освобождению души через пять, четыре, три, два, один...

Меня передают над головами, из рук в руки, толпа двигается к двери. Я плыву. Я лечу.

Я кричу: бойцовский клуб — мой. Проект «Увечье» — это моя идея. Вы не можете меня выбросить. Я здесь главный! Отправляйтесь по домам!

Звучит голос лидера: участники боя номер один, займите центр клуба. Сейчас же!

Я не уйду! Я не сдамся! Я могу с этим справиться. Я здесь главный.

Исключить члена бойцовского клуба, сейчас!

Освободить душу, сейчас...

И я медленно вылетаю из двери в ночь со звёздами над головой и холодным воздухом. Я приземляюсь на бетон парковки. Руки отпускают меня, и дверь за мной захлопывается, и лязгает, закрываясь, засов.

В сотнях городов бойцовский клуб продолжается без меня.

Глава 26

ЦЕЛЫЕ ГОДЫ Я МЕЧТАЛ ЗАСНУТЬ. ЗАСНУТЬ, СДАТЬСЯ, провалиться в сон. Теперь последнее, чего бы мне хотелось, — это заснуть.

Я с Марлой в комнате 8G в отеле «Regent». Со всеми стариками и наркоманами в своих маленьких комнатах, моё отчаяние здесь каким-то образом кажется нормальным и уместным.

Вот, говорит Марла, сидя скрестив ноги на кровати и выдавливая полдюжины стимулирующих таблеток из пластинки. Я встречалась с парнем, у которого были ужасные кошмары. Он тоже боялся спать.

И что случилось с этим парнем, с которым она встречалась?

А, он умер, говорит Марла. Сердечный приступ. Передозировка. Слишком много амфетаминов^[84]. Ему было всего девятнадцать.

Спасибо за поддержку.

Когда мы вошли в отель, у парня за конторкой в фойе половина волос была вырвана с корнем. Его обнажённый скальп был в шрамах и ссадинах. Он отсалютовал мне. Старики, смотрящие телевизор в фойе, повернулись, чтобы посмотреть, кого это парень за конторкой называл «сэр».

Добрый вечер, сэр.

Я могу представить, как он звонит в одну из штаб-квартир Проекта «Увечье» и докладывает о моем местонахождении.

Карта города, и они отмечают мои передвижения цветными булавками. Я чувствую себя помеченным, как мигрирующий гусь из передачи «Wild Kingdom»^[85].

Они все следят за мной, и ведут записи.

Ты можешь принять шесть штук, и тебя не стошнит, говорит Марла. Но тебе придется принять их, засовывая в задний проход.

О, как здорово.

Марла говорит: я не шучу. Мы потом достанем что-нибудь посильнее. Какие-нибудь настоящие наркотики вроде «cross tops», или «black beauties», или «alligators»[\[86\]](#).

Я не буду засовывать эти таблетки себе в задницу.

Тогда прими только две.

Куда мы пойдем?

В боулинг. Он открыт всю ночь, и там тебе не дадут спать.

Куда бы я ни шёл, говорю я, люди на улицах думают, что я Тайлер Дёрден.

Так вот, почему водитель автобуса довёз нас бесплатно?

Да. И вот, почему те двое в автобусе уступили нам места.

Ну и чего ты хочешь добиться?

Я не думаю, что будет достаточно всего лишь спрятаться. Нам нужно сделать что-то, чтобы избавиться от Тайлера.

Я встречалась с парнем, которому нравилось носить мою одежду, говорит Марла. Ну, знаешь, платья. Шляпки с вуалями. Мы можем тебя переодеть и так провести.

Я не буду надевать женскую одежду. И не буду засовывать таблетки в задницу.

Да было и хуже, говорит Марла. Я встречалась с парнем, который хотел, чтобы я изобразила лесбийскую сцену с его надувной секс-куклой.

Я встречалась с парнем, который пользовался системой для увеличения члена, говорит Марла.

Я уже представляю себя ещё одной историей Марлы. Я встречалась с парнем, у которого было раздвоение личности.

Я спрашиваю, сколько времени.

Четыре часа утра.

Через три часа я должен быть на работе.

Бери таблетки, говорит Марла. Раз ты Тайлер Дёрден, они, наверное, пустят нас в боулинг бесплатно. Слушай, прежде чем избавиться от Тайлера, может, нам пройтись по магазинам? Мы могли бы купить новую машину. Одежды. Компакт-дисков. Есть ведь во всём этом и плюсь!.

Марла.

Ну ладно, забудь.

Глава 27

КАК ЭТО ГОВОРИТСЯ УБИВАЕШЬ ТОГО, КОГО ЛЮБИШЬ... ну, работает и наоборот.

И оно так работает и наоборот.

Этим утром я отправился на работу. Там были полицейские заграждения между зданием и парковкой, полиция в дверях, снимающая показания у людей, с которыми я работал. Люди толпятся вокруг.

Я даже не стал выходить из автобуса.

Я — Холодный Пот Джека.

Из автобуса я вижу, что окна от пола до потолка на третьем этаже моего офиса выбиты, и внутри пожарный в грязном жёлтом костюме ходит по сгоревшим панелям подвесного потолка. Дюйм за дюймом из разбитого окна показывается дымящийся стол, который выталкивают двое пожарных. Наконец, стол наклоняется, скользит и падает быстрых три этажа на тротуар, и приземляется скорее с ощущением, чем со звуком.

Разбивается, и всё ещё дымится.

Я Комок В Желудке Джека.

Это мой стол.

Я знаю, что мой босс мёртв.

Три способа сделать напалм.

Я знал, что Тайлер собирается убить моего босса. Когда я услышал запах бензина на моих руках, когда я сказал, что хотел бы уволиться с работы — я дал ему разрешение. Чувствуй себя как дома. Убей моего босса.

О, Тайлер.

Я знаю, что компьютер взорвался.

Я знаю это, потому что Тайлер это знает.

Я не хочу знать этого, но — ты берёшь дрель с самым тонким сверлом и просверливаешь отверстие сверху в мониторе компьютера.

Все космические мартышки знают это. Я печатал эти бумаги для Тайлера.

Это новый вариант бомбы в лампочке, когда просверливаешь дыру в лампочке и наполняешь её бензином. Замазываешь отверстие воском или силиконом, потом вкручиваешь лампочку в патрон и даёшь кому-нибудь войти в комнату и щёлкнуть выключателем.

В кинескопе компьютера может поместиться намного больше бензина, чем в лампочке.

Катодно-лучевая трубка. Ты или удаляешь пластиковый корпус кинескопа, это довольно легко, или работаешь сквозь вентиляционную панель наверху корпуса.

Для начала ты должен отключить монитор от источника питания и от компьютера.

То же можно проделать и с телевизором.

Главное — пойми, что если проскочит искра, даже статическое электричество с ковра, то ты мертвец. Кричащий, сгорающий заживо мертвец.

Трубка катодного луча может накапливать триста вольт пассивного электрического заряда. Так что сначала замкни толстой отверткой главный конденсатор в блоке питания.

Если на этом этапе ты умер, значит, ты использовал отвертку с неизолированной ручкой.

Внутри катодной трубки вакуум, так что когда ты просверлишь её, трубка втянет воздух с лёгким свистом.

Рассверли маленькое отверстие сверлом побольше. Потом ещё чуть больше. Пока не сможешь просунуть воронку в отверстие. Потом заполни ёмкость взрывчаткой на выбор. Самодельный напалм подойдет. Бензин, смешанный с замороженным апельсиновым концентратом, или наполнителем из кошачьего туалета.

Неплоха взрывчатка из перманганата поташа с сахарной пудрой. Мысль в том, чтобы смешать ингредиент, горящий очень быстро, со вторым ингредиентом, который будет поставлять достаточно кислорода для горения. Быстрое горение — это взрыв.

Пероксид бария и цинковая пыль.

Нитрат аммиака и алюминиевая пудра.

Nouvelle cuisine[\[87\]](#) анархии.

Нитрат бария под соусом серы, приправленный древесным углем. Порох.

Bon appetit[\[88\]](#).

Наполни этим корпус монитора, и когда кто-либо включит питание, пять или шесть фунтов пороха взорвутся ему в лицо.

Проблема в том, что мне вроде как нравился мой босс.

Если ты мужчина, христианин, американец, то твой отец — это твоя модель Бога. Иногда ты находишь отца в карьере.

Тайлеру мой босс не нравился.

Полиция будет искать меня. Я был последним, кто уходил из здания вечером прошлой пятницы. Я проснулся за столом, запотевшим от моего дыхания, и Тайлер в телефоне, говорящий мне: выходи. У них машина. У них «Cadillac».

На моих руках всё ещё был бензин.

Механик из бойцовского клуба спросил: что ты хочешь сделать до того, как умрёшь?

Я хотел бросить работу. Я дал Тайлеру разрешение. Чувствуй себя как дома. Убей моего босса.

От взорванного офиса я еду на автобусе до конечной — площадки, усыпанной гравием. Здесь начинаются пустыри и перепаханные поля. Водитель достаёт пакет с завтраком и термос, смотрит на меня в зеркальце заднего вида.

Я пытаюсь придумать, куда я могу пойти, где полиция не будет меня искать.

С места в конце салона я вижу около двадцати человек, сидящих между мной и водителем. Я считаю их затылки. Двадцать бритых голов.

Водитель поворачивается на кресле ко мне, сидящему на заднем сиденье.

Мистер Дёрден, сэр, я действительно восхищаюсь тем, что вы делаете.

Я никогда его раньше не видел.

Вы должны простить меня за это, сэр, говорит водитель. Комитет говорит, что это ваша собственная идея.

Бритые головы поворачиваются, одна за одной. Потом, один за одним, они встают. У одного в руке тряпка, и ты чувствуешь запах эфира. У ближайшего — охотничий нож. Человек с ножом — это механик из бойцовского клуба.

Вы смелый человек, сэр, говорит водитель автобуса, если сделали самого себя целью домашнего задания.

Механик говорит водителю: заткнись. Стой на шухере и молчи.

Ты знаешь, что у одной из космических мартышек — резиновая лента, чтобы обмотать тебе мошонку.

Они заполняют переднюю часть автобуса.

Механик говорит: вы знаете правило, мистер Дёрден. Вы сами это говорили. Вы говорили, что если кто-нибудь когда-нибудь попытается закрыть бойцовский клуб, даже вы сам, то мы должны отрезать ему яйца.

Гонады. Balls. Nuevos. Тестикулы.

Представь всё самое дорогое замороженным в коробке для завтрака в морозилке «Мыловаренной компании Paper Street».

Вы знаете, что сопротивляться бесполезно, говорит механик.

Водитель жуёт свой сэндвич и смотрит на нас в зеркальце заднего вида.

Полицейская сирена воет, приближаясь. Трактор ползёт через поле вдалеке. Птицы. Окно в конце салона автобуса полуоткрыто. Облака. Сорняки растут на границе площадки с гравием. Пчелы или мухи жужжат меж сорняков.

Нам нужно кое-что, говорит механик из бойцовского клуба. На этот раз это не просто угроза, мистер Дёрден. На этот раз нам придётся их отрезать.

Водитель автобуса говорит: это полиция.

Сирена приближается к автобусу.

Чем я должен защищаться?

Полицейская машина подъезжает к автобусу, синие и красные огни сверкают сквозь ветровое стекло автобуса, и кто-то снаружи кричит: эй там, внутри!

И я спасён.

Вроде того.

Я могу рассказать полицейским о Тайлере. Я расскажу им всё о бойцовском клубе. Может быть, я сяду в тюрьму, но Проект «Увечье» — это будет уже их проблема. И я не буду сидеть, уставившись на нож.

Полицейский заходит в автобус и первое, что он говорит: вы его уже порезали?

Второй полицейский говорит: давайте быстро, выписан ордер на его арест.

Потом он снимает фуражку и говорит мне: ничего личного, мистер Дёрден. Приятно, наконец, с вами познакомиться, сэр.

Я говорю, вы все совершаете большую ошибку.

Механик говорит: вы говорили нам, что скажете это, сэр.

Я не Тайлер Дёрден.

Вы говорили, что скажете и это тоже, сэр.

Хорошо, я — Тайлер Дёрден. Да, это я. Я Тайлер Дёрден, и «устанавливаю правила. И я говорю: положи нож.

Да-да-да, говорит механик. Он на середине прохода с ножом в руке перед собой. Сэр, вы говорили, что уж это вы точно скажете.

Я изменяю правила. Можете оставить бойцовский клуб, но мы больше не будем никого никогда кастрировать.

Механик оглядывается через плечо: какое у нас пока лучшее время?

Кто-то отвечает: четыре минуты.

Механик спрашивает: кто-нибудь засекает?

Оба полицейских уже вошли в автобус, один смотрит на часы и говорит: минутку. Подожди, пока стрелка не дойдет до двенадцати.

Полицейский говорит: девять.

Восемь.

Семь.

Я прыгаю в открытое окно.

Мой живот врезается в тонкую металлическую окантовку окна, и позади меня, механик кричит: мистер Дёрден, сэр! Вы нам время похерите!

Наполовину свесившись из окна, я хватаюсь за чёрную резину покрышки заднего колеса. Я хватаюсь за обод и пытаюсь протащить себя через окно. Кто-то хватается за ногу и тащит назад. Я кричу маленькому трактору на расстоянии: эй! Эй! Моё лицо горячее от прилива крови. Я вишу вверх ногами. Я вытаскиваю себя понемногу. Руки вокруг моих колен тянут меня обратно. Мой галстук лезет в лицо. Мой пояс цепляется за окантовку окна. Пчелы и мухи и сорняки в нескольких дюймах передо мной и я кричу: эй!

Руки вцепляются в мои брюки, тянут меня обратно, стягивая с меня брюки и пояс.

Кто-то внутри автобуса кричит: одна минута!

Мои туфли слетают с ног. Мой пояс застряёт в окне.

Руки сводят мои ноги вместе. Разогретое на солнце окно печёт живот. Моя белая рубашка комкается и сползает мне на голову и на плечи. Мои руки всё ещё цепляются за колесо, и я всё ещё кричу: эй!

Мои ноги вытянуты вместе сзади. Мои брюки стянуты с моих ног. Солнце греет мой голый зад.

Кровь стучит в голове, глаза вылезают от давления, я могу видеть только белую рубашку, лезущую в лицо. Где-то рычит трактор. Жужжат пчелы. Где-то. Всё в миллионе миль от меня. Где-то в миллионе миль от меня кто-то кричит: две минуты!

Рука протискивается между моих ног и шарит там.

Не делайте ему больно, говорит кто-то.

Руки вокруг моих колен в миллионе миль отсюда. Представь их в конце длинной, длинной дороге. Направленная медитация.

Не думай об оконной раме как о тупом горячем ноже, вспарывающем тебе живот.

Не думай о команде мужчин, раздвигающих тебе ноги, как будто перетягивающих канат.

В миллионе, в миллиарде миль отсюда грубые горячие руки хватают твою мошонку и оттягивают, и что-то всё плотнее и плотнее сжимает её.

Резиновая лента.

Ты в Ирландии.

Ты в бойцовском клубе.

Ты на работе.

Ты где угодно, но не здесь.

Три минуты.

Кто-то вдалеке кричит: вы знаете правила, мистер Дёрден. Не лезьте к бойцовскому клубу.

Горячая рука под тобой сложена чашечкой. Холодное острие ножа. Рука обвивается вокруг туловища. Терапевтический физический контакт. Время объятий. Эфир плотно прижимается к твоему носу и рту.

А потом — ничего.

Меньше чем ничего.

Забвение.

Глава 28

ВЗОРВАННАЯ СКОРЛУПА МОЕЙ ВЫГОРЕВШЕЙ КВАРТИРЫ. Чёрная как космическое пространство. Обнажённая в ночи над маленькими городскими огнями. Окна выбиты, и жёлтая полицейская лента, ограждающая сцену преступления, дрожит и покачивается на краю пятнадцатизатной пропасти.

Я проснулся на бетонном перекрытии. Когда-то здесь был кленовый паркет. Прикладное искусство на стенах. До взрыва. Здесь была шведская мебель. До Тайлера.

Я одет. Я засовываю руку в карман и чувствую.

Я весь.

Испуган, но невредим.

Подойди к краю перекрытия. Пятнадцатью этажами ниже парковка. Взгляд на городские огни и на звёзды — и тебя уже нет.

Все это выше нашего понимания.

Здесь, посреди миль ночи между землёй и звёздами, я чувствую себя как те животные в космосе.

Собаки.

Мартышки.

Люди.

Ты делаешь свою маленькую работу. Тянешь за рычаг. Нажимаешь на кнопку. Ты не понимаешь ничего.

Мир сходит с ума. Мой босс мёртв. Мой дом разрушен. Моей работы больше нет. И я в ответе за всё это.

Ничего не осталось.

У меня превышен кредит в банке.

Загляни за край.

Полицейская лента между мной и забвением.

Шагни за край.

Что ещё там?

Шагни за край.

Марла.

Прыгни за край.

Там Марла, и она в самом центре, и она не знает этого.

И она любит тебя.

Она любит Тайлера.

Она не знает разницы. Кто-то должен сказать ей.

Уходи. Убирайся.

Спасай себя.

Ты спускаешься на лифте в вестибюль. Швейцар, которому ты никогда не нравился, теперь улыбается тебе улыбкой с тремя выбитыми зубами и говорит: добрый вечер, мистер Дёрден. Вызвать вам машину? Как вы себя чувствуете, сэр? Хотите позвонить?

Ты звонишь Марле в отель «Regent».

Клерк в отеле говорит: одну секунду, мистер Дёрден.

Потом в телефоне появляется Марла.

Швейцар слушает за твоим плечом. Клерк в отеле, наверное, тоже слушает.

Ты говоришь: Марла, нам нужно поговорить.

Марла говорит: иди ты на хрен.

Ты говоришь, что ей может угрожать опасность. Она должна знать, что происходит. Она должна встретиться с тобой. Вам нужно поговорить.

Где?

Она должна прийти в то место, где мы впервые встретились. Вспомни. Помнишь? Белый шар исцеляющего света. Дворец с семью дверями.

Поняла, говорит она. Я буду там через двадцать минут.

Будь там.

Ты кладешь трубку, и швейцар говорит: я могу вызвать вам машину, мистер Дёрден. Бесплатно, куда вы захотите.

Парни из бойцовского клуба следят за тобой.

Нет, говоришь ты, такая хорошая ночь. Я, пожалуй, пройду пешком.

Субботняя ночь. Рак кишечника в подвале Первой Методистской церкви.

И Марла там, когда ты добираешься.

Марла Сингер, курящая сигарету. Марла Сингер, закатывающая глаза.

Марла Сингер с подбитым глазом.

Ты сидишь на коврике напротив неё в круге медитации и пытаешься вызвать животное твоей силы, пока Марла смотрит на тебя подбитым глазом. Ты закрываешь глаза и медитируешь над дворцом с семью дверями, и всё ещё чувствуешь, как она смотрит на тебя. Ты баюкаешь своего внутреннего ребёнка.

Марла смотрит.

Потом — время объятий.

Открой глаза.

Пусть каждый выберет себе партнёра.

Марла пересекает комнату в три быстрых шага и сильно бьёт меня по лицу.

Разделите себя без остатка.

Ты, чёртов кусок дерьма, говорит Марла.

Все вокруг стоят, уставившись на нас.

Потом кулаки Марлы бьют меня со всех сторон. Ты убил кого-то, кричит она. Я позвонила в полицию, и они вот-вот приедут сюда.

Я хватаю её за руки и говорю: возможно, полиция и приедет. Но — вряд ли.

Марла вырывается и говорит, что полиция уже мчится сюда, чтобы посадить меня на электрический стул и поджарить, или, по крайней мере, сделать мне смертельный укол.

Это будет как укус пчелы.

Сверхдоза фенobarбитала натрия, и — большой сон. В стиле «Долины псов».

Марла говорит, что видела, как я кого-то убил сегодня.

Если она имеет в виду моего босса, говорю я, то да, да, да, я знаю, полиция знает, все уже ищут меня, чтобы казнить, но это Тайлер убил моего босса.

Просто у нас с Тайлером одинаковые отпечатки пальцев, но никто этого не понимает.

Иди ты, говорит Марла и поворачивается ко мне подбитым глазом. Может, тебе и твоим апостолам нравится, когда вас избивают, но ещё раз меня тронешь — и ты покойник.

Я видела, как ты застрелил человека сегодня ночью.

Нет, говорю я, это была бомба. И это случилось утром. Тайлер просверлил отверстие в мониторе и наполнил его бензином или чёрным порохом.

Люди с раком кишечника стоят вокруг и смотрят на нас.

Нет, говорит Марла. Я следила за тобой до отеля «Pressman», ты был официантом на одном из этих вечеров с убийством.

Вечера с убийством. Богачи собираются в отеле на большой ужин, и разыгрывают что-то вроде истории из Агаты Кристи. Где-то между boudin of gravlax^[89] и saddle of venison^[90], на минуту выключают свет, и кто-то делает вид, что его убили. Это должно быть забавной смертью понарошку.

Остаток ужина гости пьют и едят свое madeira consomme^[91] и пытаются найти ключ к тому, кто из них маньяк-убийца.

Марла кричит: ты застрелил специального уполномоченного мэра по переработке отходов!

Тайлер застрелил специального уполномоченного мэра по чём там.

Марла говорит: у тебя даже рака нет!

Это так быстро.

Щёлкни пальцами.

Все смотрят.

Я кричу: у тебя тоже нет рака.

Он ходил сюда два года, кричит Марла, и у него ничего нет.

Я пытаюсь спасти твою жизнь!

Что? Почему это мою жизнь нужно спасать?

Потому что ты следила за мной. Потому что ты следила за мной сегодня ночью, ты видела, как Тайлер Дёрден кого-то убил. А Тайлер убьёт любого, кто угрожает Проекту «Увечье».

Все в комнате выглядят выдернутыми из своих маленьких трагедий. Из их раковых несчастий. Даже те из них, кто на болеутоляющих, выглядят взволнованными и удивлёнными.

Я говорю толпе: извините. Я не хотел причинить вреда. Нам лучше уйти. Мы погорим об этом в другом месте.

Все кричат: нет. Оставайтесь! Что ещё?

Я никого не убивал, говорю я. Я — не Тайлер Дёрден. Он — вторая половина моей раздвоенной личности. Я говорю, видел кто-нибудь из вас фильм «Sybil»?

Марла говорит: так кто должен меня убить?

Тайлер.

Ты?

Тайлер, говорю я. Но я могу справиться с Тайлером. Ты просто должна держаться подальше от участников Проекта «Увечье». Тайлер мог дать им приказ следить за тобой, похитить, или что-нибудь ещё.

Почему я должна этому верить?

Это так быстро.

Потому что мне кажется, ты мне нравишься.

Марла говорит: ты меня любишь?

Это сложный вопрос, говорю я. Не дави.

Все смотрят на нас и улыбаются.

Я должен идти. Я должен убраться отсюда, говорю я. Смотрите за парнями с бритыми головами или теми, кто выглядит избитым. Синяки. Выбитые зубы. Всё такое.

Марла говорит: куда ты идешь?

Я должен позаботиться о Тайлере Дёрдене.

Глава 29

ЕГО ИМЯ БЫЛО ПАТРИК МЭДДЕН. ОН БЫЛ СПЕЦИАЛЬНЫМ уполномоченным мэра по переработке отходов.

Его имя было Патрик Мэдден, и он был врагом Проекта «Увечье».

Я вышел из Первой Методистской церкви в ночь и всё начало возвращаться. Все вещи, которые знает Тайлер, возвращаются ко мне.

Патрик Мэдден составлял список баров, где встречаются бойцовские клубы.

Внезапно я знаю, как запустить кинопроектор. Я знаю, как сломать замок. И как Тайлер арендовал дом на Paper Street как раз перед тем, как показаться мне на пляже.

Я знаю, почему появился Тайлер.

Тайлер любил Марлу. С первого дня, когда я её встретил, Тайлер или какая-то часть меня, нуждалась в том, чтобы быть с Марлой.

Это всё не важно. Не теперь. Но все подробности возвращаются ко мне, пока я иду сквозь ночь к ближайшему бойцовскому клубу.

Вот бойцовский клуб в подвале бара «Армогу» по ночам субботы. Его, наверное, можно найти в списке, который составлял Патрик Мэдден, бедный мёртвый Патрик Мэдден.

Сегодня я иду в бар «Армогу», и толпа расступается, когда я вхожу. Для всех здесь, я — Тайлер Дёрден Великий и Могучий. Бог и отец.

Вокруг себя я слышу: добрый вечер, сэр.

Добро пожаловать в бойцовский клуб, сэр.

Спасибо, что присоединились к нам, сэр.

Мое ужасное лицо только-только начало заживать. Дыра улыбается сквозь мою щёку. Ухмылка рядом с моим настоящим ртом.

Раз уж я Тайлер Дёрден, то можете поцеловать меня в задницу. Я вызываю на бой каждого в этом клубе сегодня ночью. Пятьдесят боёв. Один бой за раз. Никаких рубашек. Никакой обуви.

Бои будут продолжаться столько, сколько будет нужно.

И если Тайлер любит Марлу.

Я люблю Марлу.

То, что происходит, не выразишь в словах. Мне хотелось засрать все французские берега, которые я никогда не увижу. Представь, как ты отслеживаешь лося во влажных лесах руин «Rockefeller Center».

В первом бою парень захватывает меня «полным нельсоном» и бьёт моим лицом, моей щекой, дырой в моей щеке в бетонный пол, пока мои зубы не раскалываются и не вонзают осколки и корни мне в язык.

Теперь я помню Патрика Мэддена, мёртвого на полу. Маленькую фигуру его жены, просто маленькую девочку с шиньоном. Она хихикала и пыталась влить шампанское в мёртвые губы её мужа.

Его жена сказала, что фальшивая кровь была слишком красной. Миссис Патрик Мэдден обмакнула два пальца в лужу крови около её мужа и сунула пальцы в рот.

Зубы растут у меня из языка. Я чувствую вкус крови.

Миссис Патрик Мэдден почувствовала вкус крови.

Я помню, как стоял с краю на вечере с убийством с мартышками-официантами, которые как телохранители стояли вокруг меня. Марла, в своем платье с обойным рисунком тёмных роз, наблюдала с другой стороны зала.

Во втором бою парень прижимает колено мне между лопаток. Он сводит обе мои руки вместе за спиной и бьет моей грудью в бетонный пол. Я слышу, как сломалась одна из моих ключиц.

Раскрошить кувалдой мраморные ступени и потереться Моной Лизой.

Миссис Патрик Мэдден подняла два окровавленных пальца вверх. Кровь растекается в щелях между её зубами. Кровь текла по её пальцам, вниз по запястьям. Через бриллиантовый браслет, вниз к локтю, откуда капала на пол.

Бой номер три.

Я просыпаюсь.

Время для боя номер три.

Больше нет имён в бойцовском клубе.

Ты — не твоё имя.

Ты — не твоя семья.

Номер три, похоже, знает, что мне нужно. Он зажимает мою голову в душной темноте. Удушающий захват, который оставляет воздуха ровно столько, чтобы не потерять сознание. Номер три зажимает мою голову в изгибе локтя, как ребёнка или футбольный мяч, и бьёт мне в лицо своим каменным кулаком. Пока мои зубы не разрывают щёку изнутри. Пока дыра в щеке не доходит до угла рта. Пока они не объединяются в кривую ухмылку от носа до уха.

Номер три бьет меня, пока не разбивает кулак.

Пока я не начинаю плакать.

Все, кого ты любишь, покинут тебя или умрут.

Всё, чего ты можешь добиться, в конце превратится в мусор.

Всё, чем ты гордишься, будет отброшено прочь.

Я — Озимандиас, царь царей^[92].

Ещё один удар — и мои зубы смыкаются на языке. Кусок языка падает на пол и улетает в сторону от движения ноги.

Маленькая фигурка миссис Патрик Мэдден стояла на коленях у тела её мужа. Богатые люди, люди, которых они называли друзьями, возвышались пьяными и смеющимися над ней.

Жена, она сказала: Патрик?

Лужа крови растекалась всё шире и шире, пока не прикоснулась к подолу её юбки.

Она сказала: Патрик, хватит, оживай.

Кровь поднималась по юбке за счет капиллярного эффекта, нить за нитью поднималась вверх.

Вокруг меня люди из Проекта «Увечье» кричат.

Потом миссис Патрик Мэдден закричала.

В подвале бара «Аргоу» Тайлер Дёрден рухнул на пол бесформенной массой. Великий Тайлер Дёрден, который был совершенством одно мгновение. И который сказал, что мгновение — это всё, чего можно ждать от совершенства.

И бои продолжаются, потому что я хочу умереть. Потому что только в смерти мы обретём имена. Только в смерти мы больше не будем частью Проекта «Увечье».

Глава 30

ТАЙЛЕР СТОИТ ТАМ. СОВЕРШЕННЫЙ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, светловолосый ангел. Моя воля к жизни изумляет меня.

Я — окровавленный запёкшийся кусок плоти, лежу на матрасе в своей комнате в «Мыловаренной компании Paper Street».

Всё из моей комнаты исчезло.

Моё зеркало с фотографией моей ноги, когда у меня десять минут был рак. Хуже, чем рак. Зеркало исчезло. Дверь шкафа открыта, и мои шесть белых рубашек, чёрные брюки, нижнее бельё, носки, туфли исчезли.

Тайлер говорит: вставай.

В глубине, под покровом, внутри всего, что я принял как должное, родилось что-то ужасное.

Всё разрушается.

Космические мартышки исчезли. Всё перемещено, жир после липосакции, койки, деньги, особенно деньги. Только сад остался, и арендованный дом.

Тайлер говорит: последнее, что осталось сделать — это твоё мученичество. Твоя гибель.

Не смерть, как грустное, печальное событие. Это должна быть вдохновляющая, радостная смерть.

О, Тайлер, мне больно. Просто убей меня здесь.

Вставай.

Убей меня, наконец. Убей меня. Убей меня. Убей меня. Убей меня.

Это должно быть значительным, говорит Тайлер. Представь: ты наверху самого высокого здания в мире. Всё здание занято Проектом «Увечье». Дым валит из окон. Столы падают в толпу на улице. Настоящая опера смерти, вот что тебе нужно.

Я говорю, нет. Ты достаточно мной пользовался.

Если ты не будешь сотрудничать, мы отправимся за Марлой.

Я говорю, веди.

Тогда слезай с кровати, говорит Тайлер, и тащи задницу в машину.

И вот мы с Тайлером наверху небоскрёба «Parker-Morris» с пистолетом у меня во рту.

Нам осталось десять минут.

Здания «Parker-Morris» не будет здесь через девять минут. Я знаю это, потому что Тайлер это знает.

Ствол пистолета прижат к моей глотке.

На самом деле, мы не умрём, говорит Тайлер.

Я подвигаю языком ствол к уцелевшей щеке и говорю: Тайлер, ты говоришь о вампирах.

Нам осталось восемь минут.

Пистолет — просто на случай, если полицейские вертолёты придут раньше.

Для Бога это выглядит как один человек, засунувший пистолет в собственный рот, но это Тайлер держит пистолет, и это моя жизнь.

Ты берёшь 98-процентную дымящую азотную кислоту и добавляешь втрое больше серной кислоты. Ты получаешь нитроглицерин.

Семь минут.

Ты смешиваешь нитроглицерин с опилками и получаешь пластиковую взрывчатку. Многие космические мартышки пропитывают нитроглицерином вату, и добавляют английскую соль в качестве сульфата. Это тоже работает. Некоторые мартышки используют парафин. Парафин у меня никогда, никогда не работал.

Четыре минуты.

Мы с Тайлером на краю крыши. Пистолет в моём рту. Я удивляюсь тому, каким чистым оказался ствол.

Три минуты.

Потом кто-то кричит.

Подожди!

Это Марла, бегущая к нам через крышу.

Марла бежит ко мне, потому что Тайлер исчез. Пшик. Тайлер — моя галлюцинация, а не её. Как волшебный фокус. Тайлер исчез. И теперь я — просто один человек, засунувший пистолет себе же в рот.

Мы следили за тобой, кричит Марла. Все из группы поддержки. Ты не должен этого делать. Опусть пистолет.

Позади Марлы все больные раком кишечника, паразитами мозга, меланомой, туберкулезом идут, ковыляют, катятся на креслах ко мне.

Они говорят: подожди.

Их голоса доносит ко мне холодный ветер: остановись.

И: мы можем помочь тебе.

Дай нам помочь тебе.

По небу разносится рокот полицейских вертолётков.

Я кричу, уходите. Убирайтесь отсюда. Здание сейчас взорвётся.

Марла кричит: мы знаем.

Для меня это как богоявление.

Я не убиваю себя, кричу я. Я убиваю Тайлера.

Я — Твёрдая Решимость Джека.

Я помню всё.

Это не любовь или что там, кричит Марла. Но я думаю, ты мне тоже нравишься.

Одна минута.

Марле нравится Тайлер.

Нет, мне нравишься ты, кричит Марла. Я знаю разницу.

И — ничего.

Ничего не взрывается.

Ствол пистолета упирается в мою уцелевшую щеку.

Я говорю: Тайлер, ты смешал нитроглицерин с парафином, да?

Парафин никогда не работает.

Я должен это сделать.

Полицейские вертолётёты.

Я спускаю курок.

Глава 31

В ДОМЕ ОТЦА МОЕГО ОБИТЕЛЕЙ МНОГО. Конечно, когда я спустил курок, я умер. Лжец. И Тайлер умер.

С полицейскими вертолётётами, грохочущими над нами, с Марлой и всеми людьми из групп поддержки, которые не могут спасти самих себя, но пытаются спасти меня, я должен был нажать на курок.

Это было лучше, чем жизнь.

И прекрасное мгновение не будет длиться вечно.

На Небесах всё белым-бело.

Обманщик.

На Небесах всё тихо, всё на резиновой подошве.

Я могу спать на Небесах.

Люди пишат мне на Небеса и говорят, что помнят меня. Что я их герой. Что мне станет лучше.

Ангелы здесь — в духе Ветхого Завета. Легионы и лейтенанты. Небесное воинство, работающее по дням и сменам. Погост. Они приносят тебе еду на подносе и бумажный стаканчик с лекарствами. Набор «Долины кукол».

Я встречался с Богом. Он сидел за длинным ореховым столом, а за ним на стене висели его дипломы. И Бог спросил меня: зачем?

Зачем я причинил людям столько боли?

Неужели я не понимаю, что каждый из нас — священная, неповторимая снежинка, особой неповторимой особенностью?

Неужели я не вижу, что все мы — свидетельство любви?

Я смотрел на Бога через стол, делающего пометки в блокноте.

Бог всё не так понял.

Мы не особенные.

Мы и не грязь, и не дерьмо.

Мы просто есть.

Мы просто есть, и что случается, то случается.

Но Бог сказал: нет, это не так.

Да. Хорошо. Как угодно. Нельзя учить Бога.

Бог спросил меня, что я помню.

А я помню всё.

Пуля из пистолета Тайлера разорвала мою щёку. Подарила мне рваную ухмылку от уха до уха. Да, как злая хэллоинская тыква. Японский демон. Дракон скупости.

Марла всё ещё на Земле, и она мне пишет. Когда-нибудь, говорит она, они меня вернут.

Если бы на Небесах был телефон, я бы позвонил Марле с Небес. И когда она скажет: «Алло?» я бы не повесил трубку. Я бы сказал: привет. Что происходит? Расскажи мне всё в деталях.

Но я не хочу назад. Пока — нет.

Просто потому что.

Потому что иногда кто-нибудь приносит мне поднос с едой и лекарствами, и у него подбит глаз, или лоб в шрамах, и он говорит:

Нам не хватает вас, мистер Дёрден.

Или кто-нибудь со сломанным носом толкает швабру мимо меня и шепчет:

Всё идёт согласно плану.

Шепчет.

Мы разрушим цивилизацию, чтобы сделать что-то лучшее из нашего мира.

Шепчет.

Мы ждём, когда вы вернётесь.

Шепчет.

Несколько слов о переводе

ПРЕЖДЕ ВСЕГО: «ОФИЦИАЛЬНЫЙ» ПЕРЕВОД КОРМИЛЬЦЕВА отвратителен настолько, насколько только мог быть отвратителен перевод. Это — профанация искусства, надругательство над творением автора. Он не сделал ничего — не отследил повторы, не выдержал стиль. Он, видимо, даже не читал произведение до перевода, потому что каждая следующая глава переведена лучше предыдущих. Хуже перевода в Сети нет, и, думаю, не будет.

Я начал переводить роман, чтобы его прочитала моя любовница — она не знает английского настолько. Потом я узнал, что я не один такой умный. Я не особенный. (:

Я не хотел его выкладывать в Сеть, потому что не собирался соревноваться с другими. Но — други, вы меня расстроили. Ну неужели нет человека, который может перевести роман? Это же не Джойс, не формалисты, это даже не стихи. Всего-то нужно — чётко сформулировать десяток ключевых фраз и в полсотне мест повторить одни и те же слова. Но никто из вас даже не пытался этого сделать [\[93\]](#). Перевод Амзина — просто несерьёзный. Перевод Егоренкова — откровенно недоработан. Перевод Савочкина — неплох. Но со слишком многими странностями (проект «Вывих»???). Неплох, не более того.

Мой — лучше.

Литавры, пожалуйста. Полный и окончанный перевод. С культовыми фразами. С повторениями, параллелями и самоцитатами. Согласованный с фильмом. Правильный, достаточно точный, и в тоже время достаточно вольный перевод. Как верно заметил Савочкин, новое произведение, написанное по определенным законам.

Это окончательная версия и я не собираюсь его больше редактировать. Пожалуйста, не делай этого и ты. Я переводил его настолько тщательно, насколько переводили разве что речи Сталина на язык народности коми. Лучше я не могу. Я переводил роман трижды. Первые два варианта я удалил, когда лучше почувствовал стиль и понял, что они несовершенны: не хотел накапливать ошибки. Это стало просто делом принципа. Я использовал шесть словарей, включая толковый английский Webster, POD и два словаря сленга; это не говоря о русских словарях. Я сверил перевод с уже существующими и, каюсь, коечто подправил. Потом было ещё с десятков читок, в том числе — две вслух, чтобы отследить «разговорность» текста (это ведь внутренний монолог героя, не забыли?). Так что если ты видишь знакомую фразу в этом переводе — значит, она действительно удалась.

Я не буду больше править текст.

Я не жду от тебя благодарности.

Я не жду признания.

Просто не читай книг в плохих переводах, если у тебя есть выбор.

P.S. Всё-таки раньше было в плане переводов лучше... Это у Довлатова хорошо написано. Талантливые люди не могли писать свои произведения, поэтому переводили чужие. Хорошо переводили. Вот мне, например, не придёт в голову заново перевести Ремарка или Хемингуэя. А теперь переводами зарабатывают деньги. И вопрос не в том, чтобы сделать это лучше, а в том, чтобы сделать быстрее и больше. Всё-таки, современная цивилизация ущербна по самой своей сути.

Несколько слов всё же о переводе

ЭТО ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД.

Это означает, что он отличается от оригинала. И отличается достаточно.

Стиль, в котором написан перевод — это не стиль, в котором написан роман. Сначала я хотел создать русскоязычный вариант, полностью аналогичный английскому; перевести по-другому, но сделать роман настолько же разговорным и непринуждённым. Эта была плохая идея, потому что русский язык — это не английский язык.

По ходу работы, во время бесконечной проверки и перепроверки фраз, непринужденность превратилась в отточенность, разговорность — в лаконичность. И постепенно я пришёл к мысли отойти от стиля оригинала и создать, как мне кажется, то, что написал бы Поланик, если бы это не был его первый роман. Произведение немного более выверенное и законченное стилистически.

То тут, то там подправлены фразы, чуть-чуть дописано, чуть-чуть пропущено. Местами текст по мелочам изменён, чтобы его мог понять средний читатель, не знакомый с реалиями американского быта (например — названия аэропортов).

Постепенно из романа исчезли остатки прямой речи. Слова рассказчика, произнесённые вслух, путаются с мыслями, а мысли — со словами окружающих. Рефлексии, мысли, слова — копия копии копии. Фразы построены максимально кратко и рублено. Абзацы, которые Поланик во всех книгах расставляет по неизвестным мне законам, расставлены заново. Выдержаны времена в речи — отдельно настоящее и прошлое, — раз уж герой вспоминает события и заново их переживает.

Что ещё.

Рассказчик (его не зовут «Джек», в романе нет его имени) говорит так, как говорю я. Тайлер Дёрден говорит так, как хотел бы говорить я. (В свете сюжета это кажется логичным.)

Мата в книге нет, потому что я редко ругаюсь, когда разговариваю сам с собой. В переводе фильма мат есть, потому что именно так все мои знакомые разговаривают с друзьями. Кроме того, нарочито бесстрастное изложение не укладывающихся в голове вещей производит значительно более сильное впечатление.

Многие названия и слова на иностранных языках не переведены и не транслитерированы специально.

«Джое» стал «Джеком» потому, что «Джо» не склоняется; и чтобы приблизиться к фильму, который в наших странах первичен. Марла осталась — Сингер, проект — «Увечьем», «звёздочки» — «ожогами», мартышки — космонавтами.

Если тебе не нравится что-то из вышеперечисленного — это твои проблемы. Читай Кормильцева. Не стоит мне писать. Я не хочу слышать ничего об этом переводе.

Хулы не будет, хвалы не будет.

А вообще — прочитай оригинал. Потому что при всём моём старании есть мест пять-десять... пятнадцать?... которые я не смог адекватно перевести. Просто не смог. Есть несколько мест, где были невероятные, чудовищные игры слов, которые переводу просто не подлежат. Хотя бы — слово «evacuate» в сцене смерти Хлои.

Переводить наши (и ваши) соотечественники, похоже, никогда не научатся, поэтому остальные переводы будут. Обязательно будут.

Все.

Завгородний